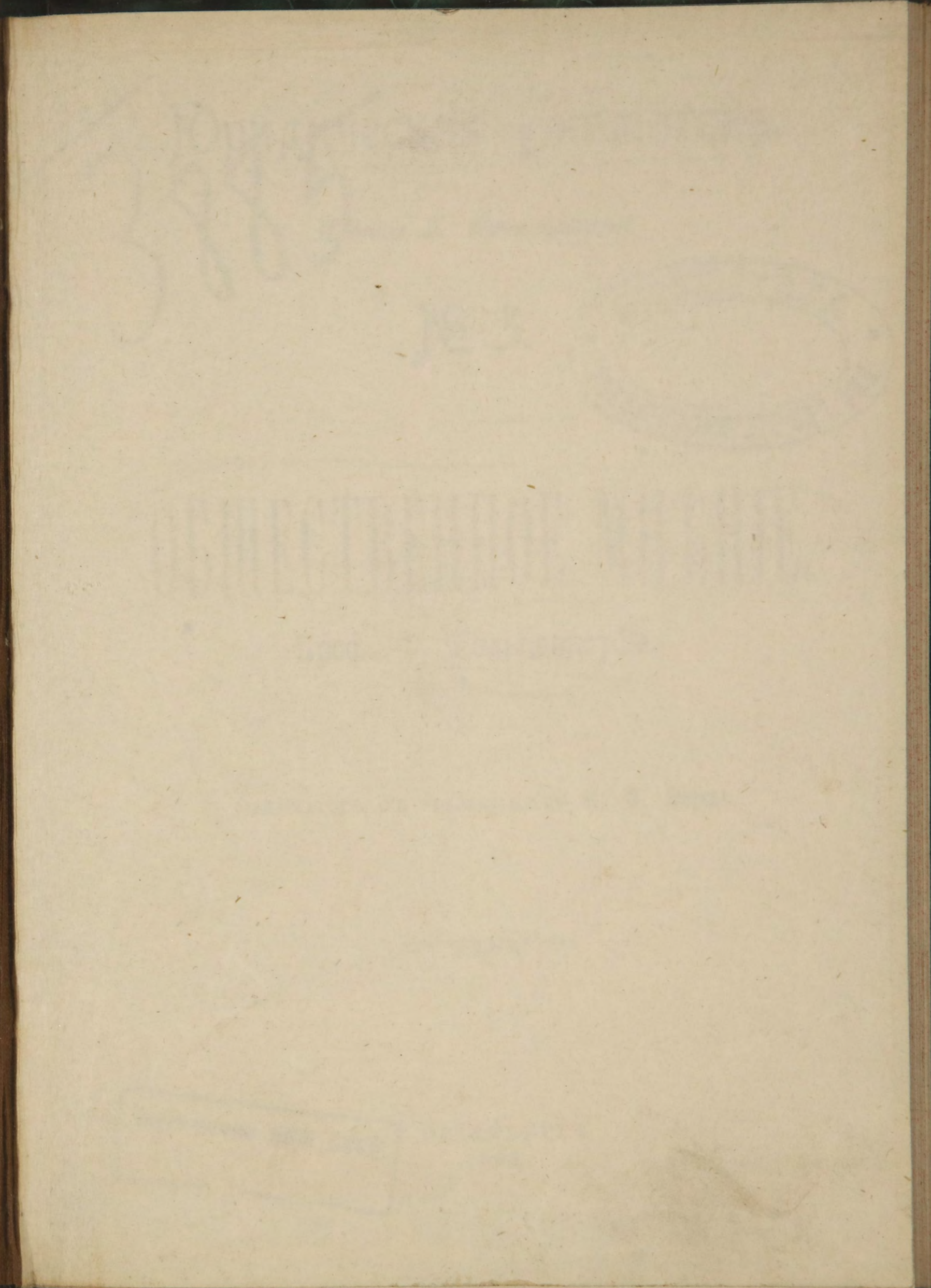
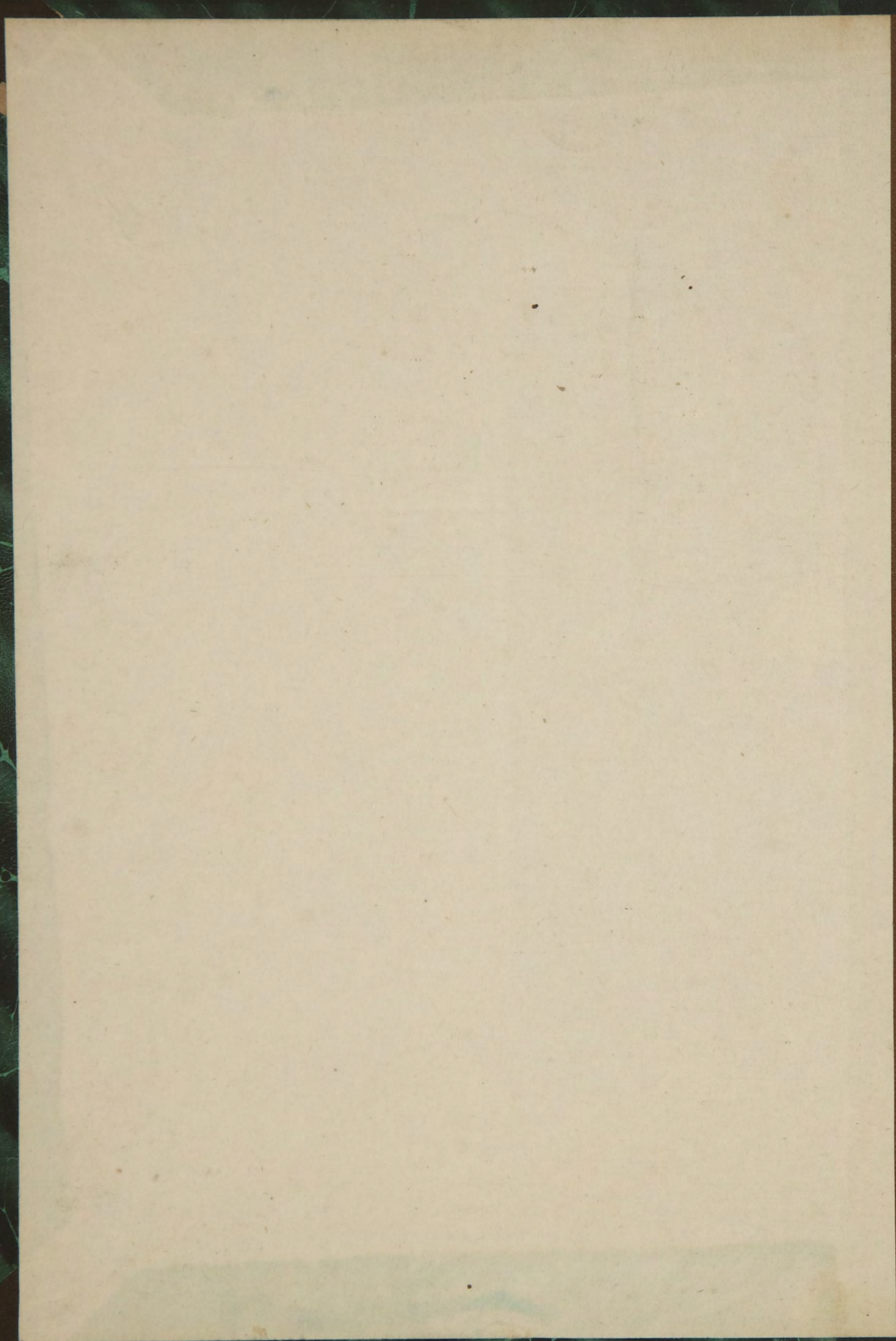

3885

1870

127/44
+
3885
Юридическая Библиотека.

Издание Я. Канторовича.

№ 3.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ.

Проф. Ф. Гольцендорфа.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО Н. О. Бера).

Библиотека ИКФ ССР

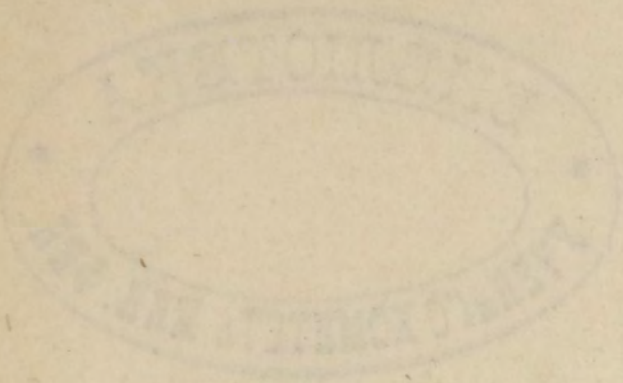
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1895.

7

ГОРЬКАЯ ПИЩА

История В. Ленинского

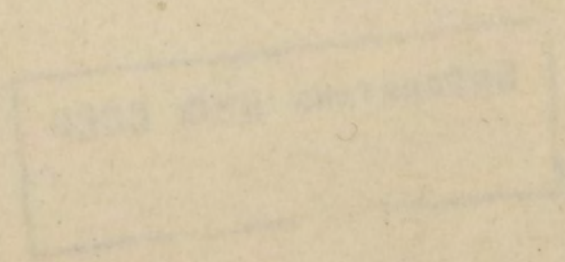
№ 2

63066

Проф. В. Ленинский

Ленинградский государственный университет им. В. И. Ленина

ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ.

W. A. B. B. B.

W. A. B. B. B.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Общественное мнѣніе, какъ предметъ научнаго изслѣдованія	1
II. Общественное мнѣніе въ древности и въ средніе вѣка	11
III. Общественное мнѣніе въ новѣйшее время.	18
IV. Общественное мнѣніе и его противоположности	30
V. Предметъ и содержаніе общественнаго мнѣнія	55
VI. Процессъ возникновенія общественнаго мнѣнія	73
VII. Общественное мнѣніе и печать	85
VIII. Задачи государства по отношенію къ общественному мнѣнію	103

I.

Общественное мнѣніе, какъ предметъ научнаго изслѣдованія.

Общественное мнѣніе, какъ одно изъ проявленій народнаго духа, не можетъ быть обойдено молчаніемъ въ системѣ государственныхъ наукъ. Только принявъ въ соображеніе вліяніе, оказываемое общественнымъ мнѣніемъ на намѣренія и дѣйствія государственныхъ дѣятелей, возможно надлежащимъ образомъ объяснить какъ исторію возникшихъ въ теченіе послѣдняго столѣтія государственныхъ формъ, такъ и смыслъ различнаго рода теченій, господствовавшихъ въ сферѣ практической политики.

Блюнчли неоднократно высказывался по поводу общественнаго мнѣнія. Въ своемъ «*Staatswörterbuch*» онъ выставляетъ слѣдующія основныя положенія:

«Въ теченіе послѣдняго столѣтія во всемъ цивилизованномъ мірѣ *сила* общественнаго мнѣнія значительно возросла. Каждый политическій дѣятель вынужденъ считаться съ этой новой «великой державой», сдѣлавшейся авторитетомъ для невѣжественной толпы и предметомъ изслѣдованія для ученыхъ. Общественное мнѣніе предполагаетъ свободное сужденіе. Поэтому, существованіе общественнаго мнѣнія обусловлено выработкою въ гражданахъ способностей размышленія и критическаго анализа; оно можетъ развиваться и процвѣтать лишь при условіи свободной народной жизни. Оно есть преимуще-

ственно — мнѣніе преобладающей массы средних общественных классовъ. Этимъ объясняется его великое значеніе для настоящей эпохи, такъ какъ никогда вліяніе средних общественных классовъ не было столь значительно, какъ именно теперь. Но было бы крайне неправильно считать общественное мнѣніе непогрѣшимымъ и утверждать, что ему по праву принадлежитъ господство и власть, — такъ какъ часто, подъ вліяніемъ народныхъ страстей, общественное мнѣніе теряетъ свой *дѣйствительный* характеръ и даже иногда искусственно направляется на ложные пути. Съ другой стороны и въ одинаковой степени неразумно пренебрежительное отношеніе къ общественному мнѣнію; неразумно уже въ силу того, что общественное мнѣніе есть *духовная сила*. Его значеніе покоится на общности сознанія народовъ. Весьма желательно, чтобы народъ былъ въ состояніи судить о томъ, что справедливо и не справедливо, о томъ, что соотвѣтствуетъ общимъ интересамъ и что, напротивъ того, направлено къ общему вреду. Общественное мнѣніе напоминаетъ хоръ въ античной трагедіи. Его значеніе въ сферѣ общественной жизни можетъ быть сравнено съ значеніемъ приговора присяжныхъ въ области уголовного суда. Оно возникаетъ изъ безчисленныхъ наблюденій и впечатлѣній и проявляется въ формахъ самыхъ разнообразныхъ — въ обыкновенномъ разговорѣ, въ семьѣ, въ салонѣ, въ ресторанѣ, въ собраніяхъ, а, главнымъ образомъ — въ прессѣ и народномъ представительствѣ. Оно въ высокой степени зависимо отъ духа времени, который его опредѣляетъ и направляетъ. Общественное мнѣніе не властвуетъ, ибо оно не можетъ властвовать и не желаетъ властвовать. Это общественная *сила*, а не общественная *власть*».

Такъ писалъ Блюнчли въ 1862 г. Тоже самое мнѣніе въ существенныхъ чертахъ онъ высказалъ и въ своей «Поли-

тикѣ» (1876 г.), ограничивъ, однако, значеніе *среднихъ* общественныхъ классовъ въ дѣлѣ созданія общественнаго мнѣнія. Введенная въ Германіи въ 1867 г. всеобщая подача голосовъ настолько увеличила вліяніе низшихъ общественныхъ классовъ, что послѣ этого, по мнѣнію Блюнчли, не можетъ быть и рѣчи о *преобладающей* роли среднихъ общественныхъ классовъ въ процессѣ образованія общественнаго мнѣнія. Основное положеніе Блюнчли, заключающееся въ томъ, что общественное мнѣніе, какъ органъ воли народной, подобно прессѣ, союзамъ, народнымъ собраніямъ, представляетъ противоположеніе силѣ государственной, — проводится имъ систематически и въ «Политикѣ».

Еще раньше *Нибургъ* приписывалъ общественному мнѣнію значеніе «Гласа Божія» — въ тѣхъ случаяхъ, когда оно является сужденіемъ, принятымъ и раздѣляемымъ какъ бы *всѣми* гражданами единогласно. Мнѣніе *Гегеля* существенно отличается отъ мнѣнія Нибура. По воззрѣнію Гегеля, общественное мнѣніе въ одинаковой степени достойно уваженія и презрѣнія: уваженія — по своей внутренней сущности, презрѣнія — по формѣ своего конкретнаго проявленія. Общественное мнѣніе лишено критерія. Поэтому независимость отъ него является первымъ существеннымъ условіемъ для созданія чего либо великаго и разумнаго, какъ въ дѣйствительной жизни, такъ и въ наукѣ.

Отъ взгляда Блюнчли на общественное мнѣніе и на роль среднихъ общественныхъ классовъ въ процессѣ его образованія значительно отклоняются тѣ писатели, которые, подобно Лассалю въ Германіи и Pietro Еллего въ Италіи, не признаютъ экономическаго, политическаго и духовнаго превосходства среднихъ классовъ надъ народной массой.

Съ точки зрѣнія иной, чѣмъ большинство политиковъ,

изслѣдуетъ вопросъ объ общественномъ мнѣніи *Шеффле*. Признавая общественное мнѣніе *психическимъ* фактомъ соціальной жизни или феноменомъ народнаго духа, Шеффле старается объяснить духовную координацію соціальныхъ массъ вокругъ руководящихъ центровъ (авторитетовъ). Эта координація имѣеть мѣсто, какъ въ отношеніи руководящихъ силъ, активно управляющихъ духовною жизнью массъ, такъ и въ отношеніи обратнаго пассивнаго вліянія массъ на руководящія силы. Гласность, публичность, общественное мнѣніе и пресса ставятся Шеффле систематически на одну линію.

По мнѣнію Шеффле, общественное мнѣніе является реакціей публики, народнаго разума, народнаго духа, народной воли на извѣстныя руководящія взгляды, сужденія и стремленія. Безъ общественнаго мнѣнія, говоритъ онъ, едва-ли можетъ быть достигнуто какое либо соціальное движеніе, такъ какъ оно обусловливается всеобщимъ духовнымъ участіемъ народа или опредѣленнаго общественнаго круга. Значеніе общественнаго мнѣнія иногда преувеличивается, а иногда незаслуженно совершенно отрицается. Оно не есть какое либо единичное теченіе, но совокупность многихъ отдѣльныхъ теченій, которыя часто совершенно противоположны одно другому.

Приведенныя теоріи писателей, изслѣдовавшихъ отношеніе общественнаго мнѣнія къ государственному и общественному строю, указываютъ на разнообразіе существующихъ воззрѣній по указанному вопросу. Неудивительно поэтому, что въ отзывахъ государственныхъ дѣятелей, въ партійной прессѣ, въ парламентскихъ дебатахъ общественное мнѣніе иногда восхваляется и возносится на степень высшей судебной инстанціи, а иногда порицается и признается лишеннымъ всякаго серьезнаго значенія.

Какъ ни различны взгляды на общественное мнѣніе, всѣ

они сходятся въ томъ, что въ новѣйшее время общественное мнѣніе, вообще, представляетъ фактическую *силу*, съ которой государственному дѣятелю приходится считаться, и, также, въ томъ, что степень дѣйствительнаго значенія общественнаго мнѣнія не можетъ быть опредѣлена въ частности.

По другимъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ общественному мнѣнію, господствуетъ, какъ въ наукѣ, такъ и въ политической литературѣ, полное разногласіе, касающееся главнымъ образомъ:

1) опредѣленія общественнаго мнѣнія, т. е. вопроса, — когда за опредѣленнымъ мнѣніемъ должно быть признано значеніе *общественнаго* мнѣнія?

2) формы возникновенія общественнаго мнѣнія;

3) установленія субъектовъ, создающихъ общественное мнѣніе, т. е. вопроса о томъ, являются ли творцами общественнаго мнѣнія лишь нѣкоторые классы населенія, или — вся масса населенія.

Сообразно съ этимъ, общественное мнѣніе сдѣлалось предметомъ научнаго изслѣдованія: во первыхъ — для психолога, изучающаго отношенія зависимости и взаимнаго вліянія между духовными жизненными процессами личности и общества; во вторыхъ — для историка, наблюдающаго формы проявленія общественнаго мнѣнія у различныхъ народовъ и въ различныя эпохи и констатирующаго отражающуюся въ нихъ смѣну идей космополитическихъ и національных; въ третьихъ — для науки общаго государственнаго права, такъ какъ существованіе и прочность государственныхъ формъ и конституціонныхъ законовъ находится въ нѣкоторой зависимости отъ общественнаго мнѣнія; въ четвертыхъ, наконецъ — для политики, такъ какъ опредѣленіе *существованія* общественнаго мнѣнія о тѣхъ или другихъ сторонахъ государственной дѣятельности можетъ сдѣлаться дѣломъ первостепенной политической важности.

Независимо отъ этого, изученіе общественнаго мнѣнія должно дать политику указанія къ выработкѣ масштаба для опредѣленія *цѣнности* общественнаго мнѣнія въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Вооруженный такимъ масштабомъ, политикъ едва ли впадетъ въ крайности, изъ которыхъ одна—принципіальное отрицаніе общественнаго мнѣнія, а другая—слѣпое подчиненіе ему.

Положительное или отрицательное отношеніе къ общественному мнѣнію у всѣхъ писателей, занимавшихся этимъ вопросомъ, опредѣлялось главнымъ образомъ субъективными моментами отвращенія и страха, симпатіи и надеждъ, и въ не малой степени зависѣло также отъ степени развитія чувства собственнаго достоинства.

Также и внѣ предѣловъ Германіи въ теченіи послѣдняго столѣтія сознана важность основательной научной разработки вопроса объ общественномъ мнѣніи. По мнѣнію *Вико*, прогрессъ человѣческой культуры обусловленъ интеллектуальностью и развитіемъ народа, а не мудростью отдѣльныхъ личностей, вліяніе которыхъ на темную, безучастную массу можетъ остаться совершенно ничтожнымъ. *Романьози*, признавая важность проблемы объ общественномъ мнѣніи, не сумѣлъ, однако, дать этому вопросу окончательную научную постановку. Изъ новѣйшихъ писателей Италіи философъ *Габба* высказался объ общественномъ мнѣніи слѣдующимъ образомъ: «Одно изъ явленій огромной важности, въ которомъ выражается духовная жизнь людей, соединенныхъ общественной связью, которое охватываетъ значительную часть содержанія этой жизни,—это общественное мнѣніе. Оно принадлежитъ къ тѣмъ фактамъ, на которые наиболѣе часто ссылаются какъ образованные, такъ и необразованные люди при оцѣнкѣ общественныхъ явленій, вопросовъ практической политики и даже частныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе до сихъ

поръ не существуетъ удовлетворительнаго ученія о происхожденіи общественнаго мнѣнія и о процессѣ его развитія. Нельзя сказать, чтобы въ литературѣ надъ этимъ вопросомъ трудились многіе. Только случайныя замѣчанія о рациональной цѣнности общественнаго мнѣнія встрѣчаются у нѣкоторыхъ старыхъ и новѣйшихъ писателей. Между тѣмъ основательная научная разработка сущности и значенія общественнаго мнѣнія представляетъ большую важность не только для изслѣдованія психологическихъ процессовъ, происходящихъ въ коллективномъ сознаніи общества, и для наукъ государственныхъ, но также и для науки положительнаго права».

Въ какомъ отношеніи стоитъ общественное мнѣніе къ правовому сознанію народа?

Совпадаетъ ли общественное мнѣніе, направленное на вопросы законодательства или выражающееся въ судахъ съ участіемъ народныхъ представителей при практическомъ толкованіи закона, — съ народнымъ правосознаніемъ, или нѣтъ? Этотъ вопросъ представляетъ интересъ потому, что нельзя отрицать того факта, что общественное мнѣніе во многихъ странахъ оказываетъ вліяніе на ходъ уголовного правосудія, въ видѣ непосредственнаго вліянія на судей, а также въ видѣ вердиктовъ присяжныхъ.

Въ германскомъ уголовномъ законодательствѣ общественное мнѣніе пріобрѣло положительное правовое значеніе: «виновные въ распространеніи завѣдомо ложныхъ свѣдѣній про другое лицо, съ цѣлью или компрометтировать его, или унижить его *въ общественномъ мнѣніи*, или нанести вредъ его кредиту, подвергаются за клеветническое оскорбленіе тюремному заключенію не свыше двухъ лѣтъ, а, если клевета совершена публично и т. п., то тюремному заключенію не менѣе одного

мѣсяца» (§ 187 германскаго угол. кодекса; въ этомъ родѣ также въ §§ 186 и 189).

Изъ комментаторовъ германскаго угол. кодекса ни одинъ не разработалъ основательно вопроса объ отношеніи уголовнаго судьи къ общественному мнѣнію. Между тѣмъ въ отношеніи указаннаго вопроса возможно возникновеніе различнаго рода сомнѣній. Напримѣръ, можетъ ли въ каждомъ частномъ случаѣ быть оспариваемо существованіе общественнаго мнѣнія и можетъ ли оно сдѣлаться предметомъ доказательства? Далѣе — можно ли разсматривать ошибочное толкованіе общественнаго мнѣнія съ стороны отвѣтчика, какъ неправильный поступокъ? Возможно, что иностранецъ, незнакомый съ состояніемъ общественнаго мнѣнія какой либо страны, подвергнется обвиненію въ клеветѣ за распространеніе свѣдѣній, въ которыхъ, по взглядамъ, принятымъ въ его отечествѣ, вовсе не заключается элемента посягательства на честь. Крімъ того, при существующихъ условіяхъ жизни легко можетъ случиться, что въ періодъ времени между совершеніемъ преступнаго дѣянія (напр. клеветы) и моментомъ судебного разбирательства произойдутъ внезапныя перемѣны въ общественномъ мнѣніи. Долженъ ли судья сообразоваться съ такими перемѣнами въ состояніи общественнаго мнѣнія, или нѣтъ? Изъ какихъ источниковъ судья долженъ черпать руководящія данныя для распознаванія общественнаго мнѣнія? Въ большинствѣ случаевъ — судьи, при судебномъ разсмотрѣніи вопросовъ о степени оскорбительности для чести того или иного поступка, руководствуются, повидимому, главнымъ образомъ своими личными взглядами на честь, принимая ихъ за выраженіе общественнаго мнѣнія.

Общественное мнѣніе пріобрѣтаетъ въ нѣкоторыхъ странахъ вліяніе на развитіе уголовнаго процесса. Особенно замѣтно это вліяніе въ отношеніи системы возбужденія

уголовнаго преслѣдованія. Гдѣ, какъ въ Англіи, охраненіе общественной безопасности въ значительной степени предоставлено частной обвинительной дѣятельности гражданъ, тамъ примѣненіе уголовнаго закона находится въ зависимости отъ состоянія общественнаго мнѣнія, съ которымъ частные обвинители не могутъ не сообразоваться.

Что касается междунаго права, то *Гефтеръ (Heffter)* призналъ для него значеніе общественнаго мнѣнія. Къ способамъ разрѣшенія возникающихъ въ международной жизни споровъ и недоразумѣній Гефтеръ причисляетъ также апеллированіе къ общественному мнѣнію, путемъ брошюръ и летучихъ листковъ, и рекомендуетъ этотъ способъ въ тѣхъ случаяхъ, когда примиреніе не можетъ быть достигнуто путемъ дипломатическихъ сношеній.

Границы общественнаго мнѣнія не всегда совпадаютъ съ границами отдѣльныхъ государствъ. Оно часто переходитъ предѣлы отдѣльной страны и находитъ себѣ почву во всемъ цивилизованномъ мірѣ, являясь орудіемъ противъ произвола, варварства, злоупотребленія властью, нарушенія трактатовъ и т. п. Ошибочно, поэтому, утверждаютъ нѣкоторые, что общественное мнѣніе оказывало вліяніе исключительно въ политическихъ движеніяхъ нашего вѣка. Его политическое значеніе, конечно, преобладаетъ; но нельзя отрицать его вліянія также въ дѣлѣ правосудія. Это вліяніе иногда способствуетъ, иногда мѣшаетъ развитію права; тѣмъ не менѣе оно есть *фактъ*, съ которымъ законодателю волей-неволей приходится сообразоваться.

Невозможно, наконецъ, обойти молчаніемъ вліяніе, оказываемое общественнымъ мнѣніемъ на экономическую жизнь. Государственный кредитъ, цѣнность многихъ государственныхъ бумагъ и исходъ экономическихъ кризисовъ — находятся отъ него въ полной зависимости. Важнѣйшія биржи европейскаго и

американскаго континентовъ находятся подъ его давленіемъ. Это господство общественнаго мнѣнія въ сферѣ современнаго денежнаго обращенія и международнаго кредита въ достаточной мѣрѣ показываетъ, въ какой зависимости находится современное государство отъ могущественнаго, внѣ его лежащаго фактора, — зависимости, проявляющейся въ важныхъ отрасляхъ администраціи, въ управленіи финансами, въ регулированіи и покрытіи государственныхъ расходовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезъ это — и въ достиженіи извѣстныхъ культурныхъ цѣлей. Въ области международной политики общественное мнѣніе, вліяя на настроеніе большихъ биржъ, обуславливаетъ внѣшнюю политику государствъ, нуждающихся въ кредитѣ.

Всестороннее разсмотрѣніе сущности и условій функціонирования общественнаго мнѣнія представляетъ весьма важную и обширную задачу, выходящую за предѣлы настоящаго труда. Нашему изслѣдованію будутъ подлежать лишь слѣдующія вопросы: историческій ходъ развитія общественнаго мнѣнія, его понятіе, опредѣленіе его цѣнности, процессъ его зарожденія и, наконецъ, вопросъ объ отношеніи, въ которое должно стать современное государство къ общественному мнѣнію.

II.

Общественное мнѣніе въ древности и въ средніе вѣка.

Уже Блюнчли доказаль, что классической древности не было чуждо общественное мнѣніе и его право на существованіе. Въ республиканскихъ обществахъ съ демократическимъ строемъ территоріальное распространеніе общественнаго мнѣнія было, правда, ограничено; не велико было и политическое его значеніе, такъ какъ мнѣніе народа посредствомъ голосованія на форумѣ или непосредственно въ народныхъ собраніяхъ всегда могло перейти въ дѣйствіе или выразиться въ законѣ.

Но независимо отъ этой демократической формы проявленія, общественное мнѣніе у грековъ выражалось еще въ быстро преходящихъ настроеніяхъ Демоса, осмѣянныхъ въ комедіяхъ Аристофана, или въ формѣ одобренныхъ народомъ ученій мудрецовъ, отражавшихся въ хорѣ античной трагедіи.

Во всякомъ случаѣ театр и ораторская трибуна были ареной, на которой поэты и ораторы безъ труда могли проводить въ народъ новыя идеи и ученія. При этомъ свою *личность* и свое индивидуальное сознаніе античные мудрецы большею частью сознательно отодвигали на задній планъ и, умышенно скрывая свой геній, искусно выдавали свои собственные идеи, еще не успѣвшія проникнуть въ сознаніе массъ, за идеи

Демоса. Это дѣлалось потому, что проведеніе *новой* идеи или даже идеи, сохранившей печать индивидуальности, могло бы возбудить зависть Демоса, каравшаго остракизмомъ за всякую попытку къ возвышенію надъ общимъ уровнемъ. Даже Сократу, не имѣвшему возможности выдавать свои воззрѣнія за мнѣнія народа, необходимо было, для сохраненія античной традиціи, отречься отъ личной оригинальности и излагать свои геніальныя мысли, какъ результатъ вдохновенія, ниспосланнаго на него его *Αχιόνιον*

Мнѣніе греческаго Демоса въ такой степени преобладало надъ мнѣніями отдѣльныхъ лицъ, что послѣднія могли найти выраженіе лишь въ фикціи божественнаго внушенія или оракула, или въ устахъ созданныхъ поэтомъ образовъ.

Это вліяніе демократической традиціи отразилось и на Аристотелѣ, относившемся съ одобреніемъ къ общественному мнѣнію. Въ третьей книгѣ «Политики» онъ говоритъ слѣдующее:

«Если много людей, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности не можетъ считаться нравственно совершеннымъ, соединятся во едино, то весьма возможно, что въ совокупности они окажутся лучше *отдѣльныхъ*, нравственно высоко стоящихъ личностей. Такъ какъ ихъ много и такъ какъ каждый человекъ обладаетъ, хотя бы въ самомъ незначительномъ размѣрѣ, добродѣтелью и мудростью, то, соединяясь, они въ результатъ даютъ сумму характеровъ и духовныхъ силъ, образуя въ совокупности какъ бы единаго человека, одареннаго многими руками, многими ногами и многими чувствами. Вотъ почему толпа въ состояніи лучше судить о произведеніяхъ музыки и поэзіи. Ибо одинъ обсуждаетъ одну сторону, другой — другую, и всѣ — всё. Возможно-ли, чтобы *каждый* Демосъ стоялъ въ указанномъ отношеніи къ отдѣльной личности, нравственно совершенной, —этотъ вопросъ представ-

ляется нерѣшеннымъ. Но ничто не препятствуетъ къ признанію правильности указаннаго положенія по отношенію къ той или другой толпѣ. Сообразно съ этимъ, рѣшается выше возбужденный вопросъ (должно-ли большинству принадлежать управленіе?) а также соприкасающіеся съ нимъ другіе вопросы, между прочимъ о томъ, какія права должны быть предоставлены свободно рожденнымъ гражданамъ сравнительно съ *массой* гражданъ. Съ одной стороны не безопасно допускать ихъ къ занятію высшихъ должностей, но съ другой стороны—юридическое и фактическое загражденіе имъ доступа къ высшимъ должностямъ повело бы къ весьма серьезнымъ затрудненіямъ. Остается одинъ исходъ: допустить ихъ къ участію въ совѣщаніи и обсужденіи.»

Аристотель, говоря вообще, мало благосклоненъ къ демократіи. Тѣмъ не менѣе онъ признаетъ за общественнымъ мнѣніемъ право государственнаго контроля и верховнаго наблюденія за отправленіемъ государственныхъ должностей со стороны массы гражданъ, которые лично, сами по себѣ, неспособны къ занятію должностей. Это право голоса толпы имѣло особенное значеніе въ качествѣ оппозиціи тиранніи и олигархіи. Сильнѣйшимъ проявленіемъ общественнаго мнѣнія въ сферѣ политики древняго міра было всеобщее неизмѣнное осужденіе тиранніи и вытекавшее отсюда оправданіе «тиранноубійства», которое освящалось всѣми философами и учителями государственнаго права.

То, что можно сказать о греческой демократіи, можетъ въ главныхъ чертахъ быть отнесено и къ римской республикѣ въ позднѣйшій періодъ ея развитія. Но особенность римскаго государственнаго порядка заключалась въ томъ, что отношеніе магистрата къ мнѣнію народа имѣло совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ въ государствахъ Греціи. Фактически и юридически въ Римѣ—авторитетъ правителей былъ сильнѣе, крѣпость су-

ществующихъ правительственныхъ установленій значительнѣе и оппозиція толпы, недовольной реформами и мѣропріятіями Сената и полководцевъ, рѣже достигала цѣли, чѣмъ въ Греціи. Не пропагандируемое вліятельной, популярной литературой, не находясь въ союзѣ съ драматической поэзіею, народное мнѣніе въ періодъ разцвѣта республиканскихъ учрежденій было лишено самостоятельной инициативы въ народныхъ собраніяхъ, благодаря *ius concionis*. Но за то у Римлянъ общественное мнѣніе могло проявляться въ отрицательномъ дѣйствіи *Veto* трибуновъ и въ положительномъ вмѣшательствѣ *censores togum*. Цензура, въ роли суда надъ нравами, была органомъ народного мнѣнія въ отношеніи политической и гражданской нравственности, и преслѣдовала цѣль охраненія чистоты нравовъ въ тѣхъ сферахъ, въ которыя ни государственная власть, ни такъ называемое *ius domesticum* не имѣли возможности вторгаться. Въ особенности, въ отношеніи супружеской жизни и домашняго обихода, политическое значеніе которыхъ римляне понимали лучше грековъ, — *censores togum* являлась выраженіемъ сохранившейся въ здоровыхъ общественныхъ слояхъ привязанности къ началамъ нравственности и добродѣтели. Общественное мнѣніе древности можетъ быть охарактеризовано словами Ульпіана, который сказалъ о нравахъ вообще, что они составляли *tacitus consensus longa consuetudine inveteratus*.

У римлянъ субъективное сужденіе имѣло крайне ограниченное значеніе, сравнительно съ правами магистрата. Это доказывается существованіемъ строгихъ уголовныхъ наказаній за *oscantare*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Римъ выработалъ спеціальную форму выраженія общественнаго мнѣнія — въ видѣ *existimatio*, которое служило масштабомъ гражданской чести, присвояемой каждому гражданину, какъ въ отношеніи къ

цѣлому обществу, такъ и въ отношеніи къ отдѣльнымъ членамъ его.

Оцѣнка нравственного достоинства каждой отдѣльной личности со стороны прочихъ гражданъ — по крайней мѣрѣ въ ранній періодъ республики — была возможна всегда и всюду: на форумѣ, въ центуріяхъ, трибахъ, въ военныхъ собраніяхъ. Вездѣ и всюду общественное мнѣніе въ ту эпоху могло произносить свои приговоры относительно отдѣльныхъ гражданъ, причемъ это сужденіе покоилось не на отвлеченныхъ понятіяхъ о нравственныхъ свойствахъ того или другаго поступка, какъ въ современныхъ кодексахъ, а на фактической оцѣнкѣ личности каждаго гражданина, выведенной изъ непосредственнаго знакомства съ нимъ.

Въ послѣдніе вѣка республики общественное мнѣніе, какъ это видно изъ рѣчей и сочиненій Цицерона, играло весьма вліятельную роль въ постоянныхъ судейскихъ комиссіяхъ, приговоры которыхъ часто болѣе отвѣчали личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ окружавшей толпы, чѣмъ точному смыслу закона.

Совершенно иной видъ должно было принять общественное мнѣніе послѣ паденія римской республики. Императорская власть и практика ея чиновниковъ съ одной стороны, традиціи правъ Сената и упадокъ значенія римскаго народа, съ другой, — сообщили совершенно иное направленіе проявленію общественнаго мнѣнія на почвѣ государственной жизни. Съ уничтоженіемъ послѣднихъ остатковъ престижа и власти Сената, общественное мнѣніе окончательно было лишено возможности проявляться.

Всякій гласный отзывъ, касавшійся дѣлъ политики и особы императора, всякое сужденіе объ общественныхъ дѣлахъ могло

быть сочтено за преступленіе. Своимъ образомъ дѣйствій по отношенію къ независимымъ сенаторамъ, жестокостями въ дѣлахъ объ оскорбленіи Величества и установленіемъ строгихъ каръ за *libellus famosus*, — трусливые и властолюбивые римскіе императоры въ достаточной мѣрѣ доказали, что каждое проявленіе общественнаго мнѣнія являлось въ ихъ глазахъ покушеніемъ на общественную безопасность и на неприкосновенность ихъ верховныхъ правъ. Римскіе юристы, однако, даже въ послѣдніе періоды развитія римскаго права, исходили, при обсужденіи вопроса объ оскорбленіи, изъ понятія *existimatio*, хотя объ *existimatio* въ прежнемъ смыслѣ въ отношеніи гражданъ, родившихся или жившихъ въ отдаленной провинціи, конечно, не могло быть и рѣчи.

Значеніе общественнаго мнѣнія въ періодъ христіанскихъ среднихъ вѣковъ выяснится вполнѣ, если принять въ соображеніе и взвѣситъ состояніе, въ которомъ находились въ ту эпоху, факторы для образованія общественнаго мнѣнія — средства духовнаго общенія, территориальное распредѣленіе государствъ, сословное расчлененіе общества, разграниченіе мирянъ и духовенства и, наконецъ, отношеніе церкви къ государству.

Церковь въ теченіе долгаго времени управляла мнѣніемъ народа исключительно и нераздѣльно, и не въ одной только области религіозной.

Само собою разумѣется, что твердо установленная церковная догма подавляла всякое субъективное сужденіе. Въ отношеніи мірскихъ дѣлъ и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, коллективное мнѣніе могло существовать и проявляться лишь въ тѣсныхъ сословныхъ рамкахъ. Къ защитѣ сословныхъ мнѣній призываются мечъ и сатира. Только въ исключительныхъ случаяхъ могли имѣть мѣсто въ средніе вѣка всеобщія проявленія общественнаго мнѣнія. Къ такимъ исключеніемъ можно

причислить охватившее все средне-вѣковое общество религиозное возбужденіе, возросшее до энтузіазма, на почвѣ котораго зародились крестовые походы. Подобный же примѣръ представляет собою конецъ среднихъ вѣковъ, когда убѣжденіе въ разложеніи церковнаго строя, въ деморализаціи духовенства и въ необходимости церковныхъ реформъ проникло во всѣ общественные слои.

63066

Ш.

Общественное мнѣніе въ новѣйшее время.

Три крупныхъ событія сообщили общественному мнѣнію, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, небывалое раньше значеніе. Прежде всего гуманизмъ эпохи возрожденія. Государственныя идеи гуманизма, почерпнутыя изъ классическихъ источниковъ древняго міра, внесли въ жизнь новое, независимое отъ монастырской школы, міросозерцаніе, освободили науку отъ оковъ схоластики и привели, въ концѣ концовъ, къ освобожденію совѣсти отъ гнета церковной власти. Гуманизмъ былъ и остался духовною связью, соединявшею образованные классы новаго міра. Затѣмъ слѣдуетъ — изобрѣтеніе книгопечатанія, служившаго въ началѣ лишь цѣлямъ людей науки, но въ послѣдствіе, въ эпоху реформациі, сдѣлавшагося опорой политическихъ и религіозныхъ народныхъ движеній. Наконецъ, третье событіе — это образование крупныхъ государственныхъ территорій подъ властью неограниченныхъ монарховъ. Покоясь на указанныхъ основаніяхъ, общественное мнѣніе новыхъ временъ отличается какъ отъ народнаго мнѣнія въ античной демократіи, такъ и отъ сословныхъ мнѣній средневѣковыхъ корпорацій. При этихъ первоначальныхъ формахъ соціального строя зарожденіе коллективныхъ представленій могло явиться только путемъ непосредственнаго обмѣна мнѣній между гражданами. Въ государствахъ же, раскинувшихся на большое пространство, населеніе которыхъ притомъ, въ силу экономическихъ условій, было строго раздѣлено

на городское и сельское, непосредственный, всеобщій обмѣнъ мнѣній сдѣлался крайне затруднительнымъ и даже невозможнымъ. Даже въ средніе вѣка духовное общеніе должно было бы распасться безъ посредства церкви. Общественное мнѣніе въ обширныхъ государственныхъ областяхъ новаго времени слогалось лишь благодаря печати. Сказанному нисколько не противорѣчитъ то, что, не смотря на господство гуманизма, государственныхъ ученія XVI и XVII столѣтій отражаютъ въ себѣ — даже въ протестантскихъ странахъ — доктрины схоластической теологіи, унизившейся, какъ на континентѣ, такъ и въ Англіи до роли слуги-прислужницы монархическаго произвола.

Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія увеличилось количество средствъ къ распространенію въ народѣ идей и возросла въ территоріальномъ отношеніи сфера вліянія отдѣльныхъ личностей. Тѣмъ не менѣе безпрепятственное развитіе общественнаго мнѣнія было въ значительной степени затруднено условіями, коренившимися въ складѣ политической жизни, въ состояніи правосудія и администраціи. Отправленіе правосудія и администрація перешли въ руки ученаго чиновничества. Тайна непонятныхъ для народа судебныхъ процедуръ и рецепція римскаго права, восторжествовавшая надъ мѣстными правовыми обычаями, подорвали интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Это повело въ концѣ концовъ къ тому, что, съ уничтоженіемъ исконнаго національнаго правосудія и съ подавленіемъ свободы общинъ, публичное выраженіе мнѣній о государственныхъ дѣлахъ стало считаться преступнымъ, Томасъ Моръ краснорѣчиво говоритъ объ этомъ въ своей «Утопіи». Право свободнаго выраженія мыслей встрѣтило съ конца XVI вѣка сильнаго противника въ лицѣ цензуры: неограниченный королевскій абсолютизмъ требовалъ либо восхваленія и одобренія правительственныхъ дѣйствій, либо *молчанія*. При такихъ условіяхъ

вопросъ о допущеніи свободнаго выраженія мнѣній, въ отношеніи дѣлъ церковныхъ и мѣропріятій правительства, сдѣлался вопросомъ государственнаго права.

Рядомъ съ цензурой существовали въ абсолютной монархіи и уголовные законы, жестоко каравшіе «за дерзкое и непочтительное порицаніе правительственныхъ дѣйствій».

Тѣмъ не менѣе цензура (противъ своей воли, конечно) болѣе всѣхъ другихъ факторовъ способствовала тому, что повсюду въ Европѣ, въ особенности послѣ удачной второй англійской революціи, общественное мнѣніе развилось и быстро окрѣпло.

Къ концу XVIII ст. въ континентальныхъ культурныхъ странахъ Европы уже господствовало весьма могущественное и по многимъ вопросамъ однородное общественное мнѣніе. Оно объявило войну не столько принципу неограниченной королевской власти (ибо вѣра въ благодѣтельность просвѣщеннаго деспотизма была еще очень распространена), сколько и главнымъ образомъ бездушнѣйшей рутинѣ и педантичному формализму чиновничества, окружившаго себя непроницаемымъ мракомъ канцелярской тайны, несостоятельности и варварству застоявшагося законодательства и, наконецъ, недостаткамъ правосудія. Въ XVIII вѣкѣ, благодаря цензурѣ и канцелярской тайнѣ, общественное мнѣніе достигло небывалаго разцвѣта. Преслѣдованія свободомыслящихъ писателей со стороны государства и церкви и стѣсненія свободы печати со стороны цензуры, превратившія Голландію къ началу XVII-го столѣтія въ убѣжище гонимой свободной мысли, — послужили побудительнымъ толчкомъ и стимуломъ къ развитію критики. Все это вызывало все болѣе возраставшій духъ противорѣчія противъ устарѣлыхъ установленій. Церковь сдѣлалась предметомъ страстныхъ нападокъ со стороны поборниковъ

общественнаго мнѣнія, соединившихся во всѣхъ странахъ Европы во имя идей гуманности, просвѣщенія и всеобщаго блага; но съ несравненно большей страстностью велась борьба противъ привиллегій дворянства и духовенства. Даже таинственныя формы массонства служили средствомъ для проявленія общественнаго мнѣнія, не смотря на аристократическія тенденціи массонства, чуждавшагося быстрого распространенія въ массѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, именно средніе общественные классы (низшее поземельное дворянство, ученые, купцы, сословіе военное и отчасти даже духовенство) играли главную роль въ дѣлѣ созданія и выраженія общественнаго мнѣнія. Предъ началомъ французской революціи всѣ ясно сознавали и чувствовали, что старый порядокъ дальше держаться не можетъ. Тонъ общественному мнѣнію задавала французская литература. Творцами и герольдами этого *всемірнаго общественнаго мнѣнія* были англійскіе деисты, французскіе энциклопедисты, Монтескье, Дидеро, Руссо, Мирабо. Но выше всѣхъ, по своему значенію, стоитъ Вольтеръ, наиболѣе ясно выразившій великія идеи эпохи просвѣщенія и сдѣлавшій ихъ достояніемъ массъ.

Удивительное, безпримѣрное могущество, достигнутое общественнымъ мнѣніемъ во второй половинѣ XVІІІ столѣтія, наиболѣе характерно иллюстрируется успѣхами, одержанными имъ въ борьбѣ съ господствовавшимъ въ то время уголовнымъ законодательствомъ. Такіе просвѣщенные монархи, какъ Фридрихъ Великій, Екатерина ІІ, Іосифъ ІІ и Леопольдъ Тосканскій прислушивались къ голосу общественнаго мнѣнія. Подъ его вліяніемъ, судьи старались смягчать жестокость стараго уголовного законодательства. пытки были сначала ограничены, а впослѣдствіе — отмѣнены совершенно. Когда Вольтеръ поднялъ свой голосъ по поводу юридическаго убій-

ства, совершеннаго надъ Жаномъ Каласомъ, онъ встрѣтилъ такое единодушное сочувствіе всей Европы, какое въ наше время не могло бы выпасть по подобному поводу ни одному человѣку. Литературныя произведенія, изобличавшія общественныя недостатки, находили огромный сбытъ. Къ мнѣнію Беккариа и Говарда прислушивались не только въ отечествѣ этихъ великихъ филантроповъ, но и во всемъ образованномъ мірѣ. Самые видные и знаменитые ученые трудились надъ проблемами, возбуждавшими всеобщій интересъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно сравнить труды ученыхъ корпорацій и академій, напечатанные 100 лѣтъ тому назадъ, съ современными работами. Такое сравненіе докажетъ, что, благодаря раздѣленію научнаго труда, наука можетъ быть, захватила въ настоящее время, болѣе широкую область и выиграла въ смыслѣ строгой методики и критическихъ принциповъ, но, съ другой стороны, въ прежнее время она имѣла гораздо болѣе точекъ соприкосновенія съ общими просвѣтительными интересами и оказывала большее вліяніе на общественное мнѣніе, чѣмъ нынѣ.

Характерной чертой въ ходѣ развитія общественнаго мнѣнія въ періодъ, предшествовавшій революціи, является отсутствіе вліятельной ежедневной прессы. Газетное дѣло находилось въ зародышѣ. Общественное мнѣніе по неволѣ тяготѣло къ мнѣнію нѣсколькихъ замѣчательныхъ личностей, которыя, какъ говоритъ Малешербъ, были для публики тѣмъ же, чѣмъ были ораторы Рима и Аѳинъ для народныхъ собраній. По мнѣнію Неккера, общественное мнѣніе представляетъ «une puissance invisible qui sans trésors, sans gardes et sans armée donnait des lois à la ville, et jusque dans le palais des rois».

Совершенно иной характеръ стало принимать общественное мнѣніе послѣ того, какъ принципы французской революціи

восторжествовали не только во Франціи, но также, съ середины нашего вѣка, въ большей части континентальныхъ странъ Европы. Превжній антогонизмъ между тайной государственной дѣятельности и общественной критикой сталъ постепенно исчезать. Свобода критики въ отношеніи государственныхъ и общественныхъ дѣлъ, стѣсненіе которой въ прежнее время раздражало умы и служило лишь стимуломъ къ возбужденію общественнаго интереса, была признана правомъ каждаго гражданина. *Уменьшилась степень интензивности общественнаго мнѣнія среди государственной жизни, развѣ она сдѣлалась гласною.* Ежедневная пресса получила въ то же время огромное развитіе, которое далеко еще не закончилось. Форма періодичности сдѣлалась необходимою принадлежностью не только въ сферѣ публицистики, но и въ сферѣ науки. Беллетристика получила такое распространеніе, что ей нынѣ посвящается часть умственныхъ интересовъ, которые въ прежнее время проявлялись въ другихъ областяхъ.

Въ результатѣ всего этого получается то, что общественное вниманіе въ новѣшее время, будучи занято самыми разнообразными, лишенными внутренней связи, предметами, доводится до крайнихъ предѣловъ утомленія. Впечатлѣнія дня мѣняются безпрестанно. Событія, которыя 100 лѣтъ тому назадъ, занимали вниманіе современниковъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, въ настоящее время возбуждаютъ лишь мимолетный интересъ, благодаря быстрой смѣнѣ сообщеній и новостей изъ всѣхъ странъ міра. Было бы весьма благодарной задачей изслѣдовать, въ какой степени развитіе газетнаго дѣла повліяло на умственную дѣятельность современной публики. Кажется, что, благодаря ежедневнымъ сообщеніямъ со всѣхъ пунктовъ земнаго шара о самыхъ разнообразныхъ событіяхъ, живость впечатлѣній, наблюдательность и самостоятельность въ сужденіяхъ

ослабѣвають въ современномъ обществѣ, а благодаря получаемымъ отовсюду сообщеніямъ о происшествіяхъ, несчастіяхъ и преступленіяхъ, сочувствіе къ человѣческимъ страданіямъ уменьшается и равнодушіе къ общему благу возрастаетъ. Этому способствуютъ и другія общественныя условія, какъ-то: преобладаніе экономическихъ интересовъ, молніеносная быстрота, съ которой телеграфъ разноситъ по всему свѣту всякаго рода извѣстія, легкость передвиженія, вызванная необыкновеннымъ развитіемъ морскихъ и сухопутныхъ средствъ сообщенія и, наконецъ, распространеніе политическихъ правъ на всѣ общественныя классы. Сто лѣтъ тому назадъ еще могла быть рѣчь объ «общественномъ чувствѣ». Въ настоящее время существуетъ лишь общественное мнѣніе.

Общественное мнѣніе XIX столѣтія, въ особенности во второй его половинѣ, существенно отличается отъ общественнаго мнѣнія XVIII столѣтія, не только по содержанію и объектамъ (что было бы вполне естественно и необходимо), но главнымъ образомъ по причинамъ возникновенія, условіямъ развитія, степени вліянія, формамъ проявленія и, наконецъ, по своимъ соціальнымъ устоямъ. Въ насъ нѣтъ идеалистической жилки, которая была свойственна нашимъ предкамъ. Хотя и нынѣ общественное мнѣніе не остается безъ вліянія въ сферѣ международныхъ отношеній, тѣмъ не менѣе оно почти повсюду ограничивается предѣлами національно-государственной жизни. Борьба большихъ политическихъ партій ведетъ къ тому, что *партійныя* стремленія выступаютъ сильнѣе и рѣзче, чѣмъ *общія* представленія, коренящіяся въ народномъ духѣ. Побѣда революціонныхъ идей не только подорвала привилегіи сословій, но и способствовала уничтоженію авторитета государственныхъ и общественныхъ руководящихъ силъ, въ угоду требованіямъ всеобщаго равенства.

Сравненіе различныхъ странъ обнаруживаетъ, что, помимо нѣкоторыхъ общихъ признаковъ, общественное мнѣніе въ каждой отдѣльной странѣ имѣетъ и нѣкоторыя характеристичныя особенности, находящіяся въ зависимости отъ національности, историческаго хода государственнаго развитія и формы правленія. Такъ, общественное мнѣніе въ Англии, и по формѣ и по содержанію, существенно отличается отъ общественнаго мнѣнія въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки; точно также общественное мнѣніе въ Германіи отличается отъ общественнаго мнѣнія въ Франціи, Испаніи и Италіи. Вся Европа, напримѣръ, видитъ, въ боѣ быковъ проявленіе грубыхъ животныхъ инстинктовъ и относится къ этому развлеченію съ справедливымъ порицаніемъ, тогда какъ въ Испаніи бой быковъ является любимымъ національнымъ удовольствіемъ.

Что касается значенія формы правленія для общественнаго мнѣнія, то исторія показываетъ, что наименѣе вліятельную роль общественное мнѣніе играетъ въ чистой демократіи и неограниченной монархіи.

Ареной, вполне приспособленной для активнаго вліянія общественнаго мнѣнія на ходъ политическихъ дѣлъ, является въ настоящее время система народнаго представительства при парламентскомъ режимѣ. При этой системѣ состоятъ лицомъ къ лицу, съ одной стороны правительство, *относительно* самостоятельное, независимое, но за то отвѣтственное, а съ другой — общественное мнѣніе, вполне независимое и неотвѣтственное.

Связующимъ звеномъ между незыблемо стоящей монархической властью и колеблющимися, вѣчно мѣняющимися теченіями общественнаго мнѣнія является парламентъ, рѣшающее большинство котораго составляется при посредствѣ выборовъ, зависящихъ, въ своихъ результатахъ, отъ состоянія об-

щественнаго мнѣнія. Политическая дѣятельность общественнаго мнѣнія выражается, такимъ образомъ, въ постоянныхъ, опредѣленныхъ формахъ. Оно посылаетъ своихъ представителей въ палату общинъ и, имѣя на своей сторонѣ парламентское большинство, можетъ вліять на составъ министерствъ, составляемыхъ коронованнымъ главой государства, управлять политикой министерствъ, задерживать или способствовать развитію законодательной дѣятельности и, наконецъ, если его требованія остаются непонятыми народными представителями, оно-же послѣ распущенія парламента, является апелляціонной инстанціей, которая можетъ отмѣнить свое прежнее рѣшеніе, превращая на новыхъ выборахъ прежнее меньшинство въ большинство.

Де-Лольмъ уже 100 лѣтъ тому назадъ установилъ въ отношеніи общественнаго мнѣнія въ Англіи ту-же точку зрѣнія, которую Блунчли впослѣдствіи возвелъ въ общее правило. По мнѣнію Де-Лольма, общественное мнѣніе въ Англіи есть проявленіе народнаго могущества, въ противоположность государственной власти. Еще въ настоящее время Англія является классической страной господства общественнаго мнѣнія. Въ Англіи впервые за общественнымъ мнѣніемъ въ связи съ свободой печати было признано право на существованіе.

То, что нынѣ намъ всѣмъ представляется вполне понятнымъ и естественнымъ, 100 лѣтъ тому назадъ во всѣхъ странахъ Европы, за исключеніемъ Англіи, считалось преступнымъ и вреднымъ для государственной безопасности. Впрочемъ, даже въ Англіи Оома Моръ признавалъ публичную критику дѣйствій правительства со стороны подданныхъ преступленіемъ, достойнымъ смертной казни.

Правительственная практика абсолютныхъ монархій и въ ту эпоху не лишала подданныхъ права обращаться, по дѣламъ, до нихъ лично касающимся, съ всеподданнѣйшими проше-

ніями къ монарху или возбуждать обвиненіе противъ правительственныхъ органовъ въ порядкѣ *тайнаго* процесса; но публичное обвиненіе или порицаніе дѣйствій правительства или его органовъ считалось несомвѣстимымъ со старымъ принципомъ государственнаго авторитета.

Въ настоящее время общественное мнѣніе можетъ свободно высказываться по всѣмъ общественнымъ и политическимъ вопросамъ. *Право* общественнаго мнѣнія является, такимъ образомъ, составною частью *современной* государственной жизни. Нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не обратить вниманія на то, что въ Англіи право общественнаго мнѣнія возникло раньше свободы печати: послѣдняя развилась именно на почвѣ *права общественнаго мнѣнія*. Вотъ почему въ Англіи въ свободѣ печати видятъ гарантію, обезпечивающую народныя и государственныя интересы, тогда какъ въ континентальныхъ странахъ Европы, со времени французской революціи, она признается личнымъ правомъ каждаго гражданина, входящимъ въ составъ его политическихъ правъ.

Это указаніе имѣетъ существенное значеніе. Особенности, характеризующія политическія нравы Англіи, сравнительно съ континентальными странами Европы, объясняются отчасти тѣмъ фактомъ, что въ Англіи, параллельно съ развитіемъ парламентскихъ учреждений, возникшихъ въ прочихъ странахъ Европы значительно позднѣе, общественное мнѣніе успѣло приобрести вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ ранѣе, нежели печать достигла техническаго совершенства и получила широкое распространеніе въ народныхъ массахъ. По своему историческому назначенію и по укоренившимся въ воззрѣніяхъ народа традиціямъ, англійская печать была органомъ народа. Наоборотъ, въ другихъ странахъ Европы, въ соотвѣтствіи съ господствовавшими въ то время индивидуалистическими и ато-

мистическими теоріями, печать являлась органомъ отдѣльныхъ личностей, средствомъ создавать, объяснять, оспаривать и затемнять общественное мнѣніе,—какъ будто каждый гражданинъ не только имѣлъ право противопоставить свое индивидуальное мнѣніе дѣйствіямъ правительства, отражающимъ въ себѣ коллективное мнѣніе, но даже имѣлъ право требовать вниманія общества къ своему мнѣнію. Всѣ стремленія континентальной печати были всегда принципиально направлены на безграничное расширеніе индивидуальной свободы. Въ Англии, наоборотъ, печать поставила себѣ задачей охрану правъ и власти всей совокупности народа противъ посягательствъ со стороны отдѣльныхъ государственныхъ дѣятелей. По взгляду англійской прессы свобода гражданъ являлась одною изъ составныхъ частей общаго освященнаго исторіей правового порядка.

Это отличіе англійской прессы отъ континентальной настолько значительно, что проходитъ красной нитью черезъ всю исторію процессовъ по дѣламъ печати и даетъ ключъ къ объясненію различія, выработавшагося уже болѣе столѣтія тому назадъ, во взглядахъ судовъ въ Англии и на континентѣ Европы на право свободного выраженія мнѣній.

Характеръ историческаго развитія общественнаго мнѣнія служитъ объясненіемъ судебной практики, установившейся въ Англии въ теченіе прошлаго столѣтія по дѣламъ о пасквиляхъ (libel), на основаніи которой истецъ обязанъ былъ доказать ложность и злонамѣренность фактовъ, которые онъ признаетъ позорящими его честь и достоинство; отвѣтчикъ, же-съ своей стороны, былъ лишенъ права доказывать вѣрность заключавшихся въ пасквилѣ обвиненій. Противовѣсомъ такого порядка являлось право Жюри въ тѣхъ случаяхъ, когда не затрогивалась честь отдѣльныхъ личностей, выносить оправдательный приговоръ, если только справедливость инкриминируе-

мыхъ фактовъ находилась внѣ всякаго сомнѣнія. Этотъ своеобразный складъ уголовного процесса былъ послѣдствіемъ историческаго компромисса между временами Тюдоровъ, когда публичная критика государственныхъ актовъ со стороны отдѣльныхъ личностей признавалось преступной, и совершенно измѣнившимися условіями той эпохи, когда Юніусъ писалъ свои письма.

Поэтому Делольмъ, самъ уроженецъ свободнаго женеваго Кантона, имѣлъ полное основаніе отнестись съ большимъ изумленіемъ къ указанному правовому порядку, историческое происхожденіе котораго ему не было ясно. «Оправдательный проговоръ присяжныхъ, говоритъ онъ, почти неизбѣженъ въ тѣхъ случаяхъ, когда статья, подлежащая судебному разсмотрѣнію, содержитъ нападки на дѣйствія правительства. Независимо отъ убѣжденія въ правильности инкриминируемыхъ фактовъ, присяжные въ подобныхъ случаяхъ руководствуются господствующимъ въ Англіи воззрѣніемъ, (которое съ особенной силой указывала защита въ процессѣ по поводу «Писемъ Юніуса») заключающимся въ томъ, что если злословіе въ отношеніи частныхъ лицъ и не можетъ быть терпимо, то, наоборотъ, дѣйствія правительства должны подлежать свободной общественной критикѣ, и правительство должно считать такое обсужденіе дѣломъ для себя полезнымъ».

IV.

Общественное мнѣніе и его противоположности.

Исторія современныхъ культурныхъ государствъ доказываетъ, что общественное мнѣніе есть явленіе народнаго духа, подверженное разнообразнымъ измѣненіямъ. Оно не представляетъ собою ни рѣшающей или повелѣвающей власти правителя, ни воли, направляющей къ осуществленію себя въ дѣйствіи; оно является *инстанціей совѣщательной*, произносящей свое сужденіе о фактахъ совершившихся, или о намѣреніяхъ, ожидающихъ своего осуществленія.

Значеніе и авторитетъ общественнаго мнѣнія проявляются съ особенною силой въ тѣхъ случаяхъ, когда представители государственной власти по личнымъ своимъ склонностямъ считаютъ необходимымъ прислушиваться въ общественныхъ дѣлахъ къ мнѣнію гражданъ, или когда они *вынуждены* обстоятельствами добиваться одобренія народа при осуществленіи правительственныхъ мѣропріятій. Являясь въ сферѣ народной жизни совѣщательной и осуждающей властью и обладая, въ силу этого, возможностью усиливать, сдерживать, возбуждать и ослаблять побудительные мотивы, обуславливающіе дѣятельность правителей, государственныхъ мужей и частныхъ лицъ, — общественное мнѣніе приобрѣтаетъ практическое значеніе. Если общественное мнѣніе сталкивается съ волей правителя, еще не успѣвшей выразиться въ дѣйствіяхъ, оно поощряетъ или предостерегаетъ. Роль общественнаго мнѣнія по отношенію къ

совершившимся фактамъ, являющимся выраженіемъ государственной воли, сводится къ порицанію или одобренію, смотря по достигнутымъ результатамъ. Даже въ случаѣ, когда общественное мнѣніе произноситъ судъ надъ фактами, уже совершившимися, оно не лишено практическаго значенія, такъ какъ въ рѣшительномъ одобреніи тѣхъ или иныхъ дѣйствій заключается вмѣстѣ съ тѣмъ и побужденіе къ повторенію тѣхъ же дѣйствій при одинаковыхъ фактическихъ условіяхъ; порицаніе же правительственныхъ мѣропріятій является въ глазахъ отвѣтственныхъ и неотвѣтственныхъ органовъ государственной власти либо предостереженіемъ противъ повторенія подобнаго рода дѣйствій, либо требованіемъ новаго, болѣе основательнаго ихъ обсужденія.

Въ виду своего практическаго характера, общественное мнѣніе по необходимости связано во времени съ событіями государственной жизни. Его занимаетъ лишь то, что произошло въ ближайшемъ прошедшемъ или должно произойти въ ближайшемъ будущемъ. Факты, отошедшіе въ область исторіи, имѣютъ для него жизненное значеніе лишь тогда, ежели они въ какомъ либо отношеніи оказываютъ вліяніе на условія современной жизни или стоятъ съ ними въ какой либо причинной связи. Общественное мнѣніе, основанное на проникшихъ въ сознаніе массъ чувствахъ признательности или справедливой національной гордости, можетъ настоятельно требовать регулярнаго празднованія дня рожденія великихъ людей, уже давно отошедшихъ въ вѣчность, или сооруженія имъ памятниковъ. Обстоятельства отдаленнаго будущаго занимаютъ общественное мнѣніе еще рѣже, чѣмъ дѣла давно минувшихъ временъ. И здѣсь, впрочемъ, возможно иногда установленіе связи съ событіями настоящаго: осуществленіе нѣкоторыхъ государственныхъ реформъ неоднократно тормозилось именно бла-

годаря тому, что народное суевѣріе соединяло съ этими реформами зловѣщія предсказанія для будущаго, наполнявшія умы народа тревогою. Ливій сообщаетъ не мало примѣровъ такого рода.

Самое понятіе *общественнаго*, т. е. *публичнаго* мнѣнія требуетъ, чтобы оно было выражено тѣмъ или инымъ способомъ, хотя и не обязательно въ словѣ и письмѣ. Разъ общественное мнѣніе проявилось, оно сохраняетъ свое значеніе до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся условія, его создавшія. Въ общественныхъ организмахъ обладающихъ жизненностью, какое либо воззрѣніе, хотя не выраженное, но живущее въ сознаніи народа, можетъ приобрѣтать авторитетъ общественнаго мнѣнія и оказывать такое же непосредственное воздѣйствіе на современниковъ, какъ не записанныя, но всѣми признаваемые положенія обычнаго права. Рядомъ съ *обычнымъ правомъ* развивается и передается изъ поколѣнія въ поколѣніе *обычное мнѣніе*. И подобно тому, какъ органическому росту обычнаго права поставлены границы, благодаря быстрой измѣнчивости и широкому распространенію *современнаго* законодательства, такъ въ настоящее время нѣтъ мѣста для развитія политическихъ обычныхъ мнѣній послѣ того, какъ французская революція разрушила ихъ историческія основы. Политическихъ обычныхъ мнѣній нынѣ, можно сказать, не существуетъ. Остались только живущіе въ массахъ традиціонныя предразсудки, которые ограничиваются областью суевѣрій и слѣдами соціальной розни между общественными классами, образовавшейся на почвѣ средневѣковаго сословнаго строя.

Въ общинныхъ государственныхъ организмахъ древняго міра *existimatio* или *vox populi* являлось *общественной силой*, которую всѣ сознавали, независимо отъ того, проявилось-ли оно въ какихъ-либо строго опредѣленныхъ формахъ

или нѣтъ. Въ то время не было надобности ни въ документальныхъ данныхъ, ни въ какихъ либо письменныхъ доказательствахъ, ни тѣмъ менѣе въ тѣхъ предположеніяхъ и указаніяхъ, въ которыхъ въ настоящее время приходится искать доказательства существованія общественнаго мнѣнія въ тѣхъ или другихъ сомнительныхъ случаяхъ.

Только въ новѣйшее время, когда соціальное положеніе каждаго болѣе или менѣе образованнаго гражданина обуславливается въ такой же мѣрѣ запасомъ собственныхъ, самостоятельныхъ мнѣній, въ какой — обладаніемъ имущественныхъ средствъ, обезпечивающихъ его независимость, — соотношеніе частныхъ мнѣній и общественнаго мнѣнія пріобрѣтаетъ на столько важное значеніе, что въ каждомъ данномъ случаѣ возникаетъ и подлежитъ разрѣшенію слѣдующій вопросъ:

Обладаютъ-ли извѣстныя публично выраженные мнѣнія характеромъ мнѣнія народнаго и имѣются-ли въ наличности дѣйствительное или извращенное общественное мнѣніе?

Первая трудность, связанная съ точнымъ установленіемъ общественнаго мнѣнія, заключается въ разграниченіи общественнаго мнѣнія отъ публично выраженныхъ мнѣній отдѣльныхъ личностей. Дѣйствительно, нѣтъ ничего легче, какъ ошибочно принять частное мнѣніе, выраженное публично и не встрѣчающее противорѣчія, за мнѣніе общественное.

Но подобно тому, какъ самостоятельное проявленіе воли многихъ отдѣльныхъ людей не можетъ быть приравнено къ проявленію воли государственной, такъ и частное мнѣніе отдѣльныхъ лицъ, какъ-бы многочисленны они ни были, не можетъ быть принято за выраженіе общественнаго мнѣнія. *Общественное мнѣніе по идеѣ своей есть нѣчто иное, чѣмъ сумма публично выраженныхъ мнѣній.* Мыслимо

даже такое стеченіе обстоятельствъ, когда мнѣніе, которое большинствомъ гражданъ признается за общественное, безмолвствуетъ, тогда какъ частныя мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, находятъ горячую публичную защиту.

Признакъ публичности, понимаемой даже въ смыслѣ широкаго распространенія въ печати, не имѣетъ, съ точки зрѣнія теоретической, рѣшающаго значенія при установленіи общественнаго мнѣнія.

Для правильнаго опредѣленія общественнаго мнѣнія и для установленія отличія его отъ публично выраженныхъ частныхъ мнѣній отдѣльныхъ лицъ необходимо всегда имѣть въ виду два признака. Во-первыхъ — свойство субъектовъ, выражающихъ мнѣніе, и, во-вторыхъ, авторитетность даннаго мнѣнія, та авторитетность, въ которой коренится могущество общественнаго мнѣнія.

Старинная терминологія англійской государственной-правовой литературы, изъ которой выраженіе *public opinion* проникло во Францію и Германію, доказываетъ, что *public opinion* было равнозначуще съ *common opinion* или *opinion of the public*, т. е., иначе говоря, съ мнѣніемъ публики, присутствующей на театрѣ событій, въ качествѣ зрителя, неучаствующей въ государственной драмѣ и безпристрастно выражающей свое одобреніе или порицаніе.

Одинаковое значеніе съ терминомъ «общественное мнѣніе» имѣло въ публицистикѣ прошлаго столѣтія выраженіе «народное чувство» (*sentiment of the people*). По какой причинѣ не употребляли съ самого начала гораздо болѣе ясное выраженіе «народное мнѣніе», — трудно прослѣдить съ достовѣрностью; объясняютъ это тѣмъ, что, за отсутствіемъ периодической прессы, публика и писатели привыкли видѣть въ парламентѣ единственнаго выразителя народнаго мнѣнія. Суще-

ствовавшее первоначально въ Англіи запрещеніе предавать гласности парламентскія пренія, вызывало борьбу между парламентомъ и прессой (дошедшую въ XVIII вѣкѣ до своего апогея) и привело къ тому, что со словомъ «общественное мнѣніе» стали соединять представленіе о проявляющемся внѣ парламента политическомъ мнѣніи публики и избирателей, въ противоположность негласному обсужденію политическихъ и общественныхъ вопросовъ въ парламентѣ. Это разграниченіе проявилось особенно рельефно въ срединѣ прошлаго столѣтія, когда обнаружилось, что нѣкоторыя весьма важныя мѣропріятія парламента явились результатомъ подкуповъ, исходившихъ отъ Вальполя. Такимъ образомъ, субъектомъ общественнаго мнѣнія, согласно взглядамъ того времени, была *публика*, которой и понынѣ еще принадлежитъ рѣшающее слово въ дѣлахъ литературы, театра и искусства.

Общественное мнѣніе являлось въ глазахъ англійскихъ публицистовъ сильнѣйшимъ противовѣсомъ тайно подкупленному парламентскому большинству. Это отчасти указываетъ на то, что въ Англіи формальные элементы тайнаго и гласнаго выраженія мнѣнія, временно по крайней мѣрѣ, играли ту-же роль, какъ и на континентѣ, гдѣ тайная кабинетная политика и безгласность отправленія правосудія составляли главный предметъ нападокъ со стороны общественнаго мнѣнія.

Какъ бы то ни было, рассматривая вопросъ съ исторической точки зрѣнія, нельзя не признать, что общественное мнѣніе никогда не было отождествляемо въ Англіи съ мнѣніями *парламентскаго большинства*.

Этотъ выводъ, основанный на исторіи англійскихъ парламентскихъ учрежденій, вѣренъ и для настоящаго времени. *И понынѣ общественное мнѣніе не совпадаетъ necessarily образомъ съ выразившимся въ голосова-*

нїи мнѣніемъ парламентскаго большинства. На этомъ соображеніи основана прерогатива распущенія выборной палаты, предоставляемая представителю государственной власти. Неоднократно уже замѣчалось, что партіи, располагавшія въ парламентѣ значительнымъ большинствомъ, оказывались, послѣ новыхъ выборовъ, въ меньшинствѣ, благодаря тому, что онѣ не желали или не могли сообразоваться съ наступившими въ состояніи общественнаго мнѣнія измѣненіями. Это доказываетъ, что дѣйствительное состояніе общественнаго мнѣнія не всегда можетъ быть съ точностью опредѣлено ариѳметическимъ способомъ подсчитыванья результатовъ парламентскихъ голосованій, помѣщаемыхъ въ газетахъ различныхъ оттѣнковъ.

Для того, чтобы общественное мнѣніе могло сдѣлаться высшимъ трибуналомъ политической критики, стоящимъ надъ правителями и партіями, оно должно покоится на иномъ фундаментѣ, чѣмъ простое парламентское большинство, такъ какъ нельзя допустить, чтобы судьями, произносящими послѣднее слово въ дѣлахъ политики, признавались тѣ, чьи собственныя дѣйствія подлежатъ еще оцѣнкѣ. Поэтому, пресса, отдаваяся служенію интересамъ партіи, не можетъ претендовать на роль выразительницы общественнаго мнѣнія, *которое всегда должно сохранять за собою право свободнаго сужденія въ отношеніи партійныхъ ученій.* Политическая догматика партій и догматика церковная и теологическая имѣютъ одну общую черту: переменна во взглядахъ адептовъ считается отступничествомъ и слабохарактерностью; наоборотъ, переменна во взглядахъ противниковъ привѣтствуется, какъ обращеніе на путь истины.

Общественное мнѣніе можетъ сдѣлаться политической и нравственной силой лишь при условіи сохраненія права сво-

бодной, независимой критики по отношенію къ господствующимъ партіямъ, весьма часто добивающимся его расположенія и помощи.

Общественное мнѣніе не должно быть также отождествляемо съ суммою всѣхъ отдѣльныхъ партійныхъ мнѣній, проявляющихся въ государственной жизни, такъ какъ нельзя себѣ представить общественное мнѣніе, лишеннымъ *внутренняго* единства.

Внутреннее единство обусловливаетъ могущество общественнаго мнѣнія. Благодаря этой живущей въ немъ силѣ, оно не можетъ быть разсматриваемо, какъ совокупность индивидуальныхъ, не связанныхъ между собою воззрѣній. Точно также *communis opinio doctorum*, которое юристами применялось въ судебной практикѣ, въ качествѣ господствующаго правоваго воззрѣнія, не могло быть разсматриваемо, какъ мнѣніе большинства, въ противоположность мнѣнію меньшинства, а скорѣе представляло собою нѣкоторую аналогію съ политическимъ общественнымъ мнѣніемъ. Эта аналогія особенно ярко выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда *communis opinio jurisconsultorum* является господствующимъ въ судебной практикѣ, хотя противъ него изрѣдка и раздаются протестующіе голоса.

Абсолютная тождественность всѣхъ отдѣльныхъ мнѣній, такъ сказать единогласность, вовсе не требуется понятіемъ общественнаго мнѣнія. Рядомъ съ общественнымъ мнѣніемъ о томъ или другомъ вопросѣ могутъ существовать многочисленныя несходныя между собою частныя мнѣнія о томъ же предметѣ. Обыкновенно общественное мнѣніе находится какъ бы въ состояніи покоя, и лишь нападки и противорѣчія могутъ заставить его высказаться.

Равнымъ образомъ представляется неправильнымъ полагать,

что общественное мнѣніе является *среднимъ* отдѣльныхъ мнѣній. *Бидерманъ* въ словарѣ государственныхъ знаній Роттека и Велькера даетъ слѣдующее опредѣленіе общественнаго мнѣнія: «Общественное мнѣніе есть сумма или скорѣе средняя сложность существенныхъ въ извѣстномъ общественномъ кругу взглядовъ на тѣ или другія вопросы общаго характера. Оно можетъ существовать въ предѣлахъ общины, округа, провинціи, государства, части свѣта и даже, наконецъ, въ предѣлахъ всего цивилизованнаго человѣчества».

По этой теоріи единственною противоположностью общественному мнѣнію являются частныя мнѣнія отдѣльныхъ лицъ. Но при такомъ ариѳметическомъ исчисленіи мнѣній останется однако сомнительнымъ, удовлетворительно ли и въ достаточной ли степени полно сдѣлано самое исчисленіе; кромѣ того теорія, согласно которой каждое мнѣніе мѣстнаго кружка или сословнаго собранія должно быть признаваемо за мнѣніе общественное, представляется въ политическомъ отношеніи совершенно непригоднымъ.

Германское Уголовное Уложеніе исходитъ изъ того принципа, что общественное мнѣніе должно дать норму для огражденія чести отдѣльныхъ гражданъ на основаніи господствующихъ въ государствѣ понятій о чести. Поэтому въ Германіи судья не можетъ принимать въ соображеніе воззрѣнія на честь, принятыя только въ той или другой отдѣльной части страны, хотя конечно мѣстныя отступленія отъ общихъ въ государствѣ взглядовъ всегда возможны. Примѣромъ является Корсика, гдѣ кровавая месть одобряется общественнымъ мнѣніемъ, тогда какъ по французскому праву, это преступленіе приравнено къ обыкновенному убійству.

Понятіе средняго мнѣнія представляется совершенно несостоятельнымъ въ правовомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Положимъ, что при помощи ариѳметическаго исчисленія намъ удалось установить количество приверженцевъ всѣхъ господствующихъ въ данномъ обществѣ мнѣній. Спрашивается, какое изъ всѣхъ этихъ мнѣній окажется среднимъ? Если мы за среднее мнѣніе признаемъ то, на долю котораго выпадаетъ не наибольшее и не наименьшее число приверженцевъ, а приблизительно среднее ариѳметическое между ними, то возникнетъ невозможность установить преимущественное значеніе этого именно мнѣнія предъ прочими мнѣніями, равнымъ образомъ приближающимися по числу приверженцевъ къ среднему ариѳметическому. Кромѣ того, практически подобное исчисленіе осуществимо развѣ слѣдующимъ способомъ: вычислить число подписчиковъ на газеты всѣхъ направленій, затѣмъ установить среднее ариѳметическое между ними и опредѣлить въ концѣ концовъ, какая газета по числу подписчиковъ наиболѣе приближается къ среднему мнѣнію. Несомнѣнно однако, что выводы, добытые указаннымъ путемъ, серьезнаго значенія имѣть не могутъ.

Подъ среднимъ мнѣніемъ Бидерманъ можетъ быть подразумѣвалъ мнѣніе тѣхъ общественныхъ классовъ, которые въ интеллектуальномъ и экономическомъ отношеніяхъ представляютъ собою какъ бы среднюю величину между классами высшими и низшими. При такомъ толкованіи мнѣніе Бидермана приближается къ воззрѣнію Блюнчли, который признаетъ, что выразителями общественнаго мнѣнія призваны быть средніе общественные классы.

Правильная постановка теоріи общественнаго мнѣнія возможна лишь тогда, если принять за исходную точку тотъ всѣми признаваемый фактъ, что общественное мнѣніе проявляется въ народной и государственной жизни, какъ *сила*, одинаково могущественная, какъ въ отношеніи частныхъ лицъ,

такъ и въ отношеніи правительства. *А для этого необходимо признать, что общественное мнѣніе есть господствующее мнѣніе самого народа, которое однако не успѣло воплотиться въ одинаково обязательномъ для всѣхъ положительномъ законѣ или правительственныхъ распоряженіяхъ.* При такихъ условіяхъ рѣчь можетъ быть только о силѣ *мнѣнія*, ибо акты *воли*, проявляющейся, напримѣръ, въ чистой демократіи, въ видѣ единоголаснаго плебисцита, не могутъ быть подведены подъ понятіе общественнаго мнѣнія. Только фактъ преобладанія въ сознаніи правителей и частныхъ лицъ основательнаго или ошибочнаго убѣжденія, что въ отношеніи тѣхъ или другихъ важныхъ вопросовъ политики и морали существуетъ *господствующее въ народѣ мнѣніе*, можетъ дать объясненіе чувствамъ уваженія и страха, мѣшающимъ имъ идти наперекоръ общественному мнѣнію. Сила общественнаго мнѣнія является такимъ образомъ силой психической, не имѣющей ничего общаго съ властью закона. Изслѣдованіе его происхожденія и вліянія возможно поэтому лишь на основаніи данныхъ, добытыхъ исторіей и народной психологіей.

Въ наивысшей своей степени страхъ предъ общественнымъ мнѣніемъ, ощущаемый правителями, равносильенъ страху предъ приближающеюся революціей, если только есть возможность допустить, что сила общественнаго мнѣнія могла-бы побудить отдѣльныхъ гражданъ или большинство народа къ возстанію противъ закона.

Авторитетъ общественнаго мнѣнія въ глазахъ частныхъ лицъ объясняется тѣмъ, что поступки, идущіе въ разрѣзъ съ требованіями общественнаго мнѣнія, влекутъ за собою всеобщее порицаніе, а также тѣмъ, что попытка противодѣйствія общественному мнѣнію со стороны отдѣльныхъ лицъ можетъ только обнаружить ихъ безсиліе.

Міровоззрѣніе отдѣльныхъ личностей въ сферѣ политики находится подъ давленіемъ вѣры въ силу общественнаго мнѣнія, которое хотя и не располагаетъ наказаніями, угрожающими жизни, здоровью и свободѣ неподчиняющихся ему лицъ, но, безъ сомнѣнія, можетъ оказывать значительное вліяніе на соціальное положеніе отдѣльныхъ гражданъ. Въ распоряженіи общественнаго мнѣнія имѣются различныя средства, которыми оно можетъ подчинить себѣ отдѣльныхъ лицъ, — восхваленіе солидарныхъ съ нимъ или осмѣяніе тѣхъ, которые расходятся съ нимъ. Страхъ предъ тѣмъ, что общественное мнѣніе можетъ перейти въ дѣйствіе является причиною того, что несочувствующие общественному мнѣнію лица не рѣшаются однако идти противъ него.

Для проявленія своей силы общественное мнѣніе располагаетъ цѣлымъ арсеналомъ демонстацій — безразличныхъ съ правовой точки зрѣнія, но весьма существенныхъ съ политической и соціальной. Этимъ и объясняется, почему многіе люди, единственно на основаніи правильно или ложно составленнаго убѣжденія о томъ, что народное мнѣніе произнесло свой приговоръ по тому или другому вопросу, подчиняются безъ ропота такому вердикту. Равнодушныя натуры не входятъ даже въ дальнѣйшую оцѣнку подобныхъ сужденій и повторяютъ выставляемая общественнымъ мнѣніемъ положенія съ такою же покорностью, съ какою повторяются слова судебной присяги. Слабохарактерные люди, своимъ умомъ дошедшіе до самостоятельнаго воззрѣнія, спѣшатъ признать его ошибочнымъ, какъ только общественное мнѣніе высказалось въ смыслѣ противоположномъ. Люди осторожные предпочитаютъ хранить про себя взгляды, несогласные съ общественнымъ мнѣніемъ, или выжидаютъ для безпрепятственнаго ихъ выраженія болѣе благоприятнаго времени. Когда общественное мнѣніе достигаетъ выс-

шей степени своего могущества, то лишь немногіе, исключительно смѣлыя и сильныя натуры, рѣшаются вступать съ нимъ въ борьбу, въ имя своихъ личныхъ убѣжденій. Наоборотъ, въ эпохи поворотовъ въ направленіи общественнаго мнѣнія и возникновенія новыхъ вѣяній, громко раздаются воинственные голоса различныхъ рыцарей словесной и газетной борьбы, объявляющихъ войну общественному мнѣнію, предъ которымъ они еще такъ недавно преклонялись.

Подобно тому, какъ есть люди, ощущающіе въ своемъ организмѣ предстоящую перемену погоды, такъ точно существуютъ субъекты, одаренные тонкимъ чутьемъ въ отношеніи готовящихся измѣненій въ общественномъ мнѣніи. Этой способностью въ высокой степени обладалъ Талейранъ. И также Times, органъ, поставившій себѣ задачей быть выразителемъ общественнаго мнѣнія, а не опредѣленныхъ партійныхъ интересовъ, часто навлекалъ на себя несправедливыя упреки въ безхарактерности за свое удивительное умѣніе приравниваться къ переменамъ политической погоды.

Установленіе точныхъ и общихъ для всѣхъ случаевъ признаковъ, по которымъ можно было-бы судить о наличности въ данный моментъ *господствующаго народнаго мнѣнія* — представляется дѣломъ невозможнымъ. Оно можетъ существовать очень долго, не проявляясь въ какой-либо опредѣленной и осязательной формѣ. Бываютъ также случаи, что общественное мнѣніе остается нейтральнымъ зрителемъ происходящей въ газетахъ и въ обществѣ борьбы мнѣній. Но это лишь до поры до времени. Разъ вызванное по какому-либо поводу, оно твердо и демонстративно выступаетъ на арену борьбы и даетъ себя знать чувствительнымъ для всѣхъ образомъ.

Въ современныхъ государствахъ народъ въ своей совокупности не можетъ непосредственно выражать свое мнѣніе. По-

этому представляется необходимымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ изслѣдовать, въ чемъ именно выражается и воплощается общественное мнѣніе. Для выраженія своихъ мнѣній народъ нуждается въ двоякомъ представительствѣ: требуются, во-первыхъ, люди, умѣющіе правильно выразить народное мнѣніе и, во-вторыхъ, люди, умѣющіе безошибочно интерпретировать это мнѣніе. Въ видѣ общаго правила можно замѣтить, что мнѣніе народа проявляется тѣмъ опредѣленнѣе, чѣмъ ограниченнѣе по количеству и чѣмъ значительнѣе по своей духовной силѣ его добровольные представители. Для царей древней Іудеи голосъ пророковъ являлся наиболѣе яснымъ и сильнымъ выраженіемъ народныхъ воззрѣній. Съ другой стороны, представляется вполне естественнымъ, что пророки имѣли рѣшающее вліяніе на развитіе и укрѣпленіе народнаго мнѣнія. Значеніе жреческаго сословія въ восточныхъ государствахъ объясняется, независимо отъ чисто религіозныхъ причинъ, еще причинами политическаго характера, такъ какъ и понынѣ жрецы являются тамъ выразителями протеста народа противъ злоупотребленій и притѣсненій со стороны правительства.

Выразителями, руководителями и проводниками общественнаго мнѣнія въ теченіе XVIII столѣтія были, какъ уже замѣчено выше, по преимуществу нѣкоторыя личности, выдававшіяся надъ общимъ уровнемъ въ общественномъ, литературномъ и научномъ отношеніяхъ. Количество такихъ людей было очень немного. И не смотря на то, благодаря нравственной и интеллектуальной силѣ этихъ людей, ихъ голосъ пользовался рѣшительнымъ авторитетомъ въ самыхъ широкихъ общественныхъ кругахъ, а ихъ умѣніе облекать свои мысли въ своеобразную художественную форму способствовало развитію въ народныхъ массахъ пониманія собственныхъ нуждъ и стремленій. О вліяніи подобныхъ людей можно, выражаясь образно, ска-

зять, что въ ихъ словахъ заключалась эпидемическая сила заразы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что ясность и опредѣленность въ выраженіи общественнаго мнѣнія теряется въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ числа тѣхъ лицъ, которыя, не умѣя критически относиться къ событіямъ, считаютъ себя тѣмъ не менѣе призванными выразителями народнаго мнѣнія и выдаютъ различные *ходячіе* взгляды и идеи за откровенія народнаго мнѣнія. Въ разглагольствованіяхъ этихъ самозванныхъ выразителей общественнаго мнѣнія нельзя видѣть отраженіе дѣйствительнаго мнѣнія народа уже потому, что въ наше время смѣна явленій общественной жизни происходитъ настолько быстро и неожиданно, что народъ не можетъ въ каждую данную минуту составить и выразить коллективное мнѣніе по всякому возникающему въ обществѣ вопросу. *Ясность общественнаго мнѣнія въ значительной степени обусловлена существованіемъ и посредничествомъ такого органа, который лично отвѣтствуетъ за выраженные имъ мнѣнія.* Такъ какъ распознаваніе общественнаго мнѣнія (въ особенности при сложномъ и запутанномъ складѣ современной жизни) представляется дѣломъ не легкимъ и доступнымъ лишь избраннымъ умамъ и такъ какъ выраженіе народнаго духа предполагаетъ *jus agendi cum populo*, то врядъ-ли возможно говорить о дѣйствительномъ народномъ мнѣніи въ тѣхъ случаяхъ, когда за мнѣніе общественное выдаются возрѣвія, выражаемыя *анонимно*. Въ деспотическихъ странахъ пасквиль, салонная острота, намекъ опернаго текста, взрывъ аплодисментовъ въ театрѣ—все это можетъ быть признано за форму проявленія такихъ народныхъ мнѣній, свободное и безпрепятственное выраженіе которыхъ не дозволено. Но если стать на ту точку зрѣнія, что въ свободныхъ государствахъ

ничто не препятствуетъ публичному выраженію народнаго мнѣнія, то въ *анонимности* придется признать либо сомнѣніе въ своемъ правѣ говорить отъ имени народа со стороны тѣхъ, которые претендуютъ быть выразителями общественнаго мнѣнія, либо отсутствіе рѣшимости принять на себя отвѣтственность за избранную форму выраженія мнѣній.

Изложенныя соображенія, въ примѣненіи къ условіямъ современнаго быта, указываютъ на то, что съ увеличеніемъ числа лицъ и органовъ, выступающихъ, въ качествѣ выразителей народнаго мнѣнія, и съ развитіемъ техническихъ способовъ для распространенія въ массѣ этихъ мнѣній, увеличилась трудность точнаго установленія общественнаго мнѣнія по тѣмъ или другимъ общественнымъ вопросамъ, подлежащимъ публичному обсужденію. Весьма нерѣдко мнѣнія, выражаемыя лицами, считающими себя глашатаями общественнаго мнѣнія, находятся въ несоотвѣтствіи или даже въ прямомъ противорѣчии съ дѣйствительнымъ мнѣніемъ народа.

Свойство предметовъ, занимающихъ общественное мнѣніе, совершенно безразлично для самаго его *понятія*. Бидерманъ говоритъ: «Изъ сферы общественнаго мнѣнія исключаются, или, по крайней мѣрѣ, должны быть исключены такіе вопросы, въ которыхъ только личное индивидуальное убѣжденіе можетъ быть верховнымъ и единственнымъ судьей».

Нельзя не согласиться съ утверженіемъ Бидермана, что нѣкоторые вопросы не должны подлежать вѣдѣнію общественнаго мнѣнія. Но Бидерманъ ошибается, утверждая, что общественное мнѣніе по самой своей сущности не распространяется на извѣстные предметы. Конечно, *право* публичнаго выраженія мнѣнія можетъ быть, въ видѣ исключенія, ограничено закономъ, какъ въ отношеніи самихъ предметовъ обсужденія, такъ и въ отношеніи избираемой формы. Можно также утверждать,

что обсужденіе нѣкоторыхъ вопросовъ со стороны общественнаго мнѣнія представляется *нежелательнымъ*. Но для *понятія* общественнаго мнѣнія совершенно безразлично, на какіе предметы оно направлено. Равнымъ образомъ не имѣетъ значенія для *понятія* общественнаго мнѣнія и то обстоятельство, правильно-ли по своему содержанию народное рѣшеніе или нѣтъ. Предметомъ общественнаго мнѣнія можетъ и должно сдѣлаться всякое явленіе, происходящее публично и имѣющее отношеніе къ *государственной* или *общественной жизни*.

Въ числѣ попытокъ точно опредѣлить сущность общественнаго мнѣнія заслуживаетъ вниманія теорія, выставленная *Саверіо Сколари*. «Общественное мнѣніе—говоритъ онъ—принадлежитъ одновременно *всѣмъ* и *никому*; *всѣмъ*—такъ какъ всѣ мы живемъ въ одномъ и томъ-же гражданскомъ обществѣ, хотя и занимаемъ въ немъ неодинаковое положеніе; *никому*—потому что каждый изъ насъ придерживается своего индивидуальнаго образа мышленія и дѣйствія. Съ момента возникновенія *общества*, возникаетъ одновременно и общественное мнѣніе, касающееся самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ отправленій, общественныхъ нуждъ и стремленій и способовъ достиженія общественныхъ цѣлей. Это мнѣніе безъ сомнѣнія создается всѣми членами общества, такъ какъ каждый человекъ, какъ-бы незначительны были его образованіе и дѣятельность, оказываетъ такъ или иначе вліяніе на нравственное и духовное развитіе окружающихъ его лицъ, притомъ не только словомъ и примѣромъ, поученіемъ и дѣятельностью, но даже воздержаніемъ отъ извѣстныхъ дѣйствій и молчаніемъ. Народное мнѣніе (*opinione popolare*) состоитъ, поэтому, не исключительно въ извѣстнаго рода комбинаціи представленій, а скорѣе въ взаимодействіи между этими представленіями и фак-

тами, оказывающими въ свою очередь вліяніе на людей и ихъ мнѣнія».

По этой теоріи общественное мнѣніе возникаетъ какъ бессознательное проявленіе народнаго духа, въ противоположность процессу образованія индивидуальнаго сознанія. Выражается же оно въ видѣ примѣненія уже готовыхъ сужденій къ нарождающимся явленіямъ текущей общественной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ по возрѣнію *Сколари* общественное мнѣніе является откровеніемъ *народнаго правосознанія*, которое въ немъ заключается и съ нимъ совпадаетъ.

Дѣйствительно, въ отношеніи своего органическаго процесса образованія *народное мнѣніе* и *народное правосознаніе* представляютъ многія черты сходства. Въ смыслѣ психологическомъ, какъ то, такъ и другое складывается подъ вліяніемъ одинаковыхъ факторовъ, причемъ процессъ ихъ образованія является *актомъ бессознательнымъ*. По какой причинѣ обычаи народа находились первоначально въ тѣснѣйшей связи именно съ его правовымъ сознаніемъ, — не поддается болѣею частью точному изслѣдованію, по крайней мѣрѣ въ отношеніи древнѣйшихъ временъ; представляется однако сомнительнымъ, чтобы это происходило съ какой либо сознательной цѣлью. Точно также и народное мнѣніе является въ древнѣйшую эпоху не заключительнымъ моментомъ діалектическаго процесса, но результатомъ особенностей народнаго духа, принявшихъ осязательную форму на почвѣ преданія.

Въ своемъ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи право обнаруживаетъ тенденцію къ воплощенію въ форму закона и переходитъ въ стадію разумнаго, сознательнаго и научнаго примѣненія при посредствѣ юристовъ. Аналогичный процессъ имѣетъ мѣсто и по отношенію къ мнѣніямъ народа. Въ древнѣйшее время народъ во всей своей совокупности отзывается на

явленія общественной жизни, облакая свои воззрѣнія въ поэтическую форму сказаній; съ теченіемъ времени, однако, онъ теряетъ способность пополнять сокровищницу переходящихъ по преданію коллективныхъ идей и представленій съ тою же быстротою, съ которой нарождаются новые факты общественной жизни, ожидающіе его приговора. Съ этого момента народное мнѣніе является лишь подтвержденіемъ и повтореніемъ идей, выражаемыхъ и распространяемыхъ передовыми умами.

Признавая существованіе аналогіи между народнымъ правосознаніемъ и общественнымъ мнѣніемъ, не слѣдуетъ однако упускать изъ вида ихъ различіе.

Народное правосознаніе связано съ примѣненіемъ права на практикѣ, причемъ фактъ существованія въ народѣ опредѣленнаго правосознанія становится яснымъ для всѣхъ и cadaго лишь тогда, когда оно совершило уже свой творческій актъ. *Народное мнѣніе* перестаетъ быть самостоятельнымъ съ того момента, когда оно найдетъ свое воплощеніе въ законныхъ установленіяхъ. *Народное мнѣніе* не считаетъ себя связаннымъ какими либо внѣшними границами. Оно можетъ заключать въ себѣ неправильныя правовыя воззрѣнія, что невозможно въ отношеніи народнаго правосознанія. Народное мнѣніе не рѣдко является участникомъ въ дѣлѣ созданія опредѣленнаго законодательнаго акта и затѣмъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, можетъ переходить въ правовое сознаніе, образовавшееся на основаніи даннаго закона. Наоборотъ, правовое сознаніе можетъ съ теченіемъ времени угаснуть, если законъ, явившійся его результатомъ, устарѣетъ и обнаружитъ черты произвола и безнравственности. Тогда на его мѣсто выступаетъ народное мнѣніе, которое преодолеваетъ постепенно сопротивленіе судей и, успѣвъ проникнуть въ прак-

тику судебныхъ мѣстъ, способствуетъ непримѣненію устарѣва-шаго закона

Такимъ образомъ народное правосознаніе и народное мнѣніе могутъ также являться на смѣну, одно другому; но въ данный, точно опредѣленный періодъ времени они ни въ какомъ случаѣ не могутъ народиться въ противорѣчій одно съ другимъ, что, конечно, не препятствуетъ тому, чтобы народное мнѣніе послѣдующаго столѣтія противорѣчило народному правосознанію предшествовающаго періода, и наоборотъ.

Дальнѣйшее отличіе народнаго правосознанія отъ народнаго мнѣнія заключается въ томъ, что первое содержитъ въ себѣ лишь такіе элементы, которые превратились или должны превратиться со временемъ въ тезисы положительнаго права, тогда какъ народное мнѣніе, хотя и можетъ иногда совпадать съ правовыми воззрѣніями юристовъ и вліять на дѣло законодательства, но въ общемъ имѣетъ гораздо болѣе широкое поле дѣятельности, чѣмъ народное правосознаніе. Народное мнѣніе можетъ выступить противникомъ законовъ, явившихся результатомъ не народнаго правосознанія, а злоупотребленія со стороны господствующей партіи. Оно проявляетъ свое могущество, кромѣ того, въ тѣхъ областяхъ народной нравственности и народнаго благосостоянія, которыя остаются внѣ предѣловъ вліянія законодательства.

Чтобы правильно выяснить понятіе общественнаго мнѣнія, необходимо всегда имѣть въ виду отношеніе общественнаго мнѣнія къ другимъ противоположаемымъ ему и соприкасающимся съ нимъ понятіямъ.

Такое сопоставленіе приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ.

1. *Общественное мнѣніе, какъ противоположность мнѣнію индивидуальному.* Дѣйствительное мнѣніе народа можетъ не соответствовать, какъ уже замѣчено выше, совокупности гласно выражаемыхъ отдѣльныхъ мнѣній, такъ какъ

для общественнаго мнѣнія нѣтъ необходимости заявлять о своемъ существованіи въ каждую данную минуту. Оно можетъ и безмолвствовать. Точно также нѣтъ необходимости въ томъ, чтобы общественное мнѣніе заключало въ себѣ всѣ индивидуальныя мнѣнія. Общественное мнѣніе не перестаетъ существовать и тогда, когда подвергается нападкамъ и порицаніямъ.

II. *Общественное мнѣніе, какъ противоположность мнѣнію правительственныхъ органовъ.* Мнѣніе народа можетъ не соотвѣтствовать цѣлямъ и предназначеніямъ высшаго органа государственной власти. Основное начало современнаго конституціоннаго строя требуетъ, *чтобы государство управлялось при помощи общественнаго мнѣнія.* «Свободное правительство, говоритъ *Бэдждотъ* (Bagehot), стремится не къ порабощенію и оскорбленію народныхъ воззрѣній, оказывающихъ ему сопротивленіе, а къ склоненію ихъ на свою сторону путемъ убѣжденія». Но и въ свободныхъ государствахъ не исключается, конечно, возможность несоотвѣтствія между мнѣніемъ народа и мнѣніемъ высшихъ правительственныхъ органовъ, такъ какъ государственные дѣятели никоимъ образомъ не могутъ быть признаны правственно обязанными удовлетворять во всякое время требованіямъ общественнаго мнѣнія. При извѣстныхъ условіяхъ противоудѣйствіе общественному мнѣнію можетъ даже явиться политической обязанностью для правительства.

III. *Общественное мнѣніе, какъ противоположность мнѣніямъ политическихъ партій.* Исторія показываетъ, что народное мнѣніе можетъ стоять въ противорѣчій съ мнѣніемъ парламентаго большинства, въ особенности тогда, когда это большинство избрано подъ непосредственнымъ давленіемъ правительственной власти. Отдѣльный избиратель, побуждаемый интересами частнаго характера, можетъ подать свой голосъ воп-

реки общественному мнѣнію и даже собственнымъ желаніямъ. Бываютъ случаи, что общественное мнѣніе, недовольное борьбой парламентскихъ партій, лишаетъ своихъ избранниковъ поддержки и этимъ облегчаетъ возможность государственныхъ переворотовъ. Примѣромъ можетъ служить исторія Франціи послѣ революціи. Сущность англійскаго парламентскаго режима въ томъ именно и заключается, что каждая партія заранее признаетъ возможность утраты поддержки со стороны общественнаго мнѣнія и соглашается подчиниться его безапелляціонному третейскому суду. Такимъ образомъ, на политической почвѣ англійскаго конституціоннаго строя, общественнымъ мнѣніемъ является не то, которое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ парламентскаго голосованья одерживаетъ верхъ надъ меньшинствомъ, но *общее обѣимъ соперничающимъ въ странѣ партіямъ и раздѣляемое въ настоящее время всей Англійей мнѣніе*—что большинство, выразившееся на выборахъ депутатовъ въ палату общинъ, предоставляетъ министерству право управленія страной и отнимаетъ у него это право. Наоборотъ, политическія партіи континентальныхъ странъ Европы основываютъ понятіе *права* на управленіе страной на догматѣ абсолютнаго превосходства и непогрѣшимости ихъ собственныхъ партійныхъ принциповъ и считаютъ, что общественное мнѣніе обязано имъ подчиняться.

IV. *Общественное мнѣніе, какъ противоположность мнѣнію свѣдущихъ людей.* Хотя художники, писатели и ученые, выпуская въ свѣтъ свои творенія, отдаютъ ихъ на судъ публики, и хотя Аристотель признаетъ за толпою способность правильнаго сужденія даже въ отношеніи музыки, — тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что народу присуща способность правильной оцѣнки произведеній художественнаго

или научнаго творчества лишь тамъ, гдѣ, подобно Аѣнамъ и Флоренціи, тонкое эстетическое пониманіе распространено во всѣхъ слояхъ общества и гдѣ сужденіе знатоковъ пользуется авторитетомъ въ глазахъ интересующейся искусствомъ публики. И въ области политики, чѣмъ шире кругъ лицъ, призванныхъ къ активному участию въ государственныхъ дѣлахъ, тѣмъ сильнѣе и чаще выступаетъ противоположность между мнѣніемъ специалистовъ и мнѣніемъ общественнымъ. Какъ бы то ни было, но нельзя совершенно отрицать значеніе общественнаго мнѣнія, хотя бы, на примѣръ, въ сферѣ скульптуры и зодчества. Художникъ, задавшійся цѣлью изобразить какое либо великое событіе національной жизни, долженъ представить свой сюжетъ такъ, чтобы онъ былъ доступенъ пониманію массъ. Впрочемъ, для существованія народнаго мнѣнія совершенно безразлично, подчиняется-ли оно мнѣнію признанныхъ знатоковъ или нѣтъ.

V. Общественное мнѣніе, какъ противоположность сословному мнѣнію отдѣльныхъ общественныхъ классовъ.

Объ отрицательномъ отношеніи общественнаго мнѣнія прошлаго столѣтія къ господствовавшему въ тѣ времена сословнымъ привилегіямъ—мы уже упоминали. Общественное мнѣніе можетъ фактически существовать, не смотря на противодѣйствіе со стороны многочисленныхъ лицъ и даже со стороны цѣлыхъ общественныхъ классовъ. Необходимо признать что требованія равенства, выставленныя революціонной эпохой, и провозглашеніе естественныхъ правъ человѣка—соотвѣтствовали общественному мнѣнію французовъ. Отношеніе общественнаго мнѣнія къ мнѣнію отдѣльныхъ социальныхъ классовъ опредѣляется, во первыхъ, тѣмъ, чувствуется ли и сознается ли значеніе общественнаго мнѣнія

въ средѣ привилегированныхъ сословіи, какъ то было въ эпоху революціи, а во вторыхъ, тѣмъ, поддерживается ли общественное мнѣніе лицами, принадлежащими къ привилегированному сословію и рѣшающимися, такимъ образомъ, дѣйствовать въ разрѣзъ съ собственными матеріальными интересами. За исключеніемъ Жанъ Жакъ Руссо, вожаками общественнаго мнѣнія, объявившаго войну сословнымъ привилегіямъ, были преимущественно дворяне и представители высшаго духовенства. Но, вообще говоря, точное установленіе отношенія общественнаго мнѣнія къ мнѣніямъ общественныхъ классовъ и къ мнѣніямъ сословнымъ — представляетъ не мало трудностей. Дѣло въ томъ, что бывають случаи, когда отдѣльное сословіе (духовенство, дворянство, купечество), за отсутствіемъ въ обществѣ другихъ умственно и политически дѣятельныхъ круговъ, является единственнымъ выразителемъ народнаго мнѣнія. Съ другой стороны — случается, что общественное мнѣніе не можетъ сложиться въ виду вражды и обособленности между сословіями. При указанныхъ условіяхъ мнѣніе большинства въ средѣ одного какого либо сословія не можетъ, конечно, считаться выраженіемъ мнѣнія общественнаго. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что, съ точки зрѣнія авторитетности въ глазахъ отдѣльнаго индивида, сословное мнѣніе окажется всегда сильнѣе мнѣнія общественнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда эти два мнѣнія расходятся. Общественное мнѣніе въ Германіи, напримѣръ, относится къ дуэли враждебно; сословное мнѣніе предписываетъ ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ, несмотря на то, что поединокъ воспрещенъ закономъ. Отдѣльныя личности вынуждены въ большинствѣ случаевъ подчиняться мнѣнію сословному и рѣшаются на преступное дѣяніе, караемое закономъ и идущее въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ и даже иногда съ собственной ихъ совѣстью. Мѣстныя и про-

винціальныя возрѣнія, расходящіяся съ общественнымъ мнѣніемъ, могутъ оказывать на отдѣльныхъ лицъ аналогичное давленіе. Тоже явленіе замѣчается въ отношеніи разговорной рѣчи. Не смотря на признаваемое общественнымъ мнѣніемъ превосходство литературнаго языка, большинство населенія продолжаетъ говорить на своихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Такова, наконецъ, сила сектантскихъ вѣроученій, По словамъ Дж. Ст. Милля, члены небольшихъ религіозныхъ сектъ несравненно болѣе преданы догматамъ своего вѣроученія, чѣмъ приверженцы большихъ религіозныхъ обществъ. Это объясняется, по его мнѣнію, тѣмъ, что возрѣнія сектантовъ, подверженныя постояннымъ нападкамъроверженцевъ господствующихъ возрѣній, нуждаются въ постоянной и послѣдовательной защитѣ со стороны своихъ адептовъ, а потому прочнѣе запечатлѣваются въ сознаніи каждаго.

Не рѣдко, впрочемъ, случается, что люди, мнѣнія которыхъ по тому или другому вопросу солидарны съ принципами, выставляемыми общественнымъ мнѣніемъ, дѣйствуютъ тѣмъ не менѣе наперекоръ этимъ же самимъ принципамъ. Какъ часто, на примѣръ, можно видѣть, что люди, осуждающіе вмѣстѣ съ общественнымъ мнѣніемъ чрезмѣрную экстравагантность одежды въ угоду модѣ, не перестаютъ однако слѣдовать ей. Не имѣя достаточно нравственной силы, чтобы противиться безнравственному обычаю, всѣ втайнѣ надѣются на то, что общій, обстрактно поставленный приговоръ общественнаго мнѣнія, останется безъ примѣненія въ отношеніи ихъ самихъ.

Предметъ и содержаніе общественнаго мнѣнія.

Приноситъ-ли общественное мнѣніе больше пользы или вреда при разрѣшеніи государственныхъ задачъ и осуществленіи правительственныхъ цѣлей—представляется вопросомъ, подлежащимъ изслѣдованію въ каждомъ данномъ случаѣ. Общимъ образомъ, однако, можно съ увѣренностью сказать, что, общественное мнѣніе, не смотря на всѣ свои заблужденія, является признакомъ духовной силы народа, его нравственнаго развитія и высокаго общественнаго чувства до тѣхъ поръ, пока оно относится терпимо къ воззрѣніямъ ему противоположнымъ. Но оно становится опаснымъ и вреднымъ, когда стремится подавлять проявленія индивидуальных воззрѣній. Недостатокъ гражданскаго чувства, преобладаніе частныхъ интересовъ надъ общими, общественная анархія, въ которой каждый стремится къ достиженію собственныхъ цѣлей въ ущербъ благу общественному, и, наконецъ, деспотическое господство нѣкоторыхъ мнѣній — вотъ противоположности общественнаго мнѣнія.

Въ глазахъ деспотовъ и по воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ прежнія времена въ бюрократіи, всякій человѣкъ, интересовавшійся и занимавшійся общественными вопросами, казался подозрительнымъ. Наоборотъ, люди, сидѣвшіе спокойно по домамъ и безъ критики признававшіе и подчинявшіеся порядкамъ патріархальнаго строя, считались и по нынѣ слы-

вуть за «людей благонадежныхъ». Во Франціи въ дореволюціонную эпоху гражданъ, не имѣвшихъ политическихъ убѣжденій, называли *les honnêtes gens*.

По мнѣнію Мирабо эти «честные люди» представляютъ собой самый опасный элементъ въ государствѣ.

Ceux qu'on appelle philosophes, invoquent la liberté de la presse et souvent ils l'ont portée jusqu'à la licence, donc il faut se garder de leur doctrine. — Tel est l'argument favori de ceux, qu'on appelle les honnêtes gens, et dont en effet la morale privée, la probité de détail est très estimable, mais, qui faute de généraliser leurs idées, et de saisir l'ensemble du système social, sont vraiment de dangereux citoyens, et les plus funestes ennemis peut être de l'amélioration des choses humaines».

Такое состояніе общества, при которомъ *совершенно* отсутствуетъ общественное мнѣніе, было бы мыслимо лишь тогда, когда угасъ бы самый духъ народа.

Но и безграничное преобладаніе народнаго мнѣнія заключаетъ въ себѣ не мало опасностей, если отъ этого страдаетъ законная самостоятельность индивидуальной жизни. Какъ бы благотворно ни было вліяніе общественнаго мнѣнія, въ качествѣ противовѣса различнымъ общественнымъ и правительственнымъ злоупотребленіямъ, — оно не должно тѣмъ не менѣе требовать, чтобы ему приписывался неограниченный и абсолютный авторитетъ. Общественное мнѣніе не должно забывать, что и для него есть границы, что въ человѣческомъ обществѣ не существуетъ непогрѣшимаго авторитета и что ошибка дѣлается тѣмъ опаснѣе, чѣмъ большее число людей ее раздѣляетъ. Принципъ *большинства*, который находитъ себѣ относительное оправданіе въ сферѣ государственныхъ *дѣйствій*, не долженъ ни подъ какимъ видомъ быть распространенъ также на область

выработки *мнѣній*. Выраженіе индивидуальныхъ взглядовъ никогда не должно быть стѣсняемо общественнымъ мнѣніемъ. Гдѣ гнетущій терроризмъ возрѣній толпы на столько силенъ, что выдающіеся по способностямъ люди, не имѣя возможности свободно выражать свое мнѣніе, отказываются отъ участія въ дѣлахъ общественныхъ, — тамъ народной культурѣ грозитъ не меньшая опасность, чѣмъ отъ отсутствія въ обществѣ духа общественности. На эту опасность въ послѣднее время неоднократно указывали противники общественнаго мнѣнія. Особенно подробно этотъ вопросъ разработанъ въ сочиненіи Дж. Ст. Милля «О свободѣ». Эта опасность можетъ возникнуть при извѣстныхъ условіяхъ въ аристократическомъ обществѣ, хотя съ особенной силой она чувствуется въ современной демократіи.

Общественное мнѣніе на столько же не должно быть стѣсняемо, на сколько и оно само не должно оказывать давленія на индивидуальные убѣжденія.

Каждое мнѣніе, отъ кого бы оно ни исходило, должно быть доступно оцѣнкѣ и критикѣ. Необходимость основательной провѣрки даннаго мнѣнія не устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что это мнѣніе является выраженіемъ господствующихъ въ народѣ возрѣній. Нѣтъ никакого основанія предполагать *a priori*, что масса народа судитъ правильнѣе, чѣмъ небольшая кучка разсудительныхъ людей, если только это меньшинство не заинтересовано лично въ разрѣшеніи спорнаго вопроса въ извѣстномъ смыслѣ. Но совсѣмъ другое — вопросъ слѣдующій: *въ чемъ заключается политическое значеніе общественнаго мнѣнія, чѣмъ въ дѣйствительности обусловлено его могущество?* Особенность общественнаго мнѣнія и отличіе его отъ мнѣній отдѣльныхъ лицъ именно и заключается въ томъ, что оно является политиче-

ской силой даже тогда, когда оно заблуждается и противорѣчить индивидуальнымъ воззрѣніямъ мудрѣйшихъ и лучшихъ гражданъ. Этическое значеніе общественнаго мнѣнія далеко не соотвѣтствуетъ значенію его, какъ силы. Въ свою очередь значеніе общественнаго мнѣнія, какъ силы не равносильно фактическому его вліявію въ различныхъ странахъ, которое иногда можетъ быть чрезмѣрнымъ, а иногда не въ мѣру ничтожнымъ.

При изслѣдованіи политическаго значенія общественнаго мнѣнія необходимо прежде всего остановиться на вопросѣ о его предметѣ и содержаніи. Нѣкоторые предметы болѣе доступны пониманію народа, чѣмъ другіе, въ виду чего одни вопросы могутъ являться подходящими, а другіе неподходящими объектами для общественнаго мнѣнія. Въ странахъ, въ которыхъ господствуетъ право всеобщей подачи голосовъ, правительство исходитъ изъ того предположенія, что масса народа способна отнестись критически къ главнѣйшимъ вопросамъ общественной жизни. Всѣ вопросы, при разрѣшеніи которыхъ необходимы спеціальныя познанія или извѣстная степень научной подготовки и технической сноровки, не могутъ подлежать сужденію народныхъ массъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для разрѣшенія юридическаго спора требуются юридическія познанія и судейская опытность, замѣна ученыхъ судей присяжными изъ народа представляется безсмыслицей, какъ бы велико ни было количество такихъ народныхъ судей. Становясь на противоположную точку зрѣнія, пришлось бы допустить, что и въ медицинской практикѣ какое либо тайное патентованное средство, пользующееся большимъ распространеніемъ въ обществѣ, должно дѣйствовать лучше и вѣрнѣе лекарства, составленнаго и испытаннаго на сытѣ врачами и специалистами. Бываютъ, впрочемъ, случаи, когда та или другая

медицинская метода выходить изъ употребленія именно вслѣдствіе вражденнаго къ ней отношенія народнаго мнѣнія. Каждый спеціалистъ, дѣятельность котораго принимаетъ осязательную форму, долженъ приготовиться къ критикѣ несвѣдущей толпы. Обитатели дома могутъ на основаніи собственнаго опыта рѣшить не хуже и даже лучше самого архитектора, насколько ихъ жилище соотвѣтствуетъ ихъ потребностямъ, ожиданіямъ и претензіямъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они могли бы дать правильный отзывъ даже о планѣ строенія. Если въ обществѣ успѣло сложиться общее мнѣніе о дѣятельности и личныхъ способностяхъ спеціалиста, то такой общепринятый взглядъ превращается въ предвзятое мнѣніе, кототрое необходимымъ образомъ отражается въ благопріятномъ или же неблагопріятномъ направленіи на оцѣнкѣ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ дѣйствій и работъ спеціалиста.

Вліяніе указаннаго фактора замѣчается даже въ военномъ дѣлѣ. Старый *Блюхеръ*, не отличавшійся особенными познаніями, ни въ области военныхъ наукъ, ни въ области боевой техники, былъ тѣмъ не менѣе опаснѣйшимъ противникомъ Наполеона, единственно по той причинѣ, что онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ народа и арміи. Его личное обаяніе и авторитетъ въ глазахъ войска ни кѣмъ и ни чѣмъ не могли быть замѣнены. Мнѣніе войска о способности или неспособности военачальниковъ оказываетъ несомнѣнное вліяніе на состояніе духа арміи, такъ что сообразоваться съ нимъ является основнымъ правиломъ политической мудрости.

Простой солдатъ, вышедшій изъ народа и возвращающійся въ народъ, конечно, не въ состояніи критически отнестись къ планамъ своего полководца; но онъ можетъ почти всегда составить себѣ безошибочное сужденіе о способностяхъ и пригодности начальниковъ. Тамъ, гдѣ благодаря всеобщей

воинской повинности, войско набирается изъ народа, съ полнымъ правомъ можно сказать, что сужденія арміи о войнѣ, основанныя на личномъ наблюденіи и опытѣ каждаго солдата въ отдѣльности, являются однимъ изъ самыхъ значительныхъ проявленій общественнаго мнѣнія и что мнѣніе простого человека можетъ при указанныхъ условіяхъ имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ воззрѣніе ученаго историка, не слѣдившаго во-очію за перипетіями того или иного похода, а изучившаго его лишь теоретически. Мнѣніе народа о дѣйствіяхъ специалистовъ имѣетъ значеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда личное довѣріе является факторомъ политическаго успѣха.

Мнѣніе специалистовъ по вопросамъ техники военнаго дѣла—въ особенности послѣ побѣдоносныхъ войнъ—пользуется въ большинствѣ случаевъ уваженіемъ со стороны общественной критики. Иначе дѣло обстоитъ въ отношеніи вопросовъ внутренняго управленія. Технические успѣхи здѣсь проявляются далеко не съ такою очевидностью, какъ на войнѣ. Исторія всѣхъ государствъ знаетъ примѣры популярныхъ полководцевъ, но врядъ-ли встрѣтятся гдѣ-либо примѣры популярнаго министра финансовъ, такъ какъ любовь къ нему народныхъ массъ продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока министръ поддерживаеетъ надежды на уменьшеніе лежащихъ на народѣ податей. Относительно трудныхъ вопросовъ государственнаго управленія голосъ общественнаго мнѣнія обыкновенно безмолвствуетъ, а если и раздаеетъ иногда, то лишь въ видѣ жалобъ на тяжесть податей и неравномѣрное ихъ распределеніе. Въ этихъ жалобахъ выражается присущее каждому плательщику податей убѣжденіе, что онъ платитъ больше, чѣмъ необходимо.

Исключеніе составляетъ отношеніе общественнаго мнѣнія

къ полиціи, техническій аппаратъ которой, хотя и простъ, но широко захватываетъ область нравственныхъ интересовъ. Каждому ясно, что отъ того или иного отношенія общественнаго мнѣнія къ полиціи предупредительной и уголовной въ значительной степени зависитъ степень общественной безопасности.

На континентальной полиціи до сихъ поръ, еще тяготѣетъ наслѣдіе прошлыхъ вѣковъ. Ей не могутъ простить вѣка Людовика XIV, Бастиліи, lettres de cachet, преслѣдованій германскихъ демооговъ и комиссій германскаго союзнаго совѣта. Въ отношеніи политическихъ преслѣдованій общественное мнѣніе почти всегда на сторонѣ преслѣдуемыхъ. На сколько важенъ этотъ фактъ, показываетъ положеніе дѣла въ Сициліи въ новѣйшее время. Въ Англіи отношеніе общественнаго мнѣнія къ полиціи представляется существенно инымъ, благодаря тому, что преслѣдованіе преступниковъ является задачей органовъ мѣстнаго самоуправления и частныхъ обвинителей. Какъ на характерную особенность политической морали континента Европы, слѣдуетъ указать на то, что самое добросовѣстное и полезное для государства обвиненіе, исходящее отъ частнаго лица, до сихъ поръ клеймится позорнымъ прозвищемъ «доноса». Въ Англіи же, напротивъ, защита общественныхъ интересовъ считается самымъ почетнымъ гражданскимъ дѣломъ. Къ постояннымъ органамъ обвинительной власти, т. е. къ прокуратурѣ, публика въ странахъ французскаго права относится не съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ къ полиціи. Это доказываетъ, что при организаціи полиціи и учреждений, призванныхъ служить ея цѣлямъ, необходимо принимать въ соображеніе требованія политической морали. *Эти именно требованія и обуславливаютъ высокое значеніе общественнаго мнѣнія.*

Въ области народной нравственности общественному мнѣ-

нію должна, безъ сомнѣнія, принадлежать цензурующая власть, такъ какъ именно въ этомъ направленіи современная государственная жизнь представляетъ существенные пробѣлы. Уголовные законы лишь въ очень незначительной степени могутъ замѣнить общественную мораль. Церковь, бывшая въ средніе вѣка великою нравственной силой, въ настоящее время бессильна и не замѣнена ничѣмъ другимъ, что могло бы служить противовѣсомъ развитію индивидуализма и эгоистическихъ стремленій. Исчезли суды чести старо-германскаго общиннаго быта и средневѣковыхъ корпорацій, и значеніе религіи, какъ сдерживающей нравственной силы, подорвано.

Безсиліе народнаго мнѣнія на почвѣ общественной морали въ бѣльшей части континентальныхъ странъ бросается въ глаза. Отсутствіе гражданской и политической свободы, неогражденность основныхъ естественныхъ правъ пытались возмѣстить расширеніемъ свободы частныхъ лицъ въ сферѣ общественной безнравственности. Нерѣдко даже высоко образованные люди смѣшиваютъ уголовную безнаказанность предъ закономъ со всякой нравственной неотвѣтственностью предъ народнымъ мнѣніемъ. Лица, призванные къ руководительству общественнымъ мнѣніемъ въ области нравственныхъ вопросовъ, не только вполне основательно возставали противъ прежнихъ законовъ о ростовщичествѣ, какъ бесполезныхъ на практикѣ и экономически вредныхъ, но шли далѣе и утверждали (на этотъ разъ уже совершенно неосновательно), что ростовщичество есть не болѣе, какъ одно изъ проявленій хозяйственнаго превосходства и во всякомъ случаѣ представляетъ собою явленіе въ нравственномъ отношеніи совершенно безразличное. Общественное мнѣніе не успѣло во-время вооружиться противъ нечестныхъ финансовыхъ приемовъ, противъ фальсификаціи жизненныхъ средствъ, противъ недобросовѣстности, охватив-

шей въ настоящее время торговый и промышленный міръ. Объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть, такъ какъ своевременный судъ общественнаго мнѣнія, выработанный на почвѣ ассоціаціи и поддерживаемый дѣятельностью прессы и частной инициативой въ дѣлѣ возбужденія обвиненія, навѣрное достигъ-бы болѣе существенныхъ результатовъ, чѣмъ самое добросовѣстное примѣненіе уголовныхъ законовъ со стороны постоянныхъ правительственныхъ органовъ. Въ Германіи общественное мнѣніе стало чуждо основной своей задачѣ—быть судьей въ области общественной нравственности, и занято въ настоящее время главнымъ образомъ формальными вопросами конституціоннаго права.

Величайшіе культурно-историческіе результаты, достигнутые общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи въ теченіе послѣдняго столѣтія, относятся къ области политической морали: эмансипація евреевъ и католиковъ; отмѣна старыхъ, жестокихъ уголовныхъ законовъ; улучшеніе тюремъ, вызванное дѣятельностью и трудами такихъ лицъ, какъ: Говардъ, сэръ Самюэль Ромилли, Бруггамъ, Маконоки, Макинтошъ, Матью, Давенпортъ, Гилль; организованная частными союзами борьба противъ жестокаго обращенія съ животными, уничтоженіе системы подкуповъ въ дѣлѣ парламентскихъ выборовъ, разнообразныя улучшенія въ положеніи рабочихъ, искорененіе дуэлей, а, главнымъ образомъ, уничтоженіе торговли неграми—вотъ мирныя побѣды общественнаго мнѣнія, нашедшаго не мало великихъ людей, бывшихъ одновременно его руководителями и слугами. Не мало великихъ парламентскихъ бойцовъ обезсмертили себя не только благодаря рѣчамъ и голосованіямъ въ парламентѣ, но, главнымъ образомъ, благодаря неутомимой, внѣ-парламентской работѣ, посвященной служенію цѣлямъ гуманности и прогресса.

Случается, конечно, что нравственный судъ общественнаго мнѣнія осуществляется не надъ надлежащими объектами. Тогда онъ весьма часто впадаетъ въ пуританство и эгоизмъ. Такъ, врядъ-ли можно согласиться, что общественное мнѣніе остается въ должныхъ границахъ, когда въ Англіи, на примѣръ, оно лишаетъ народъ въ воскресные дни всѣхъ средствъ для обученія и развлеченія; или когда оно ополчается противъ необходимой для науки вивисекціи; или когда оно (какъ напр. въ нѣкоторыхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ), стремится къ *безусловному* воспрещенію употребленія спиртныхъ напитковъ. Но не смотря на ошибки и злоупотребленія, подобныя приведеннымъ, охраненіе добрыхъ нравовъ и общественной нравственности должно быть предоставлено суду общественнаго мнѣнія, который во всякомъ случаѣ болѣе соотвѣтствуетъ высшимъ идеальнымъ цѣлямъ національной жизни, чѣмъ контроль церковной проповѣди или органовъ обвинительной власти и полиціи.

Указанные два объекта общественнаго мнѣнія, т. е. область спеціальной технической дѣятельности и область общественной морали, являются для оцѣнки внутренняго значенія общественнаго мнѣнія двумя крайними полюсами, между которыми находятся нѣсколько переходныхъ ступеней.

Чѣмъ болѣе общимъ образомъ поставленъ вопросъ, выдвигаемый общественной жизнью, чѣмъ тѣснѣе онъ связанъ съ основными принципами морали, тѣмъ скорѣе общественное мнѣніе въ состояніи произнести объ этомъ вопросѣ сужденіе, могущее имѣть практическое значеніе. Наоборотъ, чѣмъ сложнѣе вопросъ, чѣмъ болѣе частныхъ приходится принимать въ соображеніе при его разрѣшеніи, тѣмъ рѣже общественное мнѣніе даетъ на поставленный вопросъ правильный и полный отвѣтъ. Поэтому именно общественное мнѣніе теряется въ

лабиринтъ дипломатическихъ переговоровъ и переписокъ, тогда какъ въ крупныхъ вопросахъ международного права (когда, напр., рѣчь идетъ о войнѣ и мирѣ, или когда приходится высказаться за нейтралитетъ, благосклонный или враждебный одной изъ воюющихъ сторонъ), оно въ большинствѣ случаевъ способно произнести сознательный и основанный на національныхъ интересахъ и международной справедливости приговоръ. Въ такихъ случаяхъ обнаруживается, что мнѣнія народовъ по поводу вопросовъ иностранной политики складываются, подобно воззрѣніямъ отдѣльныхъ личностей, не только подъ вліяніемъ идей справедливости, но въ значительной степени также подъ вліяніемъ соображеній государственной пользы. Этимъ и объясняется, почему приговоры общественнаго мнѣнія о государствахъ, отдаленныхъ въ географическомъ отношеніи, отличаются большей безпристрастностью, чѣмъ сужденія о сосѣднихъ государствахъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ общественное мнѣніе недостаточно освѣдомлено и не имѣетъ подъ собою почвы, благодаря тому, что законодательство и основные принципы бюрократизма предписываютъ облеченіе государственныхъ и общественныхъ дѣлъ служебною тайною. Если, тѣмъ не менѣе, при такомъ порядкѣ вещей какой либо фактъ, представляющій общественный интересъ, проникнетъ въ общество, благодаря нарушенію служебной тайны, то общественное мнѣніе не замедлитъ высказать о немъ свое сужденіе. Еще и въ настоящее время живетъ въ народѣ часто въ исторіи выступавшее недовѣріе къ политикѣ тайны и скрытности. Въ виду этого, задача современнаго государственнаго управленія — довести принципъ гласности до предѣловъ, которыми обусловлено благо страны. Неизмѣримыя выгоды, явившіяся результатомъ введенія гласнаго суда, очевидны для всѣхъ. Теперь даже трудно понять, почему принципъ гласности возбуждалъ въ прежнее время столь ожесточенныя нападки.

Охотнѣе всего общественное мнѣніе высказывается по вопросамъ уголовного правосудія. Хотя голосъ народа и общественный судъ, при возбужденіи преслѣдованія противъ опредѣленныхъ личностей, не допускались даже при старой инквизиціонной системѣ и строго должны быть устранены и въ настоящее время, однако опытъ показываетъ, что вниманіе общественнаго мнѣнія возбуждается при всякомъ случаѣ уголовного процесса. Необходимо, однако, замѣтить, что отношеніе общественнаго мнѣнія къ сторонамъ уголовного процесса представляется далеко не одинаковымъ. Иногда оно склоняется на сторону обвиняемаго и возстаетъ противъ дѣйствительнаго или воображаемаго пристрастія слѣдственной и обвинительной властей, иногда же оно высказывается въ неблагопріятномъ для обвиняемаго смыслѣ и сохраняетъ враждебное къ нему отношеніе даже послѣ суда и отбытія наказанія.

При примѣненіи уголовного закона судья, конечно, не обязанъ заботиться о томъ, отнесется ли общественное мнѣніе къ его приговору одобрительно или нѣтъ, но *въ тѣхъ случаяхъ, когда границы наказуемости представляются сомнительными*, онъ долженъ на ряду съ закономъ принимать въ соображеніе и господствующія въ странѣ народныя воззрѣнія. Въ дѣйствительности судьи въ нѣкоторыхъ странахъ находятся подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Это давленіе въ особенности сильно въ тѣхъ демократіяхъ, гдѣ юридическая спеціализація цѣнится не высоко, гдѣ принципа пожизненности судей не существуетъ и гдѣ судебный персоналъ составляется народными выборами. Это вліяніе общественнаго мнѣнія сказывается сильнѣе на присяжныхъ, чѣмъ на постоянныхъ коронныхъ судьяхъ. По этой причинѣ представляется нежелательнымъ, чтобы общественному мнѣнію была дана возможность заранѣе составить и высказать сужде-

ніе о виновности или невиновности обвиняемаго. Ст. 17 германскаго имперскаго закона о печати, составленная по французскимъ образцамъ, выражаетъ стремленіе къ огражденію присяжныхъ отъ постороннихъ вліяній и воспрещаетъ опубликованіе обвинительнаго акта и прочихъ документовъ по дѣлу ранѣе судебнаго слѣдствія, во время котораго эти документы должны получить гласность впервые.

Выраженіе сочувствія или несочувствія къ судебному рѣшенію со стороны публики, присутствующей въ судѣ, должно быть въ такой же мѣрѣ не допускаемо, какъ и въ законодательныхъ собраніяхъ. Это ограниченіе не относится къ предмету, надъ которымъ общество произноситъ свое сужденіе, а касается лишь неудобной формы выраженія подобнаго сужденія, которая въ періоды возбужденія умовъ можетъ при извѣстныхъ условіяхъ угрожать общественной безопасности.

За исключеніемъ означенныхъ ограниченій общественное мнѣніе свободно. Даже ученые судьи—юристы должны быть приготовлены къ строгой критикѣ своихъ приговоровъ со стороны общественнаго мнѣнія. Въ свободныхъ, политически развитыхъ государствахъ общественное мнѣніе, должно, однако, умѣть сохранять естественную границу и даже подвергая критикѣ законъ, никогда не выходить за предѣлы уваженія къ нему и обнаруживать принципіальное стремленіе къ подрыву авторитета судейскаго званія. Это не можетъ нисколько препятствовать самому строгому разбору отдѣльныхъ приговоровъ и рѣшеній. Общественный интересъ требуетъ возможно скорого раскрытія юридическихъ ошибокъ. Было бы несовмѣстимо съ достоинствомъ цивилизованнаго государства заставлять невинно осужденныхъ страдать изъ за близоруккой политики умолчанія. Требованія, предъявляемыя къ суду не должны идти далѣе того, чтобы судья въ своей дѣятельности

былъ независимымъ и рѣшалъ дѣла по совѣсти на основаніи тщательной провѣрки всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Отъ него нельзя ожидать непогрѣшимости. Обсужденіе въ печати ошибокъ, допущенныхъ судомъ, можетъ, поэтому, принести существенную пользу, въ особенности, если органамъ прессы представляется возможность доказать, что судъ не воспользовался какими либо важными способами для раскрытія истины или упустилъ ихъ изъ виду. Правдивое и точное воспроизведеніе отчетовъ судебныхъ засѣданій является однимъ изъ главнѣйшихъ условій гласности отправленія правосудія.

Повсемѣстное признаніе свободы совѣсти положило конецъ праву общественнаго мнѣнія выражать одобреніе или порицаніе религіозныхъ вѣрованій отдѣльныхъ личностей или признанныхъ религіозныхъ обществъ. Это не должно однако препятствовать общественному мнѣнію подвергать критикѣ такіе церковные вопросы, которые не имѣютъ отношенія къ догматамъ вѣры и правиламъ богослуженія, а соприкасаются съ общественными и политическими отношеніями. Даже въ средніе вѣка строгое порицаніе распущенности духовенства считалось дѣломъ дозволеннымъ. Общественное мнѣніе не только должно воздерживаться отъ критики религіозныхъ вѣрованій, но даже, наоборотъ, обязано способствовать огражденію догматовъ вѣроученій отъ легкомысленныхъ нападеній; поддержаніе достоинства религіозной жизни является одной изъ основныхъ задачъ общественнаго мнѣнія. Мы не говоримъ здѣсь о научномъ разборѣ религіозныхъ догматовъ, свобода которой должна оставаться незыблемой: между научной критикой и практикуемымъ газетами низшаго разряда забрасываньемъ грязью всякаго религіознаго ученія—лежитъ большое разстояніе. Если общественное мнѣніе въ Англіи успѣшно дѣйствуетъ въ томъ направленіи, чтобы обсужденіе религіозныхъ вопросовъ не про-

исходило на неподходящей почвѣ, то къ подобнымъ стремленіямъ слѣдуетъ отнестись съ полнымъ сочувствіемъ. Подобно тому, какъ не каждый разговоръ умѣстенъ въ присутствіи дѣтей, такъ точно и не каждый вопросъ можетъ быть обсуждаемъ предъ толпой. Законъ не въ силахъ, конечно, установить здѣсь какія бы то ни было ограниченія; это должно сдѣлаться задачей общественнаго мнѣнія.

Свойство предметовъ, на которые направлено общественное мнѣніе, остается безъ прямого вліянія на силу, съ которой оно проявляется въ отдѣльныхъ случаяхъ. Съ нѣкоторой натяжкой можно однако установить положеніе, что общественное мнѣніе проявляетъ меньшую силу по отношенію къ могущественнымъ сословіямъ, чѣмъ по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ и учрежденіямъ.

Въ остальномъ фактическая сила общественнаго мнѣнія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ находится въ зависимости отъ цѣлаго ряда обстоятельствъ, не стоящихъ въ прямой связи съ его этическимъ и интеллектуальнымъ содержаніемъ.

Прежде всего здѣсь необходимо еще разъ указать на мнѣніе Блюнчли, заключающееся въ томъ, что общественное мнѣніе можетъ проявляться въ отрицательномъ и положительномъ направленіяхъ. Въ первомъ направленіи — при противодѣйствіи извѣстнымъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, оно обнаруживаетъ значительно большую силу, чѣмъ во второмъ — при проведеніи собственныхъ требованій. Легко понять, что безъ его содѣйствія всѣ правительственныя начинанія, требующія активной поддержки народа, останутся безплодными. Границы принудительной власти государства опредѣляютъ въ такихъ случаяхъ сферу достижимаго. Напримѣръ, большія статистическія операціи, нуждающіяся въ содѣйствіи гражданъ, если и выполнимы въ средѣ населенія не довѣрчиваго, равнодушнаго или же лишеннаго чувства обще-

ственности (какъ напр. въ восточныхъ странахъ), то во всякомъ случаѣ не представляютъ гарантій достовѣрности.

Что вліяніе общественнаго мнѣнія сильнѣе въ отрицательномъ направленіи, чѣмъ въ положительномъ,—это объясняется тѣмъ, что гораздо легче большое число людей соединяется на отрицаніи какихъ-либо положеній, чѣмъ обратно. Не нужно большихъ усилій для того, чтобы, при умѣломъ пользованіи человѣческими страстями, возстановить неимущіе классы противъ привиллегій высшихъ сословій. По этой именно причинѣ переходъ отъ аристократіи къ демократическимъ принципамъ легче осуществимъ, чѣмъ переходъ отъ демократіи къ аристократіи. Трудно убѣдить людей и еще труднѣе привести ихъ къ сознанию, что государство можетъ сколько-нибудь выиграть отъ правильнаго раздѣленія и организаціи политическихъ функцій.

Возможность осуществленія при содѣйствіи общественнаго мнѣнія положительныхъ требованій обыкновенно доказываютъ ссылкой на извѣстный англійскій «*билль о реформѣ*». Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эта реформа была направлена противъ привиллегій «гнилыхъ мѣстечекъ», что, кромѣ того, возбужденіе умовъ приняло къ тому времени угрожающій характеръ и могло-бы разразиться народнымъ возстаніемъ и что, наконецъ, для усмиренія мятежа и смуты англійское правительство не имѣло въ своемъ распоряженіи физической силы, которою обыкновенно располагаютъ въ достаточной мѣрѣ континентальныя государства. Если бы не было этого естественнаго, угрожающаго настроенія въ народѣ, то едва-ли общественному мнѣнію удалось-бы одержать верхъ надъ противодѣйствіемъ верхней палаты.

Другая причина, почему общественное мнѣніе проявляется съ бѣльшей силой въ отрицательномъ направленіи, чѣмъ въ положительномъ, заключается въ томъ, что въ первомъ

случаѣ продолжительность воздѣйствія общественнаго мнѣнія обезпечена въ бѣльшей степени, чѣмъ во второмъ. Извѣстно, что идеи отрицательнаго свойства легче проникають въ сознание, чѣмъ утвержденія положительнаго характера, и не нуждаются для своего поддержанія въ какихъ-либо новыхъ усиліяхъ воли и ума. Во всѣ времена существовала политическая аксіома, что нѣтъ лучшаго средства избавиться отъ неумѣстныхъ или несправедливыхъ требованій общественнаго мнѣнія, какъ выдвинуть на первый планъ общественной жизни новые интересы и направить такимъ образомъ всеобщее вниманіе на другіе предметы. Сдѣлавъ тогда нѣкоторыя, хотя бы только кажущіяся уступки общественному мнѣнію, государственнымъ дѣятелямъ, пользующимся вліяніемъ, будетъ уже легко переманить на свою сторону часть прежнихъ противниковъ.

Опытъ показываетъ, что общественное мнѣніе въ дѣлахъ политическихъ подвергается въ настоящее время чаще *измѣненіямъ*, чѣмъ прежде. Съ расширеніемъ круга предметовъ, привлекающихъ наше вниманіе, съ развитіемъ раздѣленія труда въ сферѣ умственной дѣятельности, съ увеличеніемъ быстроты, съ которою смѣняются господствующія надъ нами впечатлѣнія внѣшняго міра, общественное мнѣніе утратило отчасти тѣ свойства, которыя его характеризовали въ прежнее время, а именно — интенсивность и постоянство. Неудивительно поэтому, что воздѣйствіе общественнаго мнѣнія въ настоящее время представляетъ меньше гарантій успѣха, чѣмъ прежде, въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ него требуется настойчивость и неуклонность въ преслѣдованіи намѣченной цѣли. Можетъ быть общественное мнѣніе созрѣваетъ теперь быстрѣе, но оно быстрѣе и увядаетъ. Нерѣдко оно безусловно пропадаетъ въ очень короткій промежутокъ времени. Уже эти явленія неодинаковой степени постоянства и устойчивости въ

формахъ выраженія общественнаго мнѣнія вынуждаютъ насъ остановиться на изслѣдованіи вопроса о его происхожденіи и процессѣ образованія. Не подлежитъ сомнѣнію, что способъ возникновенія общественнаго мнѣнія въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ его внутреннее достоинство и степень его вліянія въ сферѣ общественной жизни.

VI.

Процессъ возникновенія общественнаго мнѣнія.

Во второй и третьей главахъ настоящаго изслѣдованія мы уже коснулись вопроса объ историческомъ ходѣ развитія общественнаго мнѣнія. Изъ сдѣланныхъ указаній вытекаетъ, что, на ряду съ условіями общаго характера, возникновеніе общественнаго мнѣнія опредѣляется условіями историческими, мѣстными и, наконецъ, національными.

Нѣтъ необходимости повторять, что существованіе коллективнаго мнѣнія возможно лишь на почвѣ болѣе или менѣе развитой общественной жизни. Лишь въ предѣлахъ общественной группы, — этой соціальной основы человѣческой жизни, возможно необходимое взаимодействіе и борьба частнаго и общаго права, частныхъ и общихъ интересовъ, а, слѣдовательно, и частныхъ и общихъ мнѣній.

Въ первыхъ стадіяхъ развитія общественной жизни общія представленія всегда и вездѣ доминируютъ надъ мнѣніями и взглядами отдѣльныхъ личностей. Индивидуальная сфера лишь постепенно выдѣляется изъ первоначальныхъ коллективныхъ общественныхъ формъ семьи, рода, племени, общины и, наконецъ, государства. И появленіе такъ называемой «духовной собственности», какъ высшаго проявленія личности, является послѣднимъ моментомъ въ процессѣ развитія права частной собственности, которая возникла первоначально лишь въ отношеніи движимостей, впослѣдствіи распространилась на землю

и наконецъ только въ послѣдней стадіи своего развитія обняла и духовныя блага. Итакъ, коллективныя мнѣнія играли въ старыхъ формахъ общественной жизни преобладающую роль. Разница въ содержаніи индивидуальных мнѣній была, стало быть, весьма незначительна.

Возрастаніе индивидуализаціи мнѣній идетъ параллельно съ развитіемъ человѣческой культуры. Оно находится въ зависимости отъ многочисленныхъ факторовъ, между которыми первенствующее мѣсто занимаютъ: степень духовной одаренности народа, складъ общественной жизни, формы государственнаго строя, состояніе средствъ сообщеній, а также развитіе социальныхъ отношеній.

Изображеніе и анализъ процесса образованія коллективныхъ мнѣній въ античномъ мірѣ представляется сравнительно не труднымъ, въ виду несложнаго устройства и незначительной величины античныхъ общинъ. Рядомъ переходовъ коллективныхъ мнѣній по традиціи отъ одного поколѣнія къ другому, возникновеніе и распространеніе общественныхъ воззрѣній находилось здѣсь въ зависимости отъ *личнаго*, непосредственнаго обмѣна мнѣній между членами свободныхъ общинъ. Сложившееся такимъ путемъ коллективное мнѣніе не подавляло мнѣній индивидуальныхъ. Каждый гражданинъ, на основаніи собственнаго опыта и наблюденія, носилъ въ себѣ масштабъ для оцѣнки относительнаго значенія мнѣнія общественнаго и его личнаго воззрѣнія.

Гораздо запутаннѣе и труднѣе для изображенія представляется процессъ развитія коллективныхъ мнѣній въ современномъ мірѣ. Всѣ сходятся въ томъ, что общественное мнѣніе ставитъ для психологіи проблему, разрѣшеніе которой достижимо лишь при самомъ тщательномъ наблюденіи.

Биндерманъ справедливо полагаетъ, что наблюденіе и

выясненіе хода развитія общественнаго мнѣнія у одного или многихъ народовъ представляетъ одну изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыхъ трудныхъ задачъ исторіи культуры.

Неудивительно, что эта проблема наиболѣе часто останавливала на себѣ вниманіе ученыхъ тѣхъ странъ, гдѣ общественное мнѣніе оказываетъ непосредственное вліяніе на складъ и теченіе общественной жизни. Въ этомъ отношеніи первенствующее мѣсто принадлежитъ Англій. Маколей, Бокль, Лекки и Гринъ всегда относились съ подобающимъ вниманіемъ къ проявленіямъ общественнаго мнѣнія и неоднократно указывали въ своихъ сочиненіяхъ на важную роль, которую въ Англій въ дѣлѣ образованія общественнаго мнѣнія играли театры, кофейни, клубы, газеты и публичные дебаты по социальнымъ вопросамъ.

Исторія новѣйшаго англійскаго конституціоннаго права немислима, если оставить безъ вниманія движеніе и перемѣны въ факторахъ общественнаго мнѣнія. Самобытная неподражаемость англійскаго парламентаризма, сохранившая все свое значеніе и для настоящаго времени, коренится между прочимъ въ томъ, что въ Англій общественное мнѣніе нѣкогда складывалось подъ вліяніемъ такихъ элементовъ, которые нынѣ не могутъ уже быть воспроизведены гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Такими элементами являлись: историческая традиція національнаго единства, вылившаяся въ устойчивыхъ конституціонныхъ формахъ, существованіе руководящаго класса въ политическомъ, общественномъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ, на ряду съ преобладаніемъ принципа гражданскаго равенства предъ закономъ и, наконецъ, ограниченіе могущества централизма условіями корпоративной жизни и мѣстнаго самоуправленія (self-government).

Особенности образованія общественнаго мнѣнія въ новѣй-

шее время, сравнительно съ процессомъ его образованія въ прошломъ, обуславливаются территоріальнымъ расширеніемъ современныхъ государствъ. Мнѣніе народа, живущаго въ границахъ обширнаго государства, не можетъ, конечно, слагаться, подобно коллективному мнѣнію въ предѣлахъ общины, провинціи или отдѣльныхъ сословіи *путемъ непосредственнаго обмена мнѣній*. Въ античныхъ и даже въ средневѣковыхъ государствахъ вожаки общественнаго мнѣнія были всегда на виду и, если въ коллективныхъ воззрѣніяхъ происходили какія либо перемѣны, то всегда можно было указать на опредѣленныя личности, способствовавшія подобнымъ перемѣнамъ въ общественномъ настроеніи. При современныхъ условіяхъ государственной жизни развѣ только ученый изслѣдователь будетъ въ состояніи установить степень вліянія единичныхъ личностей на образованіе тѣхъ или другихъ мнѣній; для массы-же народа представляется совершенно невозможнымъ назвать имя, подпись которыя могли бы служить порукою истинности общественнаго мнѣнія.

Общественное мнѣніе является поэтому въ двойномъ смыслѣ *безличнымъ*. Никто не сознаетъ своего участія въ дѣлѣ образованія общественнаго мнѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, никто не знаетъ дѣйствительныхъ создателей общественнаго мнѣнія и даже тѣхъ лицъ, которыя способствуютъ его распространенію. Но и въ этомъ отношеніи между континентальными странами и Англіей существуетъ нѣкоторая разница, выражающаяся въ томъ, что въ Англіи общественное мнѣніе создается главнымъ образомъ однимъ руководящимъ классомъ, именно *gentry*, и сохраняетъ поэтому нѣкоторый, хотя слабый отпечатокъ индивидуальности.

Вторымъ важнымъ моментомъ въ процессѣ образованія общественнаго мнѣнія является принадлежащее новѣйшему

времени необыкновенное развитіе техническихъ средствъ сообщенія. Потребовалось бы особое обширное изслѣдованіе, чтобы изобразить вліяніе, которое желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы и почты оказали не только на процессъ распространенія мнѣній, но и на выработку коллективныхъ представлений. Нынѣ, благодаря удобству и дешевизнѣ путешествій, устанавливаются между людьми сношенія, которыя полвѣка тому назадъ были-бы немислимы. Возможность передвиженія обеспечена даже для бѣднѣйшихъ общественныхъ классовъ, которые, при менѣ совершенныхъ средствахъ сообщенія, были бы обречены на фактическое прикрѣпленіе къ землѣ, не смотря на отмѣну крѣпостнаго права. Вліяніе отдѣльныхъ общественныхъ кружковъ, находящееся въ значительной степени въ зависимости отъ условій совмѣстной жизни и сосѣдства, приходитъ въ упадокъ не только въ городахъ, но и въ деревенскихъ общинахъ. Паломничества, народныя празднества и выставки приводятъ въ соприкосновеніе большія массы стекающихся изъ разныхъ мѣстъ людей, среди которыхъ исчезаютъ мало по малу особенности во внѣшнихъ формахъ и въ образѣ жизни, подобно тому, какъ исчезаютъ постепенно отличія въ народныхъ нравахъ и экономическихъ потребностяхъ. Процессъ уравниенія и сглаживанья всѣхъ соціальныхъ неровностей и характерныхъ отличій отражается какъ на внѣшней одеждѣ людей, такъ и на духовномъ ихъ складѣ, теряющемъ съ теченіемъ времени оригинальный, индивидуальный отпечатокъ.

Средства и пути для распространенія мнѣній развились до небывалой степени. вмѣстѣ съ тѣмъ существенно измѣнились и экономическія основы жизни среднихъ классовъ, — благодаря тому, что всякая область труда управляется нынѣ конкуренціей всемірнаго рынка, что торговля и ремесла утратили свою устойчивость, въ виду необыкновеннаго развитія техническихъ усовершенствованій,

и что, наконецъ, подготовка къ какой-бы то ни было практической и промышленной дѣятельности требуетъ нынѣ несравненно большей траты времени, чѣмъ прежде. Вотъ почему на долю событій общественной жизни, являющихся главнѣйшими объектами общественнаго мнѣнія, удѣляется такъ мало вниманія. Процессъ образованія общественнаго мнѣнія остается, поэтому, весьма часто недоконченнымъ.

Одновременное наступленіе на всемірномъ театрѣ многихъ важныхъ событій препятствуетъ спокойному ходу образованія общественнаго мнѣнія, которое часто сбивается съ толку обиліемъ противорѣчивыхъ слуховъ и недостовѣрностью стекающихся со всѣхъ сторонъ извѣстій. По этой именно причинѣ установленіе прочныхъ, опредѣленныхъ и устойчивыхъ коллективныхъ мнѣній въ прежнее время совершалось съ бѣльшей легкостью, чѣмъ въ настоящее время, не смотря на развитіе средствъ сообщенія.

Въ прежнее время общественное мнѣніе было продуктомъ извѣстныхъ государственныхъ традицій, народныхъ привычекъ и народныхъ нравовъ, авторитета старины и отчасти—новыхъ потребностей. Въ нашу эпоху потребность новизны фактовъ и разнообразія впечатлѣній пріобрѣла настолько рѣшительное значеніе, что общественное мнѣніе континентальныхъ странъ совершенно, можно сказать, потеряло связь съ историческими традиціями и не нуждается болѣе въ тѣхъ полезныхъ подготовительныхъ работахъ, которыя нѣкогда совершались въ мастерскихъ мысли великихъ людей, которые вѣрили въ принципы и жертвовали для нихъ всѣмъ. То, что сто лѣтъ тому назадъ, по *убѣжденію* современниковъ, составляло принципъ, налагавшій опредѣленные обязательства на каждого члена общества, превратилось съ теченіемъ времени въ *ходячую фразу*, дающую лѣнливой и умственно отяжелѣвшей

толпѣ предлогъ и возможность считать себя свободной отъ самостоятельной умственной работы. Авторитетъ политической фразы, бывшій всегда довольно значительнымъ, возросъ въ настоящее время до небывалыхъ размѣровъ въ глазахъ посредственностей и индифферентныхъ людей, составляющихъ немалую часть современнаго общества.

Если поэтому нынѣ многіе присоединяются къ опредѣленному мнѣнію, которое имъ представляется непреложнымъ выводомъ изъ какого-либо всѣми признаннаго общаго мѣста, то это объясняется большею частью или умственной лѣнью или переутомленіемъ, вызываемымъ лихорадочнымъ напряженіемъ силъ въ борьбѣ за существованіе.

Главными вопросами при изслѣдованіи возникновенія общественнаго мнѣнія останутся всегда слѣдующіе: какія отношенія существуютъ между старыми традиціями національной жизни, содержаніемъ вновь возникшихъ мнѣній и характеромъ личностей, являющихся руководителями въ сферѣ общественной жизни? Предшествовало-ли образованію общественнаго мнѣнія публичное обсужденіе противоположныхъ воззрѣній? Какія личности въ немъ принимали участіе? Какую долю въ выразившемся общественномъ приговорѣ слѣдуетъ признать результатомъ народныхъ предразсудковъ и какую — продуктомъ добросовѣстной провѣрки фактовъ, на коихъ онъ основанъ?

Мы уже указывали на то, что мнѣніе толпы въ рѣдкихъ случаяхъ основано на тщательной оцѣнкѣ фактовъ. Мнѣнія, которыя при различныхъ важныхъ обстоятельствахъ общественной жизни становятся господствующими, складываются подъ вліяніемъ цѣлаго ряда совместно дѣйствующихъ активныхъ и пассивныхъ факторовъ. Между факторами пассивными главную роль играетъ *потребность подражанія*, проявляющая свое вліяніе не только въ сферѣ моды, формъ обще-

ственныхъ сношеній и прочихъ внѣшнихъ сторонъ жизни, но и въ области мнѣній. Большинство людей необразованныхъ или мало-образованныхъ усваиваютъ обыкновенно тѣ воззрѣнія на ходъ общественныхъ дѣлъ, которыя имъ приходится чаще всего слышать въ окружающей ихъ средѣ. Они полагаютъ тогда, что если эти воззрѣнія не находятъ возраженій въ ихъ тѣсномъ кругу, то это происходитъ въ силу непреложной истинности этихъ воззрѣній. *Нерѣдко случается, что мнѣніе, которое по какимъ-либо причинамъ принимается за общее воззрѣніе народа, приобретаетъ характеръ мнѣнія общественнаго*, къ которому каждый присоединяется тѣмъ охотнѣе, чѣмъ болѣе онъ сознаетъ невозможность выработки самостоятельнаго взгляда по тѣмъ или другимъ вопросамъ общественной жизни. Чѣмъ пассивнѣе относится къ этимъ вопросамъ отдѣльная личность, тѣмъ охотнѣе она принимаетъ тѣ мнѣнія, которыя въ ея кругу признаются господствующими, — потому что тѣмъ рѣже ее постигнетъ упрекъ въ непостоянствѣ, боязнь котораго удерживаетъ многихъ отъ признанія выражаемыхъ ими взглядовъ за свои собственные: упрекъ въ неправильности не можетъ быть уже обращенъ къ отдѣльной личности, если то или другое воззрѣніе высказано не какъ личное мнѣніе, а какъ мнѣніе общественное.

Образованіе общественнаго мнѣнія обуславливалось во всѣ времена не столько публичнымъ обмѣномъ мнѣній, сколько вліяніемъ нѣкоторыхъ *фактовъ*, глубоко проникавшихъ въ народную жизнь. Весьма часто общественное мнѣніе есть только эхо пушечныхъ выстрѣловъ, одержавшихъ побѣду на полѣ сраженія. Въ общественномъ мнѣніи въ Пруссіи произошелъ замѣтный поворотъ съ 1866 года послѣ побѣды въ Богеміи. Въ 1870 году это измѣненіе въ направленіи общественнаго мнѣнія завершилось окончательно

и охватило всю Германію. Точно также и во Франціи въ 1870 году неблагопріятная для Наполеона перемѣна въ общественномъ мнѣніи наступила чрезвычайно быстро, если только признать что майскій плебисцитъ того-же года явился вѣрнымъ выразителемъ народнаго настроенія.

Событія французской исторіи съ конца прошлаго столѣтія доказываютъ, что въ современныхъ государствахъ политическое и общественное значеніе *столицъ* оказываетъ въ значительной степени вліяніе и на выработку мнѣній. Часто говорили, что мнѣніе Франціи почти тождественно съ мнѣніемъ Парижа. Этотъ взглядъ не лишень справедливости. Правительство, которое, подобно правительству Наполеона III, имѣеть Парижъ противъ себя, могло-бы существовать лишь благодаря физической силѣ. Чѣмъ глубже утвердилась политическая и административная централизація въ государствѣ, чѣмъ сильнѣе проявляется вліяніе большихъ центровъ, въ родѣ Парижа, въ сферахъ наукъ, искусствъ, вкусовъ, моды, промышленности и торговли, — тѣмъ значительнѣе окажется зависимость провинцій отъ столицы и ихъ склонность подчиняться господствующимъ въ послѣдней воззрѣніямъ. Процессъ образованія *господствующихъ мнѣній* въ области политики сходенъ съ процессомъ образованія однородныхъ представленийъ въ сферѣ вкуса и моды.

Во *Франціи* популярность государственныхъ дѣятелей создается и исчезаетъ быстро, какъ мода; можетъ быть даже быстрѣе. Та неизмѣримая любовь народа, которая выпала на долю *Ламартина*, ставшаго въ 1848 году, послѣ изгнанія Орлеанскаго дома, во главѣ временнаго правительства, была также не понятна для не-француза, какъ и быстрота, съ которою этотъ избранникъ всего народа сдѣлался потомъ посмѣшищемъ толпы.

Аналогичное явленіе мы замѣчаемъ въ Англии, гдѣ *Лондонъ* является центромъ всей общественной жизни и представителемъ мнѣнія страны. Указанное вліяніе столицъ слабѣе сказывается въ Германіи, Италіи и Австріи.

Не слѣдуетъ думать, что общественное мнѣніе есть ничто иное, какъ результатъ подражанія тѣмъ или другимъ примѣрамъ въ народной жизни. Какъ бы сильна ни была склонность къ подраженію, всетаки встрѣчаются случаи когда общественное мнѣніе возникаетъ произвольно, какъ *непосредственное* проявленіе народнаго духа. Это большею частью происходитъ подъ вліяніемъ событій, почему-либо оскорбляющихъ нравственное чувство народа. *Народное чувство* проявляется съ большой самостоятельностью и однородностью, чѣмъ всеобщее мнѣніе. Можно даже пожалуй сказать, что въ настоящее время продолжительная устойчивость народнаго мнѣнія встрѣчается лишь тогда, если это послѣднее базируется на народномъ чувствѣ. Этимъ и объясняется твердость и рѣшимость, съ которыми общественное мнѣніе Сѣверной Америки ополчилось противъ торговли неграми, послѣ того какъ принципы общественной морали, первоначально находившіе поборниковъ лишь въ штатахъ Новой Англии, постепенно распространились по всей территоріи Союза. Можно утверждать съ полнымъ правомъ, что, хотя невольничество было терпимо законодательствомъ и хотя оно находило отпоры до времени только случайную защиту со стороны отдѣльных личностей, оно тѣмъ не менѣе уже было осуждено общественнымъ мнѣніемъ какъ Сѣверо-Американскаго союза, такъ и цѣлаго образованнаго міра, гораздо раньше, чѣмъ когда воспослѣдовала его отмѣна.

Активные факторы, способствующіе образованію общаго народнаго мнѣнія, служатъ въ то же самое время, благодаря

особенностямъ своимъ, также и средствомъ выраженія господствующихъ въ обществѣ воззрѣній. Это относится, на примѣръ, къ *массовымъ петиціямъ*, которыя имѣли такое важное значеніе въ исторіи развитія парламентаризма въ Англіи. Съ одной стороны, собраніе подписей для петиціи, если оно производится энергичными людьми, пользующимися авторитетомъ въ своемъ округѣ, не остается безъ вліянія на *образованіе* политическихъ убѣжденій въ населеніи, склонномъ измѣрять политическія силы въ числахъ, *количественно*. Съ другой стороны, петиціи нужно разсматривать, какъ выраженіе и проявленіе тѣхъ или другихъ общепринятыхъ взглядовъ. Въ послѣднее время, правда, пало значеніе подобныхъ демонстрацій; всякая, сколько-нибудь серьезная по своимъ цѣлямъ петиція, обыкновенно вызываетъ оппозиціонное движеніе.

Въ общихъ чертахъ то же самое можно сказать и о *народныхъ собраніяхъ*, вліяніе которыхъ носитъ тотъ же двойственный характеръ. Создать господствующее мнѣніе народныхъ собранія могутъ однако только въ томъ случаѣ, если на нихъ въ равной мѣрѣ и одинаково добросовѣстно дается доступъ *всѣмъ* существующимъ мнѣніямъ, и если сомнительныя мнѣнія и спорныя положенія защищаются ораторами приблизительно равныхъ силъ и способностей. Если же собраніе состоитъ изъ членовъ одной какой либо партіи и если дебаты ведутся въ пристрастномъ, партійномъ духѣ, то даже единогласныя постановленія подобныхъ политическихъ собраній не могутъ служить доказательствомъ того или другого положенія общественнаго мнѣнія. Въ дѣйствительности, цѣль подобныхъ собраній состоитъ обыкновенно только въ томъ, чтобы отъ времени до времени произвести обзоръ силамъ партіи, усилить въ членахъ ея чувство долга и партійной преданности и укрѣпить колеблющихся.

Нельзя однако не признать, что энергичное пользованіе

правомъ сходовъ и присутствіе на собраніяхъ многочисленныхъ членовъ должно производить на многихъ нерѣшительныхъ зрителей впечатлѣніе дѣйствительнаго существованія сильнаго, общепринятаго мнѣнія, что въ свою очередь вліяетъ на возбужденіе чувства подражательности. Такимъ образомъ народныя собранія ведутъ къ распространенію данныхъ взглядовъ.

Но самое важное мѣсто между факторами, въ одно и то же время создающими народное мнѣніе и служащими его выразителями, безъ сомнѣнія занимаетъ *печать*.

VII.

Общественное мнѣніе и печать.

Право печати, какъ показываетъ исторія его развитія, основано, съ одной стороны, на принципѣ, что каждый человѣкъ имѣетъ право свободно и безпрепятственно высказывать свои убѣжденія, а съ другой стороны, на томъ, что при помощи печати возможно самое широкое распространеніе мнѣній отдельной личности, если эти мнѣнія являются выраженіемъ мнѣнія общественнаго.

Вполнѣ основательно свободѣ печати приписываютъ большее значеніе, чѣмъ праву собраній. Требованіе, чтобы правительственная цензура не касалась печатнаго выраженія мнѣній, принадлежитъ эпохѣ, когда, вслѣдствіе сравнительно малаго развитія періодической печати, посредниками въ распространеніи мнѣній служили почти исключительно *брошюры* и *книги*.

Фактически указанная условія привели къ слѣдующимъ результатамъ: въ Англии, во время возникновенія свободы печати, кругъ читателей былъ, въ сравненіи съ настоящимъ временемъ, незначителенъ. Онъ былъ ограниченъ вслѣдствіе несовершенной организаціи тогдашней книжной торговли. Равнымъ образомъ и число писателей было незначительно, въ сравненіи съ продуктивными литературными силами настоящаго времени. Сбытъ литературныхъ произведеній былъ настолько не обезпеченъ, что расходы по изданію ложились

въ большинствѣ случаевъ на авторовъ. При всемъ томъ талантъ и извѣстное литературное имя нерѣдко позволяли авторамъ надѣяться, что ихъ сочиненія не останутся безъ вліянія на ходъ общественнаго мнѣнія.

Необыкновенное развитіе, достигнутое въ новѣйшее время періодической печатью, существенно измѣнило указанное положеніе дѣль: чтеніе повременныхъ изданій политическаго характера, въ особенности—газетъ, сдѣлалось потребностью всякаго мало мальски образованнаго человѣка. Невѣроятно велико теперь число лицъ, не читающихъ ничего, кромѣ газетъ, по крайней мѣрѣ, по политическимъ вопросамъ. Значеніе политическихъ брошюръ и солидныхъ изслѣдованій значительно ослаблено, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Даже на тѣхъ, которые или вовсе не умѣютъ, или не хотятъ читать, газеты оказываютъ немаловажное вліяніе, такъ какъ выражаемые газетами взгляды, которые распространяются обыкновенно путемъ устной передачи, весьма часто опредѣляютъ политическія убѣжденія такихъ людей. Одна изъ характерныхъ особенностей невѣжественныхъ людей въ томъ и состоитъ, что всякое воззрѣніе, выраженное печатно, пользуется въ ихъ глазахъ особеннымъ авторитетомъ, не въ силу своего внутренняго достоинства, а главнымъ образомъ въ силу самаго факта появленія въ печати; напечатанное представляется имъ болѣе достовернымъ, чѣмъ сказанное. Поэтому «лгать по печатному» вошло въ поговорку и означаетъ лгать такъ, чтобы всѣ вѣрили.

Число пишущихъ возрасло въ новѣйшее время приблизительно въ одинаковой прогрессіи съ числомъ читающихъ. Писатели новѣйшаго времени отличаются отъ своихъ предшественниковъ тѣмъ, что не несутъ денежнаго риска по сбыту своихъ литературныхъ произведеній. Издержки печат-

танія уже не могутъ служить препятствіемъ къ публичному выраженію политическихъ воззрѣній. Напротивъ, въ видѣ общаго правила можно сказать, что нынѣ постоянное сотрудничество въ значительныхъ и распространенныхъ періодическихъ изданіяхъ хорошо вознаграждается и является источникомъ заработка и средствомъ существованія для большинства писателей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ журналисты, за исключеніемъ редактора, не несутъ никакой литературной отвѣтственности передъ читающей публикой. Не подписывая своего имени и отказываясь такимъ образомъ отъ извѣстности, они за то избавляются отъ отвѣтственности за искаженіе фактовъ, за оскорбительныя личныя нападки, за оскорбленіе нравственныхъ чувствъ и за безцеремонное обращеніе съ правилами грамматики и орфографіи. Анонимность выгодна для журналистовъ. Она избавляетъ ихъ отъ уголовной отвѣтственности передъ правительствомъ и отъ нравственной передъ публикой. Основными требованіями журнальной работы являются: быстрота въ сообщеніи новостей дня, освѣщеніе политическихъ событій съ точки зрѣнія партійныхъ взглядовъ читателей, стремленіе удовлетворить потребностямъ развлеченія, сообразно со вкусами предполагаемаго круга читателей, умолчаніе или затемнѣніе непріятныхъ фактовъ, умаленіе значенія политическихъ противниковъ и восхваленіе политическихъ единомышленниковъ—въ обоихъ случаяхъ конечно пристрастно и вопреки справедливости—и, наконецъ, стараніе поддержать тенденціи газеты, не смотря на явное ихъ противорѣчіе съ фактами дѣйствительной жизни. Въ отношеніи писателей, не состоящихъ постоянными журнальными сотрудниками, мѣсто прежней правительственной цензуры, заняла теперь сама редакція, которая отказывается въ приѣмъ статей, не соотвѣтствующихъ направленію газеты. Понятно, что при указанныхъ условіяхъ для лицъ, стоящихъ внѣ какихъ либо

партийныхъ фракцій, загражденъ или во всякомъ случаѣ значительно затрудненъ путь къ воздѣйствию на общественное мнѣніе. Впрочемъ имѣется другой путь — помѣщеніе оплаченныхъ статей въ отдѣлѣ объявленій.

Вся пресса, служащая политическимъ цѣлямъ, состоитъ изъ двухъ категорій. Къ первой категоріи принадлежатъ газеты, направленіе которыхъ опредѣляется интересами доходности, что само по себѣ не представляется безусловно заслуживающимъ осужденія, въ виду большихъ денежныхъ затратъ, вызываемыхъ современнымъ состояніемъ газетнаго дѣла. Вторую категорію составляютъ листки, которые издаются исключительно для цѣлей политической агитаціи партій, независимо отъ какихъ либо матеріальныхъ расчетовъ. Нерѣдко случается, что газеты служатъ одновременно обоимъ указаннымъ цѣлямъ. Помѣщая статьи, имѣющія общій интересъ, такія газеты, не смотря на явно партийное направленіе, пріобрѣтаютъ многочисленныхъ подписчиковъ и среди лицъ, принципиально несочувствующихъ ихъ тенденціямъ.

Во всякомъ случаѣ — фактъ тотъ, что *большинство читающей публики подписывается на одну только газету*. Тамъ, гдѣ возможенъ выборъ между нѣсколькими газетами, издающимися въ одномъ мѣстѣ, преимущество отдается той, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ политическому направленію читателя. Независимо отъ этого, выборъ газеты опредѣляется ея дешивизною, занимательностью, богатствомъ сообщеній о мѣстной жизни или же помѣщеніемъ специальныхъ свѣдѣній — на примѣръ, о состояніи торговаго или промышленнаго рынка. Изъ этого слѣдуетъ то, что политическое образованіе возможно лишь на почвѣ всесторонняго обсужденія общественныхъ вопросовъ, а не на почвѣ пристрастнаго ихъ освѣщенія ежедневной прессой.

Чтобы судить о продуктивности ежедневной прессы страны, необходимо знать степень образованія тѣхъ, кто выступаетъ въ роли ея руководителей и представителей. Каждая страна представляетъ въ указанномъ отношеніи особенности, которыя необходимо всегда принимать въ соображеніе. Въ нѣкоторыхъ странахъ значеніе журналистики и мѣсто, занимаемое ею въ общественной жизни настолько велико, что люди, выдающіеся по характеру и по дарованіямъ, вступаютъ въ ея ряды, рассчитывая при помощи писательской дѣятельности достигнуть почета въ обществѣ и виднаго положенія въ правительственныхъ сферахъ; въ другихъ странахъ журналистика является средствомъ достиженія демагогическихъ успѣховъ въ низшихъ слояхъ общества. Возможны, наконецъ, такіе случаи, когда публицистическая дѣятельность отталкиваетъ отъ себя людей энергичныхъ и способныхъ, благодаря тому, что правительство относится къ прессѣ съ принципиальнымъ недоверіемъ, что прокуратура готова придратъся ко всякому слову оппозиціонныхъ листовъ, и что суды въ порицаніи дѣйствій правительства видятъ неумѣлое вмѣшательство профановъ и сознательное стремленіе къ оскорбленію правительства.

Въ государствахъ, въ которой бюрократія относится враждебно къ публичному обсужденію общественныхъ вопросовъ и въ которыхъ даже опытные юристы съ трудомъ могутъ установить грань между дозволенной критикой и противозаконнымъ выраженіемъ мнѣній, — тамъ лица, пріобрѣвшіе на государственной службѣ политическую опытность и запасъ знаній, большею частью принуждены воздерживаться отъ сотрудничества въ ежедневныхъ политическихъ изданіяхъ, изъ опасенія гоненій со стороны начальства и неудовольствія со стороны сослуживцевъ. Вдали отъ ежедневной прессы остаются также лица, которые, по недостатку публицистическаго навыка, считаютъ себя неспо-

собными передать основательныя и фактически важныя мнѣнія въ такой формѣ, которая могла бы соответствовать требованіямъ редакціонной цензуры.

Во главѣ прессы въ большинствѣ случаевъ стоятъ люди съ научнымъ образованіемъ. Съ внѣшней стороны, впрочемъ, важнѣйшими качествами журналиста являются талантливость изложенія и занимательность разсказа. Со стороны внутренней, его образованіе носитъ характеръ філофскій и эстетическій. Такое направленіе образованія журналистовъ отражается въ томъ, что даже въ умѣло редактируемыхъ органахъ ежедневной прессы доктринерскій и абстрактно-філософскій элементъ, а также діалектическая сноровка въ полемикѣ преобладаютъ въ ущербъ точности сообщаемыхъ фактовъ, всестороннему пользованію статистическимъ матеріаломъ и основательному обсужденію вопросовъ, рѣшеніе которыхъ требуетъ практической опытности.

Такъ какъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ главное вниманіе обращается на пріобрѣтеніе литературныхъ и эстетическихъ знаній или спеціальныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для той или иной профессіи, а образованію научно-политическому придается лишь второстепенное значеніе, то ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что на прессѣ отражается характеръ образованія лицъ, ею руководящихъ. Рѣзко выраженная тенденціозность, стремленіе къ формулированію отвлеченныхъ принциповъ и обобщеній, претендующихъ на абсолютную истинность, съ одной стороны, и спеціальныя, односторонніе взгляды, сложившіеся на почвѣ профессиональнаго образованія, съ другой, — вотъ особенности, характеризующія направленіе современной прессы. Стремленіе къ формулированію политическаго вѣроученія съ теченіемъ времени передается и такимъ лицамъ, которые лишены чувства внутренней духовной самостоятельности и не свободны отъ господствующей въ обществѣ подражательности. При такихъ условіяхъ

обмѣнъ мнѣній между газетами различныхъ партій обыкновенно остается безъ результатовъ. О томъ, чтобы придти къ опредѣленнымъ выводамъ на почвѣ фактическихъ доказательствъ, никто не думаетъ. Побѣдителемъ въ газетной полемикѣ признаетъ себя тотъ органъ, который путемъ указанія логической неслѣдовательности и противорѣчій въ статьяхъ противника, путемъ инсинуаціи и очерненія его характера и намѣреній, съумѣетъ нанести ему наиболѣе глубокія раны.

Духовная самостоятельность толпы никогда не была значительна. Благодаря современному развитію прессы, она въ настоящее время еще болѣе уменьшилась. Главнѣйшія теченія политической жизни не остаются безъ представителей въ лицѣ органовъ печати; но самостоятельное индивидуальное мнѣніе, не имѣющее ничего общаго съ доктринами господствующихъ политическихъ партій, лишь съ величайшимъ трудомъ можетъ проникнуть въ прессу.

Такимъ образомъ, теряется столь важное для развитія общественнаго мнѣнія взаимодействіе между индивидуальными мнѣніями и мнѣніемъ народа. Нельзя также ожидать и того, чтобы излишества партійной прессы встрѣчали своевременно противодѣйствіе со стороны общественнаго мнѣнія. Пресса, распространяющая свою критику рѣшительно на все, очень чувствительна, если на ряду съ благодѣяніями, ею оказываемыми, и съ пользой, отъ нея ожидаемой, указываютъ и на темныя ея стороны. Люди, наиболѣе знакомые съ технической стороной газетной дѣятельности и не разъ прибѣгавшіе къ прессѣ для пораженія своихъ противниковъ, менѣе другихъ способны подвергнуть неодобрительной критикѣ недостатки ежедневной печати. Они знаютъ силу той вражды, которую бы они навлекли на себя, если-бъ захотѣли раскрыть темныя стороны журна- листики.

Иногда сама пресса идетъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ; въ такихъ случаяхъ она далека отъ сознанія необходимости уступить въ чемъ либо голосу народа, авторитетъ котораго ею всегда прославляется. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ цивилизованныхъ государствахъ общественное мнѣніе относится съ неодобреніемъ къ объявленіямъ, оскорбляющимъ нравственное чувство, вродѣ тѣхъ, которыя содержатъ, напри- мѣръ, восхваленіе темныхъ ростовщическихъ предпріятій или одобреніе и пропаганду секретныхъ медицинскихъ средствъ и т. п. И несмотря на это, тѣ самыя газеты, которыя всегда готовы произнести строгій, нравственный приговоръ надъ дѣятельностью своихъ политическихъ противниковъ, не колеблясь, принимаютъ на свои столбцы оплоченные объявленія, которыя всѣми признаются безнравственными. По ихъ мнѣнію, такой образъ дѣйствій извинителенъ, потому что принять повсемѣстно. Само собой разумѣется, что въ каждой странѣ существуетъ въ этомъ отношеніи весьма почтенныя исключенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить что сила общественнаго мнѣнія въ отношеніи партійной прессы далеко не одинакова въ Англіи и въ континентальныхъ государствахъ Европы.

Въ большей части государствъ пресса не признаетъ иной зависимости, кромѣ зависимости отъ своей партіи, и не имѣетъ въ виду иной цѣли, кромѣ увеличенія своего политическаго значенія путемъ расширенія круга читателей. Поэтому, въ настоящее время политическая пресса является, собственно говоря, не органомъ общественнаго мнѣнія, а скорѣе выраженіемъ того перевѣса, который во многихъ государствахъ духъ партіи приобрѣлъ надъ духомъ народной общности. *Въ большинствѣ случаевъ пресса создаетъ общественное мнѣніе.* Въ настоящее время трудно было бы доказать существо-

ваніе народнаго мнѣнія, если оно не нашло себѣ выраженія въ печати.

Внѣ всякой связи съ прессой стоятъ лишь нѣкоторыя политическія движенія, имѣвшія мѣсто въ новѣйшее время въ нѣкоторыхъ большихъ центрахъ. Примѣры такого рода даетъ политическая жизнь Америки. Такъ называемая партія «*Know-nothing*» приобрѣла громадное значеніе, прежде чѣмъ нью-іоркскія газеты успѣли обратить на это должное вниманіе. Этимъ и объясняется съ перваго взгляда непонятное событіе, что *Фримонъ*, президентская кандидатура котораго поддерживалась почти всѣми нью-іоркскими газетами, во время выборной кампаніи 1856 года, получилъ при голосованіи лишь самое незначительное число голосовъ.

Не малый вредъ наноситъ моральной жизни народа господствующій въ прессѣ обычай *анонимности*. Пресса, историческое происхожденіе которой основано именно на томъ, чтобы служить выраженіемъ протеста общественнаго мнѣнія противъ тайны въ государственной жизни, пресса, признаваемая самымъ яркимъ проявленіемъ принципа гласности, — эта самая пресса вводитъ въ свою организацію начало *тайны*. Между тѣмъ появленіе предъ читающей публикой безъимянныхъ писателей въ сущности ничѣмъ не отличается отъ того, какъ если бы было принято за обычай, чтобы въ общественныхъ собраніяхъ, ораторы выступали въ маскахъ, подобно актерамъ древнихъ трагедій, или подобно преступникамъ, приговореннымъ къ строгому одиночному заключенію. Съ точки зрѣнія прессы, преслѣдуемой и стѣсняемой правительствомъ, анонимность еще можетъ быть признана необходимой, такъ какъ, при такихъ условіяхъ, лишь подъ покровомъ безъимянности могутъ проникать въ печать факты, которые безъ достаточнаго основанія скрываются отъ общества; кромѣ того анонимность способствуетъ

вступленію въ ряды журналистовъ людей, которые не рѣшались бы выступить открыто; безымянная форма примѣнима, наконецъ, для помѣщенія въ газетѣ статей, неудобныхъ для печати въ своей первоначальной формѣ и требующихъ переработки. Но въ странахъ, со свободнымъ государственнымъ строемъ, анонимность, принятая за правило, является вредной и въ интересахъ публики и въ интересахъ развитія общественнаго мнѣнія.

Прежде всего справедливость требуетъ чтобы люди, критикующіе въ печати дѣйствія другихъ, въ свою очередь не уклонялись отъ встрѣчной критики. На почвѣ общественной морали необходимость установленія личной отвѣтственности авторовъ представляется тѣмъ настоятельнѣе, что, съ одной стороны, юридическая отвѣтственность редактора не въ мѣру расширена уголовными законами, а съ другой стороны, что возложенная на газеты обязанность помѣщенія поправокъ и опроверженій отнюдь не обезпечиваетъ защиту общественныхъ интересовъ, страдающихъ отъ невѣрнаго изложенія фактовъ.

Кромѣ того слѣдуетъ принять въ расчетъ, что цѣнность высказаннаго въ газетѣ мнѣнія существенно опредѣляется личностью писавшаго. Это безъ сомнѣнія въ особенности относится къ предметамъ, обсужденіе которыхъ требуетъ извѣстной доли опытности или техническихъ знаній. Точно также и нападки на общественную мораль только тогда заслуживаютъ вниманія, если исходятъ отъ лица, высоко стоящаго въ нравственномъ отношеніи.

Не только содержаніе, но и форма изложенія выиграла-бы, если-бы каждый авторъ несъ личную отвѣтственность за высказанныя имъ воззрѣнія. вмѣстѣ съ тѣмъ уголовная отвѣтственность могла бы быть возложена исключительно на редактора, который долженъ быть признаваемъ цензоромъ всѣхъ

поступающихъ въ редакцію противозаконныхъ статей. Наконецъ, послѣдовательное проведеніе въ прессѣ принципа моральной и литературной отвѣтственности дало бы дѣйствительно талантливымъ журналистамъ возможность пріобрѣсти извѣстность и обезпечить себѣ широкое поле дѣятельности; большія газеты могли бы тогда заблаговременно привлекать въ число сотрудниковъ людей, уже успѣвшихъ въ небольшихъ изданіяхъ проявить свое дарованіе въ качествѣ публицистовъ, репортеровъ или критиковъ.

Невыгодность анонимности сказывается, далѣе, еще и въ томъ, что грубый тонъ анонимныхъ газетныхъ распрей отражается самымъ неблагопріятнымъ образомъ на общественныхъ формахъ сношеній въ средѣ интеллигентныхъ классовъ, подрывая уваженіе къ мнѣнію противника. Анонимность затрудняетъ возможность отличить дѣйствительное народное мнѣніе отъ воззрѣнія, которое выдается за мнѣніе народа органомъ партійныхъ интересовъ или писателемъ весьма сомнительной компетентности. Не мало читателей думаютъ, что за анонимомъ скрывается какой-либо выдающійся человекъ, князь въ области мысли, желающій остаться неизвѣстнымъ, чтобы избѣжать, надоѣдливыхъ выраженій удивленія со стороны своихъ читателей.

Этимъ объясняется, почему анонимнымъ статьямъ приписывается иногда значеніе, которое въ дѣйствительности имъ вовсе никогда не принадлежитъ. Весьма часто подобныя статьи оставались бы безъ вниманія, если бы публика знала, что прикрывающійся анонимностью авторъ, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, — человекъ безъ литературнаго имени и безъ политической опытности. Конечно, воспрещеніе анонимности путемъ законодательнаго акта невозможно. Но достойно замѣчанія, что въ наиболѣе развитыхъ въ политиче-

скомъ отношеніи странахъ, именно въ Англіи и Америкѣ, свободные отъ предразсудковъ государственные люди видятъ въ анонимности помѣху для правильнаго развитія общественнаго мнѣнія и открыто провозглашаютъ желательность введенія противоположной практики.

Если обычай анонимности вреденъ въ независимой прессѣ, то онъ тѣмъ болѣе пожелателенъ въ прессѣ официальной, или полуофициальной, получающей субсидію отъ правительства, если только эта пресса не ограничивается пустой публикаціей правительственныхъ распоряженій и извѣщеній. Тотъ фактъ, что правительство не въ состояніи найти людей, которые бы рѣшились открыто принять на себя личную отвѣтственность за выраженные ими взгляды правительства, въ значительной степени подрываетъ авторитетъ послѣдняго. Правительственная пресса обыкновенно имѣетъ общественное мнѣніе противъ себя, если только защищаемые ею взгляды не находятъ поддержки въ независимой печати. Въ авторахъ анонимныхъ статей независимыхъ органовъ печати нерѣдко предполагаютъ людей выдающихся; относительно подобныхъ же статей правительственной прессы почти всегда дѣлаютъ противоположное предположеніе. Уваженіе, которымъ къ государствахъ съ незначительно развитой политической свободой пользуются независимые писатели, вполне объясняется тѣми нравственными качествами, которыми они должны обладать, чтобы остаться стойкими въ своихъ убѣжденіяхъ, въ виду угрожающимъ имъ за малѣйшія промахи литературныхъ процессовъ. Писатели, безстрашно проводящіе въ печати свои взгляды, не отступая предъ угрозою литературнаго процесса, пользуются въ обществѣ (даже въ случаѣ принадлежности къ партіи, враждебной правительству) большими симпатіями и почетомъ, чѣмъ литераторы, находящіеся въ духовной зависимости отъ правительства и избавленные, благодаря такой зави-

симости, отъ опасности уголовнаго преслѣдованія. Поэтому вліяніе писателей указанныхъ двухъ типовъ на общественное мнѣніе далеко не одинаково. Было бы конечно неплюстостью ставить газетному сотруднику въ упрекъ, что вознагражденіе за свою литературную работу онъ получаетъ не изъ рукъ какого либо предпринимателя, а изъ средствъ государства. Тѣмъ не менѣе, общеизвѣстность того факта, что сотрудники оффиціальныхъ органовъ рѣдко являются принципиально убѣжденными защитниками своихъ мнѣній, а обязаны во всякомъ случаѣ защищать проводимыя ихъ начальствомъ мѣры, что они не смѣютъ относиться съ порицаніемъ къ дѣйствіямъ правительства, не смѣютъ даже молчать, разъ требуется услуга ихъ пера, — отнимаетъ у дѣятельности этихъ литераторовъ всякое нравственное значеніе и сводитъ къ нулю ихъ вліяніе на народъ.

Если затѣмъ, въ оффиціальную или полу-оффиціальную прессу проникаютъ приемы, свойственные худшей части партійной печати и выражающіеся въ нетерпимости къ мнѣнію противниковъ, въ искаженіи фактовъ, въ пристрастной оцѣнкѣ поступковъ, въ стремленіи перенести споръ на личную почву, въ умолчаніи о болѣе или менѣе важныхъ проявленіяхъ оппозиціи, — то можно съ полнымъ основаніемъ предположить, что правительство, поддерживая такую прессу, только содѣйствуетъ на счетъ государства цѣлямъ своихъ враговъ. Какъ бы сильно ни было правительство, какъ бы великъ ни былъ его авторитетъ въ глазахъ подданныхъ, — ему никогда не удастся приобрѣсти сторонниковъ въ области мнѣній при помощи средствъ, которыя оно само должно стремиться искоренить въ независимой прессѣ. Примѣненіе подобныхъ средствъ способствуетъ только тому, что люди независимые, раздѣляющіе взгляды правительства по тому или другому вопросу, не рѣшаются

однако, выступить публично въ защиту этихъ взглядовъ изъ боязни прослыть за тайныхъ правительственныхъ агентовъ. Въ большинствѣ европейскихъ странъ общественное мнѣніе, находящее выраженіе на столбцахъ независимыхъ газетъ, относится съ явнымъ неодобреніемъ къ направленію официальной или полу-официальной прессы. Неодобреніе это коренится въ томъ общераспространенномъ убѣжденіи, что въ правительственной прессѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, высказываемыя воззрѣнія являются продуктомъ подкуповъ, тайныхъ вліяній или неумѣстныхъ въ духовной сферѣ внушеній, исходящихъ непосредственно отъ правительства. Разъ подобное убѣжденіе возникло и получило обширное распространеніе, то о руководящемъ вліяніи воззрѣній правительства на общественное мнѣніе не можетъ быть и рѣчи.

Подобно тому, какъ французское законодательство о печати послужило предметомъ подражанія для такихъ же законовъ въ другихъ европейскихъ странахъ, такъ точно и приемы, пущенные въ ходъ второй имперіей для порчи прессы, не остались безъ примѣненія въ другихъ государствахъ.

Говоря вообще, оцѣнка состоянія общественнаго мнѣнія въ той или иной странѣ всегда совпадаетъ съ оцѣнкой продуктивности и степени нравственнаго значенія періодической печати. Не смотря на разнообразныя обвиненія и преслѣдованія со стороны правительства, пресса можетъ достигнуть высокаго развитія и явиться дѣйствительнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. И наоборотъ — не смотря на покровительство власти, развитіе прессы можетъ быть очень незначительно. Во всякомъ случаѣ, еще нигдѣ не было замѣчено, чтобы официальная или полу-официальная пресса занимала въ духовной жизни народовъ высшее положеніе, чѣмъ пресса независимая.

Односторонняя правительственная пресса и односторон-

няя партійная пресса естественнымъ образомъ дополняютъ другъ друга. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, первая является не болѣе, какъ прислужницей отдѣльныхъ министерствъ.

Пока пресса выступаетъ въ роли выразительницы народнаго настроенія и воззрѣній передовыхъ людей, *къ какой бы партіи они не принадлежали*, — было бы несправедливо отрицать ея благодѣтельное вліяніе въ сферѣ государственныхъ интересовъ и ея значеніе для будущихъ историковъ. Совершенно иной характеръ присущъ дѣятельности тѣхъ *одностороннихъ* органовъ печати, которые, стремясь во что бы то ни стало къ достиженію власти и могущества, выдаютъ принципы своей программы за единственно истинныя начала политической мудрости; замалчиваютъ возраженія своихъ политическихъ противниковъ; пренебрегаютъ честной полемикой; оставляютъ безъ обсужденія или извращаютъ факты, идущіе въ разрѣзъ съ ихъ собственными воззрѣніями; стараются дискредитировать въ глазахъ общества и смѣшать съ грязью личность и взгляды своихъ враговъ и скрываютъ авторовъ своихъ статей подъ маской анонимности.

Весьма понятно, что тенденціозно-партійная пресса никогда не согласится признать *общественное мнѣніе* въ тѣхъ случаяхъ, когда оно находится въ противорѣчій съ основными началами проповѣдываемыхъ ею доктринъ. Если обстоятельства того потребуютъ, то такая пресса отнесется, можетъ быть, съ безусловнымъ поклоненіемъ къ воззрѣніямъ, являющимся выраженіемъ общественнаго настроенія, но она никогда не будетъ содѣйствовать разъясненію, укрѣпленію и распространенію общественнаго мнѣнія, не соотвѣтствующаго ея узкимъ партійнымъ интересамъ.

Даже тѣ публицисты, которые принципиально сочувствуютъ системѣ англійскаго правленія партій и которые рѣшительнымъ

образомъ защищаютъ доктрины народной свободы,—и тѣ въ настоящее время считаютъ себя вынужденными указывать на опасность, которую представляетъ для правильного развитія общественнаго мнѣнія господствующая въ прессѣ партійная одно-сторонность.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе *Лорда Брума* о той прессѣ, которая по своему техническому совершенству, по степени предоставленной ей закономъ свободы, по размѣрамъ нравственнаго вліянія на общество, занимаетъ первое мѣсто:

«Послѣдствія злоупотребленія прессой, говоритъ онъ, двоякаго рода. Часто общественному мнѣнію дается неправильное направленіе, благодаря которому задерживается принятіе важныхъ и неотложныхъ законодательныхъ мѣръ и вызываются нежелательныя явленія въ народномъ настроеніи.

Еще чаще плодотворное исполненіе обязанностей со стороны министровъ и народныхъ представителей затрудняется, благодаря тому, что прессой вызывается волненіе и шумъ въ предѣлахъ избирательныхъ округовъ и тѣхъ общественныхъ классовъ, поддержка коихъ представляется необходимою. Спокойная и безпристрастная оцѣнка фактовъ и людей встрѣчаетъ въ такихъ случаяхъ серьезныя препятствія. Если бы народъ принималъ излагаемая печатью воззрѣнія по дѣйствительно зрѣломъ обсужденіи таковыхъ, то это отнюдь не повело бы къ жалобамъ съ нашей стороны. Мы возстаемъ лишь противъ пагубнаго вліянія отдѣльныхъ личностей, которые, въ видахъ служенія цѣлямъ своей партіи, сознательно вводятъ общественное мнѣніе въ заблужденіе, распространяя, при помощи тенденціозныхъ статей, неправильныя воззрѣнія или вооружая общество противъ правительства».

Пресса является въ настоящее время убѣжищемъ для по-

литических софистовъ, дѣятельность которыхъ, благодаря анонимности и отсутствію отвѣтственности за проповѣдываемыя воззрѣнія, можетъ оказаться пагубнѣе для условій общественной жизни, чѣмъ пропаганда аѳинскихъ софистовъ, разрушившихъ древнюю демократію. Трудно винить какую либо отдѣльную партію въ возникновеніи и распространеніи указанныхъ злоупотребленій печати. Государственные люди, встающіе противъ обычая анонимности, способствуютъ однако сами укорененію этого обычая, подражая въ инспирируемыхъ ими правительственныхъ органахъ всѣмъ приемамъ прессы партій и не стѣсняясь приводить свои воззрѣнія при помощи анонимныхъ статей.

Ненормальное развитіе газетнаго дѣла объясняется отчасти неправильностями законодательства о печати, созданнаго въ большинствѣ европейскихъ государствъ по французскому образцу.

Главный недостатокъ этого законодательства заключается въ томъ, что въ настоящее время журналистамъ можетъ быть всякій желающій, независимо отъ того, представляетъ ли такое лицо гарантію научной и нравственной подготовки къ руководству общественнымъ мнѣніемъ, или нѣтъ. Къ этому присоединяется еще, то, что вопросъ объ уголовной отвѣтственности по дѣламъ печати поставленъ почти во всѣхъ законодательствахъ крайне неудовлетворительно. Законъ не дѣлаетъ различія между злонамѣреннымъ оклеветаніемъ частныхъ лицъ и неумышленнымъ искаженіемъ фактовъ, всегда возможнымъ при условіи спѣшной, журнальной работы.

Въ настоящее время въ континентальныхъ странахъ Европы нерѣдко приходится слышать жалобы на *извращеніе* общественнаго мнѣнія, причемъ дѣйствительное мнѣніе народа противопоставляется мнѣнію ложному. Это объясняется тѣмъ, что между органами печати не мало такихъ, которые либо нахо-

дятся въ дѣйствительной зависимости отъ правительства и государственныхъ дѣятелей, либо стараются придать себѣ характеръ офиціозности. Многіе читатели примыкаютъ къ выражаемымъ подобными листками политическимъ мнѣніямъ не рѣдко только потому, что видятъ въ этихъ мнѣніяхъ отраженіе воззрѣній правительства, слѣдовать которымъ они считаютъ необходимымъ изъ личныхъ интересовъ или другихъ недостойныхъ побужденій. Если даже допустить, что при помощи такой прессы правительству удастся создать общественное мнѣніе въ средѣ политически незрѣлаго населенія, то вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать, что добытые такимъ путемъ результаты будутъ лишены всякаго значенія: если подобное мнѣніе окажется правильнымъ, то всетаки оно, какъ вызванное искусственно и не основанное на самостоятельной духовной дѣятельности самаго народа, останется безъ всякаго нравственнаго вліянія на общество; если же оно окажется ложнымъ, то на правительство падаетъ отвѣтственность за произвольную задержку духовнаго развитія народа.

VIII.

Задачи государства по отношенію къ общественному мнѣнію.

Нельзя себѣ представить ни одного культурнаго государства, въ которомъ общественное мнѣніе не играло бы никакой активной роли,—но съ другой стороны невозможно установить общаго правила относительно того, каковъ долженъ быть объемъ его дѣятельности.

Конечно, при всякихъ условіяхъ, независимо отъ характера управленія и формы государственнаго устройства, было бы желательно, чтобы общественное мнѣніе, прежде чѣмъ рѣшительно высказаться по тому или другому политическому вопросу, подвергло себя строгой провѣркѣ и окрѣпло въ народномъ сознаніи, для чего, понятно, необходимо время, и при томъ довольно продолжительное. Психологическая задача государственнаго чловѣка—всюду одна и та же. Онъ долженъ, не обращая вниманія на свои собственные взгляды, стараться ориентироваться въ громадномъ и часто туманномъ лабиринтѣ партійныхъ противорѣчій и заблужденій и выяснить истинное и дѣйствительное убѣжденіе народа. На немъ лежитъ обязанность опредѣлить, не сложился ли тотъ или другой выводъ общественнаго мнѣнія подъ сильнымъ вліяніемъ необыкновенныхъ страстей и волненій, умаляющихъ его дѣйствительную цѣнность. Сообразно съ этимъ, долженъ онъ опредѣлить и свой собственный образъ дѣйствій. Онъ долженъ или, жертвуя

своимъ собственнымъ положеніемъ, оказать противодѣйствіе требованіямъ общественнаго мнѣнія и возложить на другихъ отвѣтственность въ тѣхъ случаяхъ, когда у него есть основаніе опасаться печальныхъ послѣдствій для государства, или стать на оппортунистическую точку зрѣнія и направить свои усилія на то, чтобы, путемъ отсрочки важныхъ рѣшеній, сдѣлать возможнымъ вторичное изслѣдованіе сомнительныхъ вопросовъ, или, наконецъ, своевременно уступить. Два другіе способа, которые рекомендовала старая политическая практика, — въ наше время безусловно непримѣнимы. Не обращать вниманія на общественное мнѣніе втеченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени — въ такой же мѣрѣ неразумно, какъ подавлять его силою. Гегель безусловно правъ, когда говоритъ въ своей философіи права: «Въ общественномъ мнѣніи все ложь и все истина, но найти эту истину — вотъ задача великаго человека. Кто умѣетъ сказать своему времени, чего оно желаетъ, и способенъ осуществить его желанія — тотъ великій человекъ».

Если бы въ наше время было возможно, при помощи тѣхъ средствъ, которыя практиковали нѣкогда абсолютныя государства, силою подавлять всѣ проявленія общественнаго мнѣнія или не обращать на него вниманія въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго періода времени, то примѣненіе такого рода политическихъ принциповъ могло бы привести только или къ бурному возстанію гражданъ, потерявшихъ вѣру въ осуществленіе желательныхъ и, съ ихъ точки зрѣнія, насущныхъ реформъ, противъ слабаго правительства, или къ постепенному притупленію народнаго духа, лишившагося возможности удовлетворять своей потребности въ общественной дѣятельности.

Какое-бы рѣшеніе ни приняло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ то или другое свободное государство по отношенію къ

общественному мнѣнію, одною изъ важныхъ задачъ правительства всегда будетъ умѣнье не только дать общественному мнѣнію возможность беспрепятственно проявляться во внѣ, *но и своевременно* т. е. немедленно послѣ того, какъ мнѣніе это окончательно сложилось, опредѣлить его сущность.

Говоря объ отношеніи правительственныхъ органовъ къ общественному мнѣнію, мы до сихъ поръ исходили изъ предположенія о существованіи разногласія между правительствомъ и обществомъ. Но возможенъ и другой случай: правительство въ борьбѣ своей съ политическими и религіозными партіями можетъ имѣть общественное мнѣніе на своей сторонѣ. Отъ правильности оцѣнки и опредѣленія общественнаго мнѣнія зависитъ рѣшеніе, нужно-ли распустить данное собраніе представителей народа и возможно-ли созвать новое съ измѣненнымъ большинствомъ. Общественное мнѣніе можетъ сдѣлаться союзницей правительства, если удастся привлечь его къ борьбѣ противъ партійныхъ заблужденій и ошибокъ.

Если предположить, что общественное мнѣніе находится въ полной зависимости отъ ежедневной прессы, а эта послѣдняя проводитъ исключительно убѣжденія извѣстныхъ партій, то приходится признать, что въ конституціонныхъ монархіяхъ правительства, даже и распустивъ данное собраніе представителей, не имѣетъ никакой возможности вступить въ непосредственныя отношенія къ народу.

Поэтому задача всѣхъ конституціонныхъ государствъ не только дать общественному мнѣнію возможность беспрепятственнаго проявлять себя во внѣ, но, — что въ наше время имѣетъ гораздо большее значеніе, — и способствовать его выработкѣ и свободному распространенію. Недостаточно, слѣдовательно, установить причины, обусловливающія вредную зависимость общественнаго мнѣнія отъ повременной печати, а необходимо поставить на

очередь вопросъ: нѣтъ-ли средствъ для обезпеченія за народомъ самостоятельности и независимости сужденія въ области политики? Народъ, признанный способнымъ къ самоуправленію въ области государственной и общественной жизни, долженъ умѣть обобщать совершающіеся на его глазахъ факты и дѣлать правильные логическіе выводы изъ своихъ наблюденій.

Наибольшую опасность представляетъ, конечно, примѣненіе административныхъ законовъ подъ вліяніемъ партійнаго вліянія той или другой мѣстной газеты— что дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ административной практикѣ нѣкоторыхъ большихъ городовъ, особенно въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ. Но хотя такой союзъ между самоуправленіемъ и партійной прессой и представляется крайне опаснымъ, однако имѣются средства, могущія оградить умственную самостоятельность гражданъ отъ вліянія господствующихъ въ партійной прессѣ взглядовъ.

Никто до сихъ поръ еще не слыхалъ о томъ, что-бы англійская печать, по временамъ свергающая министерства, оказывала на самоуправленіе Сити хотя-бы сотую долю того вліянія, какимъ, благодаря временно господствующимъ въ мнѣніи общества теченіямъ, пользуется Нью-Йоркская печать у органовъ мѣстнаго управленія. Опытъ, пріобрѣтенный, благодаря постояннымъ занятіямъ текущими дѣлами, привычка къ самостоятельному отношенію къ фактамъ, сознание своей отвѣтственности, изощренная практикой наблюдательность—все это вмѣстѣ взятое даетъ энергичнымъ представителямъ народа, принимающимъ участіе въ самоуправленіи, возможность не только оцѣнить по достоинству попытки литературныхъ анонимовъ вторгнуться въ ихъ область дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уяснить себѣ значеніе той критики, которая направлена противъ хода общегосударственныхъ дѣлъ, противъ короны, министерства и

представительнаго собранія. Да кромѣ того, мелкая пресса не располагаетъ такими умственными силами, которыя необходимы для того, что-бы внѣ большихъ городовъ оказывать болѣе или менѣе сильное и прочное вліяніе на практику самоуправленія.

Повременная печать прибрѣла свое значеніе въ качествѣ главнаго изъ факторовъ, вліяющихъ на общественное мнѣніе, не сразу; она прибрѣла его постепенно, — благодаря традиціямъ произвольной цензуры, благодаря цѣлому ряду позорныхъ процессовъ, благодаря воспоминаніямъ объ уголовно-судебномъ мартирологѣ, — этомъ историческомъ прошломъ свободы слова и мнѣнія во всѣхъ деспотическихъ и мнимо-конституціонныхъ государствахъ.

Исторія могла бы, конечно, доказать, что, несмотря на строгое соблюденіе юридическихъ формальностей въ процессахъ по дѣламъ печати, въ борьбѣ правительства съ свободой слова, народъ большею частью былъ на сторонѣ преслѣдуемыхъ; общественное мнѣніе по самому существу своему болѣе склонно къ союзу съ критикою, протестующей противъ физической силы власть имущихъ. Общественное мнѣніе европейскаго континента было поэтому, въ прошломъ, всегда принципиально враждебно настроено противъ правительствъ. Но теперь послѣ появленія партій, пользующихся свободой слова не для общественнаго блага, а для терроризаціи мнѣній, можно надѣяться, что вредное вліяніе этой партійной прессы будетъ уменьшаться по мѣрѣ того, какъ убѣжденія большинства гражданъ, прибрѣтенныя ими, благодаря постоянному участию въ самоуправленіи и умственной работѣ, станутъ превращаться въ правительственныя дѣйствія.

Заботясь о развитіи корпоративной жизни и самоуправленія во всѣхъ его видахъ, государство достигаетъ не одного только внѣшняго сбереженія своихъ рабочихъ силъ. Оно при-

обрѣтаетъ также большую свободу для дѣятельности своихъ центральныхъ органовъ. Ибо заботы о самоуправленіи способствуютъ распространенію сознанія о сущности истинныхъ задачъ государства въ общественныхъ классахъ, которые на опытѣ убѣждаются, что предлагаемыя различными партіями спасительныя формулы могутъ только, подобно боевому кличу, указывать на приближеніе непріятеля, но не заключаютъ въ себѣ ручательства за правильное рѣшеніе спорныхъ вопросовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, во всякомъ случаѣ, только одно: задачи мѣстнаго самоуправленія въ извѣстныхъ государствахъ тѣмъ труднѣе и сложнѣе, чѣмъ прочнѣе въ нихъ вліяніе мѣстной печати, находящейся въ зависимости отъ сосредоточенныхъ въ центрахъ страны политическихъ партій. Нельзя, однако, съ другой стороны не признать, что англійская печать обязана тѣмъ вліяніемъ, какое она въ теченіе столькихъ столѣтій оказывала на ходъ государственной жизни, участію въ ней такихъ представителей литературы, которые, работая въ области англійскаго самоуправления, имѣли возможность заручиться довольно значительнымъ запасомъ политическаго опыта и потому въ состояніи были дать сильный отпоръ доктринтерски мь обстракціямъ и воспрепятствовать имъ занять господствующее положеніе въ прессѣ.

Только долголѣтняя привычка къ дѣятельному участію въ самоуправленіи могла-бы возстановить въ политическихъ дебатахъ то умственное равновѣсіе, безъ котораго общественное мнѣніе не имѣетъ никакого значенія въ государственныхъ вопросахъ. Но и при наличности такого равновѣсія, для болѣе или менѣе дѣйствительной политической зрѣлости народа, последнему необходимы: живое, не подавленное слѣпымъ прекло-неніемъ передъ авторитетомъ прессы, сознаніе своего органи-

ческаго единства, здравый смысл и неизвращенное правовое чувство. Въ виду необходимости для народа этихъ качествъ возникаетъ сомнѣніе, дѣйствительно-ли приносить государству пользу, распространеніе современнаго элементарнаго образованія. Нельзя не принять во вниманіе, что, одновременно съ распространеніемъ этого образованія, народъ находится подъ тлетворнымъ вліяніемъ мѣстной партійной прессы, которое становится все больше и по объему и по силѣ дѣйствія. Врядъ-ли можно опровергнуть то положеніе, что правильное развитіе народной жизни страдаетъ больше всего въ тѣхъ случаяхъ, когда анти-государственныя партіи умѣло эксплуатируютъ въ своихъ интересахъ благодарную почву всеобщаго элементарнаго образованія. Съ точки зрѣнія реформаторскихъ задачъ ближайшаго будущаго, можно было бы признать, что въ наиболѣе выгодномъ положеніи находятся тѣ государства, гдѣ, несмотря на отсутствіе всеобщаго элементарнаго образованія, народъ проникнутъ живымъ сознаніемъ національнаго единства и необходимости общественнаго мира, такъ какъ народъ этотъ, уже просто въ силу своего неумѣнья читать, недоступенъ вліянію анти-государственной прессы.

Въ Англіи, помимо традицій ея самоуправленія, оказывавшаго въ теченіе многихъ столѣтій и за долго до возникновенія періодической печати сильное вліяніе на національный духъ, имѣло по всей вѣроятности немаловажное значеніе и то обстоятельство, что у англійской печати въ началѣ ея дѣятельности не было читателей изъ простой народной массы, получившей элементарное образованіе, но не прошедшей никакой политической школы. Между тѣмъ въ Германіи объектомъ, на который воздѣйствовала пресса уже на первыхъ порахъ своего развитія, была народная масса, политическое невѣжество которой обсолютная монархія поощряла и под-

держивала съ тою же настойчивостью, съ какою она заботилась о введеніи принудительнаго всеобщаго элементарнаго образованія.

Когда въ XVI вѣкѣ протестанскія общины оказывали энергическое содѣйствіе распространенію народнаго образованія, онѣ имѣли въ виду сдѣлать для народа доступнымъ чтеніе библіи и такимъ образомъ дать христіанину возможность исполнить обязанности его совѣсти; общины эти поступали, слѣдовательно, вполне разумно. Но подлежитъ большому сомнѣнію вопросъ о томъ, разумно-ли поступаетъ государство, когда, не озаботившись предварительно ни объ устройствѣ народныхъ библіотекъ, ни о политическомъ образованіи народа, ни о развитіи популярной политической литературы, — оно цѣною колоссальныхъ жертвъ создаетъ почву, которую эксплуатируютъ представители развращающаго безнравственнаго писательства или различныя партіи, преслѣдующія только свои односторонніе интересы.

Что политическое образованіе народа въ современныхъ демократіяхъ отнюдь не идетъ параллельно съ развитіемъ періодической печати, — это фактъ, признаваемый всѣми болѣе или менѣе тонкими наблюдателями. Историческое прошлое Швейцаріи, напр., давало бы, казалось, право рассчитывать на сравнительно высшій уровень политическаго образованія народа, а между тѣмъ союзный судья Дубсъ указываетъ на поразительное позорное невѣжество швейцарскаго народа, какъ на серьезную опасность для демократіи. Не враги, а преданные друзья представительныхъ учрежденій отмѣчаютъ это же печальное явленіе въ Сѣверной Америкѣ, Голландіи и Англій — въ странахъ, гдѣ полная свобода убѣжденія и неограниченное право союзовъ существуютъ ужь очень и очень давно.

Организація школьнаго образованія народа заслуживаетъ,

слѣдовательно, серьезнаго вниманія съ точки зрѣнія не только общечеловѣческихъ и профессиональныхъ, религіозныхъ и церковныхъ интересовъ отдѣльныхъ личностей, но и съ точки зрѣнія національныхъ и политическихъ задачъ государства. Въ этомъ отношеніи имѣло бы особенно важное значеніе расширеніе программъ народныхъ школъ, путемъ включенія въ нихъ естественныхъ наукъ. Говоримъ «особенно важное», такъ какъ въ наше время слѣдуетъ заботиться о развитіи во всѣхъ классахъ населенія наблюдательности и способности къ правильному обобщенію въ гораздо большей степени, чѣмъ это дѣлалось въ прежнее время, когда, при черезъ-чуръ, быть можетъ, ревностныхъ заботахъ о развитіи памяти, не обращали никакого вниманія на способность къ самостоятельному мышленію. Грамотность можетъ приносить очень большую пользу развитію культурнаго человѣка, но простому народу она причиняетъ, преимущественно, вредъ, заставляя его жертвовать своею индивидуальностью и превращая его въ раба партійной періодической печати.

Если прежде воспитаніе народа имѣло въ виду, главнымъ образомъ, усиленіе слѣпой вѣры въ безусловный авторитетъ абсолютной власти государства и церкви, то въ наше время всеобщаго гражданскаго равенства и избирательнаго права, оно должно, конечно, преслѣдовать совершенно другія цѣли. Искусственно созданная потребность въ авторитетѣ могла бы въ наше время привести только къ усиленію могущества демагогіи и партійной печати. Наоборотъ, теперь больше всего должно заботиться о томъ, чтобы, наряду съ развитіемъ истиннаго патріотическаго чувства, развивались, и притомъ въ большей, чѣмъ до сихъ поръ степени, тѣ личныя качества, которыя необходимы для критической умственной дѣятельности. Среди этихъ качествъ главное мѣсто занимаютъ—независи-

мость характера и наблюдательность, которая слѣдуетъ выработать при помощи средствъ, предоставленныхъ въ распоряженіе человѣка самою природою.

Въ связи съ вопросомъ объ улучшеніи нашего народнаго образованія стоитъ и предложеніе, сдѣланное Блюнчли въ его «Политикѣ» и заслуживающее большаго вниманія, чѣмъ то, которое до сихъ поръ выпадало на его долю. Это — разработанная имъ и подробно обоснованная мысль относительно «*посвященія въ гражданае*». Это было бы желательнo уже потому, что достоинство общественнаго мнѣнія его цѣнность опредѣляется не только степенью народнаго образованія, но и индивидуальными особенностями каждаго характера. Нельзя не признать, что всего важнѣе это — установленіе живаго взаимодействія между народомъ, обладающимъ активнымъ избирательнымъ правомъ, и руководителями его духовной жизни. Опытъ учитъ насъ, что необходимость для народа политическаго образованія не находитъ себѣ, къ сожалѣнію, достаточно признанія даже и среди высшихъ общественныхъ классовъ. Въ демократическихъ государствахъ, особенно въ Сѣверной Америкѣ, многіе уклоняются отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ только потому, что имъ не по душѣ средства и пути демагогіи и профессиональныхъ политиковъ, а также и потому, что партійныя газеты нерасположены давать на своихъ столбцахъ мѣсто независимымъ мнѣніямъ. Между тѣмъ больше всего слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы различныя государственныя мѣры не являлись результатомъ борьбы однѣхъ только партій, но и подвергались безпристрастной критикѣ со стороны лицъ, заинтересованныхъ въ свободной отъ одностороннихъ стремленій той или другой партіи оцѣнкѣ этихъ мѣръ по ихъ дѣйствительному достоинству.

Въ виду всего сказаннаго, необходимо, чтобы государ-

ственные науки въ большей, чѣмъ это было до сихъ поръ, степени, сдѣлались общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ классовъ. При серьезномъ, вдумчивомъ отношеніи къ окружающей насъ средѣ, нельзя не признать, что даже и среди высшихъ классовъ нашего населенія политическое образованіе, самостоятельность мышленія и независимость характера распространены гораздо меньше, чѣмъ это для нихъ необходимо, чтобы, въ видахъ общественнаго блага, оказывать болѣе сильное вліяніе на убѣжденія массы. Въ то время, какъ въ Англіи представители высшей аристократіи и богатые практическимъ опытомъ, выдающіеся государственные люди, какъ напр. лордъ Бругамъ, лордъ Джонъ Руссель и Эрнъ-Грей, считали за особую для себя честь излагать передъ обширнымъ кругомъ читателей въ увлекательной и популярной формѣ основныя начала англійскаго государственнаго права въ связи съ общегосударственнымъ правомъ, у насъ мы напрасно стали бы искать среди высшихъ чиновниковъ людей, которые бы дѣлились съ народомъ своимъ богатымъ запасомъ политическаго опыта и государственной мудрости и готовы были бы выступить въ роли учителей народа. Въ большинствѣ европейскихъ государствъ великими людьми сдѣлано очень много для распространенія знакомства съ естественными науками, но почти ничего не сдѣлано для распространенія и повышенія уровня политическаго образованія.

Часть прессы, повидимому, умышленно старается поддерживать убѣжденіе, что ежедневныя газеты являются вполне достаточнымъ ресурсомъ, чтобы обезпечить народу необходимый запасъ политическаго образованія. Государственные люди, конкурируя въ этомъ отношеніи съ ежедневной прессой, утверждаютъ, что спеціалисты, профессора и преподаватели государственныхъ наукъ потеряли, благодаря своимъ теорети-

ческимъ занятіямъ, способность высказывать правильныя и примѣнимыя на практикѣ мнѣнія по вопросамъ общественной и государственной жизни. Бюрократическая рутина чиновничества, заинтересованнаго только въ томъ, чтобы его проекты по возможности скоро прошли черезъ всѣ стадіи общественной критики, и поверхностность нѣкоторыхъ журналистовъ — сходятся въ качествѣ союзниковъ на общей почвѣ пренебреженія къ научнымъ занятіямъ государствовѣдѣніемъ. Если общественное мнѣніе, дѣйствительно, представляетъ собою силу, способную при однихъ условіяхъ приносить пользу, при другихъ причинять вредъ, то на обязанности государства лежитъ сдѣлать все, что только возможно, для того, чтобы облегчить участіе свободной отъ партійной односторонности науки въ воспитаніи общественнаго мнѣнія. Государство теперь должно относиться къ государственнымъ наукамъ совсѣмъ иначе, чѣмъ оно относилось къ нимъ въ тѣ времена, когда на университетахъ ввели почетное подозрѣніе въ томъ, что они являются разсадниками самостоятельности убѣжденій и развиваютъ въ юношествахъ противный абсолютизму духъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ вся тяжесть этого подозрѣнія пала на государственныя науки, задачи которой выходили далеко за предѣлы объясненія существующаго праваго порядка и преклоненія передъ нимъ; вслѣдствіе этого правительства очень ревниво ограждали даже своихъ судей и чиновниковъ отъ всякаго соприкосновенія съ свободнымъ духомъ критики. Государственныя науки цѣнились, въ сравненіи съ чисто юридическими (дивильными) дисциплинами очень низко, гораздо ниже во всякомъ случаѣ, чѣмъ онѣ заслуживали. Недаромъ, впоследствии стали раздаваться жалобы выдающихся государственныхъ людей на численное преобладаніе юристовъ въ представительныхъ собраніяхъ и на обусловлен-

ную этимъ явленіемъ трудность безпристрастнаго рѣшенія общихъ политическихъ вопросовъ.

Въ самомъ большомъ изъ нѣмецкихъ государствъ оффиціальное преподаваніе государственнаго права и политической экономіи остановилось на той точкѣ, на которой его засталъ 1848 годъ. Государственныя науки, несмотря на настойчивыя предупрежденія Делингера, не встрѣчали въ германскихъ университетахъ признанія даже въ той мѣрѣ, въ какой онѣ издавна пользовались имъ въ другихъ странахъ. Нежеланіе удѣлять тщательному и строго научному изслѣдованію явленій государственной жизни столько же вниманія, сколько его тратится на изученіе фізіологическихъ процессовъ различныхъ насѣкомыхъ и египетскихъ древностей, можно объяснить только развѣ существовавшимъ когда-то страхомъ передъ политическими дебатами въ зданіи университетовъ и отождествленіемъ науки о государствѣ съ поверхностнымъ изложеніемъ субъективной критики правительственныхъ мѣропріятій, — страхомъ, въ наше время совершенно беспочвеннымъ.

Признавая, что университеты обязаны заботиться о развитіи научнаго изученія государствовѣдѣнія и путемъ его преподаванія давать интеллигентнымъ чиновникамъ, кромѣ профессиональнаго, юридическаго, также и общее политическое образованіе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ упустить изъ виду настоятельной потребности въ такихъ учрежденіяхъ, которыя, являлись бы посредствующимъ звеномъ между храмами чистой науки и ежедневной прессой и знакомили бы средніе и низшіе классы населенія съ самыми основными началами и простѣйшими методами государственныхъ наукъ. Только, идя по этому пути, можно достигнуть свободы для всѣхъ элементовъ, принимающихъ активное участіе въ образованіи обществен-

наго мнѣнія. Эти учрежденія не только служили бы полезнымъ противовѣсомъ прессѣ, но и обезпечили бы ей самой лучшее пониманіе ея важныхъ задачъ и болѣе справедливую оцѣнку ея дѣйствительно полезныхъ для общества стремленій.

Само собою разумѣется, что лишенные общаго плана, разрозненные публичные чтенія не могутъ, никоимъ образомъ, исполнить въ дѣлѣ популяризаціи политическаго образованія ту роль, къ которой призваны постоянныя учрежденія. Мы предполагаемъ при этомъ, понятно, что въ подобныхъ учрежденіяхъ не будетъ ничего аналогичнаго съ оффиціозными и оффиціальными органами печати, съ ихъ полною зависимостью отъ взглядовъ и воли администраціи, и что они посвятятъ себя служенію свободной наукѣ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Серьезнаго вниманія заслуживаетъ фактъ учрежденія въ теченіе послѣдняго времени во Флоренціи и Парижѣ высшихъ учебныхъ заведеній для преподаванія политическихъ наукъ. Заведенія эти не находятся ни въ какой связи съ университетами и служатъ удовлетворенію потребности въ образованіи для тѣхъ, кто ни имѣетъ доступа въ университеты и не удовлетворяются разрозненными свѣдѣніями, которыя даютъ публичныя чтенія. Вспомнимъ только про категорію неинтеллигентныхъ чиновниковъ, входящихъ въ составъ составныхъ элементовъ въ различные органы самоуправленія, и мы поймемъ всю необходимость пополненія политическаго образованія.

Нельзя обойти молчаніемъ то обстоятельство, что широко примѣняемый въ спеціальныхъ наукахъ принципъ раздѣленія труда очень сильно затрудняетъ процессъ образованія общественнаго мнѣнія. При рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ одностороннее увлеченіе мнѣніемъ ученыхъ спеціалистовъ также вредно, какъ и безусловная вѣра въ мудрость толпы, облеченной избирательнымъ правомъ. Для того что-бы обще-

ственное мнѣніе было дѣйствительно полезнымъ для политической жизни факторомъ, необходимо сглаживающее крайности взаимодействіе между специалистами и людьми изъ публики, между мнѣніемъ отдѣльной личности и мнѣніемъ народной массы.

Ученныя доктрины, не пользующіяся авторитетомъ у образованнаго общества, не имѣютъ никакой цѣны для политической практики, такъ точно, какъ не имѣютъ ее и навѣяныя модой мнѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда они не находятъ себѣ защитниковъ среди выдающихся людей своего времени. Какъ ни велика польза, которую теорія и наука извлекаютъ изъ принциповъ спеціализаціи и раздѣленія труда, общественная жизнь ими довольствоваться не можетъ и требуетъ сосредоточенія всѣхъ силъ, стремящихся къ примѣненію въ государственной жизни научныхъ теорій.

Вотъ почему обычные въ континентальныхъ странахъ съѣзды юристовъ, сельскихъ хозяевъ, педагоговъ, тюрьмовѣдовъ, санитаровъ и вообще «узкихъ спеціалистовъ» приносятъ государству гораздо меньше пользы, чѣмъ «Англійская національная ассоціація для содѣйствія развитію государственныхъ наукъ». Въ составъ этой ассоціаціи входятъ также и представители общественной гигиены, сельскаго хозяйства, народнаго образованія, соединившіеся въ одно цѣлое для того, что-бы путемъ совмѣстныхъ усилій диллетантовъ и спеціалистовъ овладѣть руководствомъ надъ общественнымъ мнѣніемъ и способствовать его прогрессу.

Если огражденіе общественнаго мнѣнія отъ опасныхъ заблужденій и преобладающаго господства партійныхъ страстей дѣйствительно является задачей свободныхъ обществъ, если смутнымъ мотивамъ, руководящимъ на выборахъ темною массою, приходится противопоставить свободное обсужденіе всѣхъ существенныхъ вопросовъ, которое-бы предшествовало ихъ

окончательному рѣшенію, — то врядь-ли окажется возможнымъ навсегда отказаться отъ услугъ періодической печати. Обычай пользоваться ею, какъ вспомогательнымъ средствомъ для народнаго образованія, очень глубоко укоренился въ нашей жизни, и несомнѣнно, что ни осуществленіе права собраній, ни печатаніе книгъ и отдѣльныхъ брошюръ не заставятъ такъ называемую большую публику прислушиваться къ голосу даже лучшихъ союзниковъ гражданской свободы и общественнаго порядка.

Поэтому въ тѣхъ государствахъ, гдѣ общественное мнѣніе нуждается въ нѣкоторыхъ коррективахъ, должно на мѣсто анонимной, и потому пользующейся слабымъ вліяніемъ, правительственной печати, поставить, въ качествѣ вполнѣ независимаго и отъ партій, и отъ администраціи образовательнаго фактора, — государственный органъ, имѣющій цѣлью свободное научное и вмѣстѣ съ тѣмъ общепонятное обсужденіе всѣхъ общественныхъ явленій тѣми лицами, для которыхъ доступъ въ партійную прессу или совершенно невозможенъ, или сопряженъ съ большими затрудненіями. Существованіе такого органа имѣло-бы выдающееся общественное значеніе, такъ какъ нынѣ многимъ лицамъ, обладающимъ и большимъ запасомъ политическаго опыта, и даромъ изложенія, болѣе чѣмъ непріятно хлопотать о помѣщеніи ихъ статей въ органахъ партійной печати.

Свобода печати только тогда будетъ оказывать значительное вліяніе на развитіе политическаго образованія, когда само государство призоветъ къ критикѣ своихъ мѣропріятій и къ участію въ воспитаніи общественнаго мнѣнія всѣхъ людей, обладающихъ литературнымъ талантомъ, политическимъ опытомъ, независимымъ характеромъ и стремленіями къ дѣятельности на благо общества, и когда оно дастъ имъ возможность

говорить съ большою публикою. Тогда публика эта гораздо скорѣе, чѣмъ теперь, будетъ въ состояніи опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, дѣйствительно-ли наступило уже время для окончательнаго рѣшенія того или другаго вопроса государственной жизни, или, въ видахъ большей правильности и основательности этого рѣшенія, его слѣдуетъ отложить на нѣкоторое время.

Многія изъ тѣхъ мыслей, которыя теперь безслѣдно проходятъ по книжному рынку и, несмотря на свои высокія достоинства, быстро предаются забвенію, не могли бы не оказать вліянія на убѣжденія народа, еслибы онѣ были высказаны въ надлежащемъ мѣстѣ. Даже абсолютныя монархіи считали необходимымъ знакомить общественное мнѣніе съ сущностью выдающихся законопроектвъ, до обнародованія ихъ въ формѣ законовъ. Въ наше время потребность въ свободной и компетентной критикѣ приняла, сравнительно съ прошлымъ, гораздо большіе размѣры.

Неизбѣжная во многихъ случаяхъ поспѣшность, съ которою законопроекты должны проходить черезъ стадіи парламентскаго обсужденія, наличность многочисленной группы специалистовъ, способныхъ принести большую пользу обществу, необходимость серьезной подготовительной работы въ области законодательства, однимъ словомъ, всѣ условія жизни требуютъ чтобы своевременной, положительной и исправляющей недостатки критикѣ были обеспечены государствомъ дѣйствительныя средства для свободнаго выраженія мнѣній.

Будущность представительства и парламентаризма въ значительной степени зависитъ отъ того, проникнутся-ли собранія народныхъ представителей сознаніемъ невозможности полагаться въ законодательной дѣятельности только на свои собственныя силы, оградятъ-ли они себя отъ черезъ-чуръ поспѣшныхъ рѣ-

шеній, и проявятъ-ли готовность привлечь къ совмѣстной работѣ всѣхъ заинтересованныхъ въ томъ, что-бы общественное мнѣніе своевременно, т. е. до окончательнаго голосованія, высказывалось по существу обсуждаемаго вопроса законодательства. Горечь запоздалой, напрасно взывающей къ тому, что уже не можетъ быть измѣнено, критики, могла бы быть устранена, и противорѣчія между двумя партіями, борющимися за численное преобладаніе, могли бы быть значительно смягчены, если-бы только выдающіеся и свободные, какъ отъ вліянія администраціи, такъ и отъ партійныхъ предразсудковъ, люди могли публично и подъ отвѣтственнымъ руководствомъ авторитетнаго дѣятеля убѣждать общество, что всякому мнѣнію присуща извѣстная доля истины, что данный взглядъ отнюдь не единственно правильный и что возможны и другіе взгляды, для выраженія которыхъ ходъ парламентскихъ преній, быть можетъ, не представилъ случая.

Своевременное ознакомленіе съ процессомъ образованія общественнаго мнѣнія должно быть въ высшей степени желательно для всякаго добросовѣстнаго представителя народа. Вотъ, что говоритъ лордъ Брумъ объ отношеніи представителей народа къ прессѣ: «Если свободно высказанныя мнѣнія выдающихся людей получаютъ распространеніе и пользуются общимъ сочувствіемъ, если безстрашно разоблачаются заблужденія той или другой политической системы, если народное недовольство глубоко укоренившимися недостатками общественнаго строя находитъ себѣ исходъ въ жалобахъ на представителей власти,—то общественное благо отъ этого только выигрываетъ, и народу ни въ какомъ случаѣ нельзя бросить упрека за то, что онъ требуетъ отъ своихъ представителей сложенія съ себя полномочій и отказываетъ имъ въ томъ довѣріи, которымъ онъ ихъ прежде почтилъ. Такія явленія должны радовать народныхъ представителей

такъ какъ они способствуютъ выясненію истины и, заставляя власть имущихъ прислушиваться къ голосу всего общества, оказываютъ благотворное вліяніе на ходъ государственной жизни. Въ этихъ случаяхъ права народныхъ представителей не умаляются, убѣжденія не насилуются, а ихъ конечныя стремленія встрѣчаютъ со стороны народа не противодѣйствіе, а поддержку.

Если ядъ личныхъ нападокъ помѣшаетъ представителю народа слѣдовать по пути, который ему указываетъ его личное искреннее и продуманное убѣжденіе, если страхъ передъ печатнымъ порицаніемъ заставитъ его отказаться отъ того, что по его-же мнѣнію составляетъ его обязанность, если представитель народа изъ жажды лести или изъ опасенія вражды руководящихъ органовъ прессы начнетъ сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ ея желаніями,—онъ тѣмъ самымъ позорно измѣнитъ возложенному на него довѣріемъ націи долгу; въ глазахъ всѣхъ здравомыслящихъ людей и онъ самъ, поддаваясь чувству страха, и тѣ, кто вызываютъ въ немъ это чувство, совершаютъ тяжелое преступленіе».

Хотя даже самыя строгіе методы статистическаго, философскаго и социальна-психологическаго изслѣдованія не исключаютъ возможности ошибокъ, не подлежатъ, однако, никакому сомнѣнію, что среди умственныхъ авторитетовъ общества первое мѣсто принадлежитъ наукѣ. На обязанности представителей науки лежитъ не одна только забота объ увеличеніи наличной суммы знаній или славы научнаго изслѣдованія. Они должны также содѣйствовать тому, что-бы великія и болѣе или менѣе прочно установившіяся истины были превращены въ общественныя цѣнности и стали обще-національнымъ достояніемъ. Чуждые борьбы партій, свободные отъ маніи непогрѣшимости и той самоувѣренности, которая не позволяетъ противнику высказаться и при-

знаетъ свои мнѣнія неопровержимыми, готовые всегда съизнова провѣрять или доказывать всякое положеніе, и сознаваться въ каждомъ заблужденіи, неподчиненные партійной дисциплинѣ, обязывающей къ вѣрности разъ принятымъ постановленіямъ, — представители науки призваны быть, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, воспитателями общественнаго мнѣнія. Въ наше время не только естественныя, но и государственныя науки не имѣютъ права ограничиваться одною только строго-научной дѣятельностью въ аудиторіяхъ и кабинетахъ ученыхъ учреждений, но обязаны стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться силою въ широкой области общественной жизни, опорой гражданскаго чувства общенности, должны стремиться доказать свое превосходство надъ враждебными государству ученіями.

Въ концѣ концовъ единственно законными элементами общественнаго мнѣнія являются нравственное чувство долга гражданъ и общая вѣра въ могущество науки, которая одна во всеоружіи положеній, признаваемыхъ при данномъ ея состояніи истинными, способна одержать побѣду надъ разнаго рода предубѣжденіями, предразсудками и страстями.

Если, дѣйствительно, есть основаніе бояться за нравственность будущаго и если опасности, на угрожающій ростъ которыхъ такъ настойчиво указываютъ со всѣхъ сторонъ, дѣйствительно, существуютъ, то ни возвращеніе къ принудительнымъ средствамъ противъ свободы мысли и слова, ни ограниченіе политической свободы гражданъ не спасутъ насъ отъ паденія. Наоборотъ, съ гораздо большимъ правомъ можемъ мы примѣнить къ нашему времени слова И. Г. Фихте, сказанныя имъ въ предисловіи къ «Системѣ Этики», вышедшей въ свѣтъ непосредственно за потрясающими событіями 1848 года. «Спасити насъ можетъ только наука, опирающаяся на вѣру во вліяніе идей на челоуѣчество».

Это, конечно, вовсе не значитъ, что ученые добиваются привилегированнаго положенія въ политическомъ мѣрѣ, какъ его когда то добивались служители церкви. Нельзя также усматривать въ словахъ Фихте, что дѣло идетъ о томъ, чтобы изобрѣсти новыя государственныя теоріи, для разрѣшенія при ихъ помощи трудныхъ вопросовъ политической практики. Смыслъ этихъ словъ правильнѣе всего формулировать слѣдующимъ образомъ: одинъ только авторитетъ науки обладаетъ достаточною силою для того, чтобы служить противоманіи непогрѣшимости и экспериментальной политикѣ тѣхъ представителей власти, которые, въ излишнемъ довѣріи къ вдохновенію своего личнаго генія, способны рисковать благомъ народа. Сдѣлать общественное мнѣніе нравственной силою въ состояніи одна только наука, въ томъ конечно, случаѣ, если ученые не ограничатся заботами объ увеличеніи славы научнаго изслѣдованія, а проникнутся гражданскимъ чувствомъ общественности и примутъ на себя дѣятельную роль учителей народа. Наука призвана быть воспитательницею общественнаго мнѣнія. Въ ея задачи входитъ не только расширеніе круга знаній, но и содѣйствіе развитію нравственнаго элемента въ проявленіяхъ народной воли въ государственной жизни.

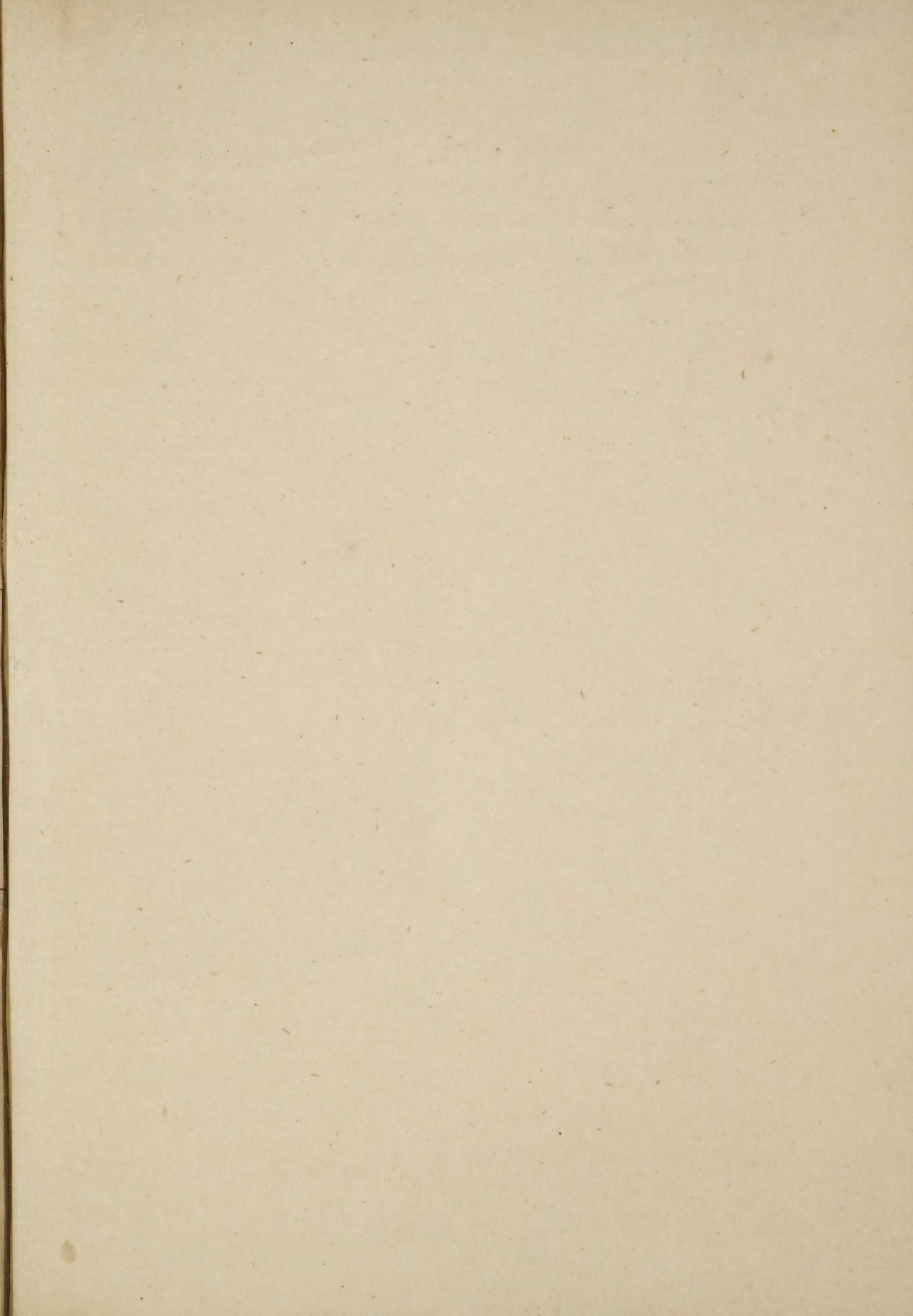
Военная наука увѣнчала нѣмецкое войско славой великихъ побѣдъ и была руководительницею храбрости и воинскихъ доблестей нѣмецкаго народа.

Пожелаемъ-же, чтобы и государственныя науки исполнили свое призваніе и, принявъ принадлежащее имъ по праву руководство надъ общественнымъ мнѣніемъ, обеспечили нашему времени мирную культуру.

Одинъ изъ первыхъ ученыхъ, который въ эпоху абсолютизма признавалъ эту общественно-народную задачу государ-

ствова́дѣнія былъ Гюстъ Мозеръ. Въ теченіе почти цѣлаго столѣтія примѣръ его не находилъ подражателей и только въ наше время Блюнчли своимъ «Нѣмецкимъ государственнымъ правомъ для образованныхъ людей» напомнилъ намъ о нашей обязанности по отношеніи къ націи.

ФАБРИКА
ИВТАЕВСКАГО
Б. ДВОРЯНСКАЯ 24
МАГАЗИНЪ ВЛАДИМ. 4

Гольцес-
ндорфт

Общес-
твенное
Мнѣніе

М. Ф.